

С. СОМ

КАТАКОМБНЫЙ ИТОГ,
КНИГА ТРЕТЬЯ:

КЕЙВЛАЙВИНГ
В СОВКОВЫЙ
И ПОСТСОВКОВЫЙ
период

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тьма пещеры пред вами завесою	
Киот чёрного квадрата	
Пребывание-91: адаптация	
Отступление спелеофилософское	
Пребывание-91: оснащение	
Из истории спелеонавтики	
Zoologykologie	
И другие совковые истории	
Пребывание-91: бытие	
Ритмика в недрах земли	
Пребывание-91: работа	
Zoologykologie-91	
Пребывание-91: завершение	
Явные признаки перезанимания спелестологией	
Зад менее солнца под землёй	
Топографические моностихи	
Месяц на троих	
Вне зрения	
Стресс, как норма жизни	
Преамбула стресса	
Спелеострессовые агенты	
Фрустрации общего типа и спелестологи	
Спелеофрустрации	
Спелеофобии и спелеопсихозы	
Физиологический дистресс	
Что додику в погибель...	
Закрытие — или защита?	
Слово о равновесии	
Человек – пещере	
Пещера – человеку	
Summa equinoxum	
Вандалы и варвары	
Вместо резюме	

СОДЕРЖАНИЕ:

Тьма пещеры пред вами завесою	5
Киот чёрного квадрата	7
Пребывание-91: адаптация	18
Отступление спелеофилософское	30
Пребывание-91: оснащение	40
Из истории спелеонавтики	49
Zoолоkologie	72
И другие совковые истории	118
Пребывание-91: бытие	135
Ритмика в недрах земли	146
Пребывание-91: работа	170
Zoолоkologie-91	188
Пребывание-91: завершение	205
Явные признаки перезанимания спелестологией	217

ТРАДИЦИОННОЕ АВТОРСКОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ:

К сожалению, предлагаемый вниманию Читателя “Катакомбный Итог” не может быть выпущен в виде единой книги. А потому пришлось разбить его на независимые повествования, включившие частично сдублированные главы. Сделано это для того, чтобы Читатель, не имеющий подземного опыта, по прочтении любой из книг составил себе верное представление о сути спелестологии (она же спелеонавтика или кейвлайвинг), её истории и условий, в которых человек находится под землёй — в рукотворных и естественных пещерах. Просьба отнестись к такому дублированию, а также к неизбежному повторному упоминанию одних и тех же событий со всей возможной терпимостью.

Перед особо щепетильными читателями заранее извиняюсь за “непарламентскую лексику”, которую не счёл возможным заменить стыдливymi эвфемизмами.

Ибо тогда это повествование было бы о других людях, живущих на иной Мировой Линии.

Ходящих в совсем иные пещеры.

И написанное к тому же другим человеком.

*J.-M. Jarre,
M. Siffre,
Maurizio Montalbini –
с благодарностью
за услышанное и прочитанное.*

ТЬМА ПЕЩЕРЫ ПРЕД ВАМИ ЗАВЕСОЮ

... Не для славных побед
И не в силу дурных обстоятельств,
Не по воле сует,
Не во имя добра или зла,
Не за пищей ума –
Как мечтой одержимый искатель,
И не жизнь поломать,
И не то, чтоб судьба привела, —
 Не от злого суда
 Или памяти душного груза,
 Не от скуки труда,
 Не от мира светящихся вольт,
 Не за ржавым пером
 Распродажной малёванной музыки,
 Не за сладким вином,
 Затмевающим вечную боль —
 — ПОГРУЖАЮСЬ ВО ТЬМУ.
 Вы бы знали, какие там люди!
 Что себе самому
 Не простят то, что друг совершил, —
 И всегда вас поймут:
 Надо — вылечат, а не осудят.
 И — ни неба. Ни звёзд. Ни светил.
 : ТОЛЬКО ИСКРЫ ДУШИ.

... Погружаюсь во тьму.

Нависающий угол плиты крышкой люка отсекает свет — такой неразлучно-привычный, что Человек Поверхности и представить не может себе, как же вдруг: без него, *совсем без него* — не миг, не минуту и не день, — **НЕДЕЛИ И МЕСЯЦЫ** —

: ЖИЗНИ.

— В абсолютной Тьме.

Невозможность представить Мир, по-настоящему лишённый света, настолько сильна и непреодолима у “человека поверхности”, что порождает массу коварных иллюзий. Самые распространённые из которых — книжные и кино-штампы:

: Почему-то, когда описываются приключения героя, волею сюжета оказавшегося под землёй, он, не прибегая ни к каким средствам освещения, спокойно преодолевает километры подземных ходов, выслеживая недругов или спасаясь от погони,— при этом легко ориентируясь в любых, даже самых запутанных лабиринтах; если же рассказ о каких-либо подземных приключениях ведёт камера — всё обозримое на экране пространство заливают потоки непонятно откуда берущегося дневного света...

И силвесторы сталлоне невольной спелеологии, попадая со сверкающего отблесками солнца горного снега в подземную тьму, *прекрасно ориентируются в ней* — мгновенно, тут же, без какой-либо адаптации зрения,— мало того: махач киногероев в гроте с входными отверстиями происходит так, будто потоки яркого света, что изливаются из входов, вовсе не слепят их,— тьма, находящаяся вне светового поля солнечного прожектора, также не является препятствием для активного рукоприкладства,—

: Бред этот, множющийся год от году, не вызывает смеха.

: *Не до смеха становится, когда, бросив свои дела, приходится устремляться под землю на поиски очередного романтически настроенного полудурка — начитавшегося или насмотревшегося подобной лажи.*

Заблуждение это тем более странно, что каждый из нас всем своим жизненным опытом знает: *темнота, как и тишина — первичны*; свет и звук — вторичны. Более того — эфемерно-временны: существуют лишь, пока имеется их источник. <Ещё в Библии, в начальных её строках, сказано: *изначально ничего не было, кроме тьмы; затем было Слово: — да будет свет!*.. Тот, кто писал Библию, понимал эту азбучную истину. >

: Выключи фонарик, задуй свечу, погаси налобник¹ — мгновенно падёт Тьма.

ВОТ ГЛАВНОЕ ОТЛИЧИЕ МИРА ПОДЗЕМЛИ ОТ ВЕРХНЕГО МИРА.

Человек может существовать в нём лишь до тех пор, пока имеет хоть какой-то источник освещения. Кончится свет под землёй — человек в условиях абсолютной тьмы становится беспомощней младенца. Лишённый привычных ориентиров в пространстве и времени, он может сойти с ума. Может заблудиться в нескольких метрах от возможного выхода на поверхность. Кислородное голодание, снежная слепота и кессонная болезнь, что подстерегают альпинистов, полярников и подводников — ничто в сравнении с потерей света под землёй.

Единственное, с чем это отличие Мира Подземли от мира земной поверхности можно сравнить — это с угрозой разгерметизации космической станции для космонавтов. Об этом, и иных сходствах Мира Подземли и Мира Космоса

¹ Налобник [спелеослэнг] — осветительная система, носимая на голове.

мы поговорим чуть дальше, а пока обратимся к другим особенностям подземного мира и их влиянию на человеческий организм – влияниям как физиологическим, так и психологическим.

КИОТ ЧЁРНОГО КВАДРАТА

«Темнота впереди – темнота...»

Как было сказано в преамбуле, **классический и важнейший из факторов, определяющих наше поведение под землёй – ТЕМНОТА.** И поскольку фактор этот важнейший и доминирующий, остановимся на его описании подробнее.

Подземная тьма абсолютна: для любого, оказавшегося под землёй, при всех, даже самых фантастических раскладах, возможен *лишь тот источник света, что принесён с собой с поверхности.* Очевидно, что почти всю информацию о внешнем мире мы получаем с помощью органов зрения; внезапно ослепший человек становится **АБСОЛЮТНО БЕСПОМОЩНЫМ.** Но даже наличие источника света не гарантирует под землёй привычного мировосприятия – ибо и дальность “светового информационного горизонта” смехотворно мала по сравнению с привычными нам условиями поверхности (при этом близкие предметы освещаются избыточно ярко – в то время как “средний план” недостаточно, о дальнем и говорить нечего) — и *направленность* подземного света, как правило, оставляет за полем зрения важнейшие для нашего подсознания детали и контуры периферической панорамы. В случае ненаправленного источника света – например, свечи или плекса – яркое световое пятно источника, попадающее в зону зрительного поля, “сажает” общую чувствительность зрения — что также влияет на наше восприятие Подземли самым негативным образом. И в первом, и во втором случаях подсознание, лишённое достоверно отождествляемой информации, приходящей с периферии зрительного поля, загоняется в стрессовый режим работы, нередко переходящий в самый настоящий дистресс. Ибо биологическое развитие человека привело к тому, что периферическая зрительная информация априори связана у нас со “сторожевыми рефлексам” (на движение сбоку или сзади, или изменение цветовой гаммы пейзажа, механически отождествляемые с опасностью); в случае недостоверной, противоречивой или просто недостаточной информации, приходящей с периферии нашего зрения, подсознание автоматически провоцирует чувство тревоги. “Но это ещё не всё” — при движении человека по топологически сложному лабиринту, имеющему массу развилок, щелей, всевозможных “ниш” и “карманов” (тем более, когда размеры этих топологических сложностей достаточно малы, приближаясь к шкурорёрам²) – равно как

² Шкурорёд [шкурник, шкура – спелеослэнг] – узость горизонтальная;

при движении меж глыбовых навалов “циклопника”, периферическое зрение, не отличающее за скудностью освещения ниши, углубления стен, каверны, трещины и разного рода непроходимые и проходимые узости от теней, провоцируемых выступами стен, вгоняет наше подсознание, связанное напрямую с чувством опасности, в самую настоящую дистрессовую ситуацию. На вербальном уровне эта ситуация человеком не осознаётся и не воспринимается (информация, приходящая от центра зрительного поля, говорит ему, что он движется правильно) – в то время как периферическая информация плавно вгоняет наше ассоциативное восприятие мира в ступор. В результате наступающего эмоционального дисбаланса меж состоянием правой (ассоциативной) и левой (вербальной) частей неокортекса самое малое, что следует — банальная потеря ориентации.³

Безусловно также, что недостаточность зрительной информации под землёй в большой степени провоцирует обращение нашего подсознания к иным рецепторам, дающим информацию о внешнем мире – в том числе экстрасенсорного рода, включаемых правым полушарием в стрессовой обстановке.

Но, оказывается, Её Величество Подземная Тьма может выступать и как чисто психологический фактор.⁴ Подземелье – место вообще загадочное и таинственное, а человеческий разум легко приписывает подобным местам всякие дополнительные странности, – будь то пещера, заброшенный дом или даже (вспомним детство) тёмная ниша под кроватью. Под кроватью у нас обычно живёт страшный Бука или скрывается зловредная Баба-Яга. В заброшенном доме обитают приведения, стерегущие старый пиратский клад, неизвестно как оказавшийся в средней полосе России. Ну, а про пещеру что только можно не напридумывать – она, глубокая, всё примет!

если поперечные её размеры при очень малой высоте достаточно широки, такая узость называется *пресс*. Лифт [спелеослэнг] – узость вертикальная, с перепадом высот от 0,5 до 3 метров. Вертикальный ход с большим перепадом высот (вне зависимости от своей узости) в спелеологии и спелестологии именуется *колодец*.

³ Достоверный факт: алкогольное опьянение в известной степени сглаживает негативные следствия недостатка периферической зрительной информации (как показывает опыт, “спьяну” ориентироваться в сложных или незнакомых участках пещер значительно легче) — но из этого, конечно, не следует, что адекватное восприятие Подземли “по плечу” только пьяному человеку. Ибо в состоянии опьянения ни о какой адекватности говорить не приходится. В то же время некоторое количество алкоголя безусловно снимает стрессовую составляющую нашего восприятия Подземли.

⁴ В этом периоде я пересказываю некоторые положения из статьи Ю. Ю. Дёмина “Духи Подземелий”, опубликованной в апрельском номере журнала «Экспедиция» за 2004 год. Я высоко ценю подземный опыт Юры и рад своей дружбе с ним — позволившей мне ознакомиться с его статьёй ещё до её официальной публикации.

: Так уж устроен человек, что соседство с любым местом, где может спрятаться неведомый враг или таиться невидимая опасность, вызывает у многих чувство безотчётной тревоги. Видимо, запутавшийся в спиральной ловушке ДНК далёкий мохнатый предок, проживший свою часть нашей с ним общей истории среди доисторических монстров, взывает к нам сквозь века: «Осторожно! Оттуда могут напасть!». Мы слышим этот “крик” на клеточном уровне, но не понимаем его причин — и, следовательно, своего беспокойства. Чтобы хоть как-то эту тревогу рационализировать, человек изобретает причину её возникновения — приведений и духов. В них нам поверить проще, чем в саблезубого тигра, о котором предупреждает генетическая память, или в бандитов-хулиганов, которых может подсказать «здравый смысл». Ну что бандитам делать у нас под кроватью, или в заброшенной каменоломне? К тому же страх наш — призрачный какой-то и под компетенцию вербального рассудка явно не попадает. Призрачный страх должен иметь сверхъестественные объяснения — материалистические его не удовлетворят.

: Таким образом, **темнота** — важнейший фактор, действующий на пребывающего под землёй как на психологическом уровне, создавая постоянную обстановку мобилизующего стресса — и, в некоторых случаях, разрушительного дистресса — так и на подсознательном уровне: в эниологическом⁵ аспекте.

Второе важнейшее свойство пещер — ТИШИНА. За редкими исключениями (шум подземных водопадов в вертикальных пещерах, капёж со свода, грохот обвала) она так же *абсолютна*. Отсутствие ВНЕШНИХ ЗВУКОВ — столь привычного нам на поверхности акустического фона — действует на человека как на физиологическом, так и на эниологическом (подобно темноте) уровне. Но если эниологическое влияние тотальной тишины сходно с аналогичным влиянием темноты, то в области физиологии и психологии имеются существенные различия. Во-первых, подземная тишина *зримо* не влияет на безопасность находящегося под землёй, — и глухой, имея должный свет, в состоянии выбраться из пещеры. Во-вторых, отсутствие привычного дальнего акустического фона влечёт за собой гипертрофированное увеличение чувствительности ко всем внутренним шумам организма: току крови в сосудах, сокращению мышц и т. д. В-третьих, преувеличенное значение для человека приобретают ближние, пиковые шумы от источников звука, находящихся в пределах прямой видимости. В одних случаях это влечёт за собой увеличение акустической чувствительности слуха и даже его восстановление в случае предыдущей потери; в других — частичную или полную глухоту. Тщательные исследования на эту тему не проводились — хотя миллионы людей страдают от ряда слуховых расстройств, которые можно вылечить под землёй. В отдельных случаях было замечено, что недостаток акустической информации компенсируется иными её источниками — в частности, эниологического рода: то есть человек начинал слышать звуки (именно звуки, а не акустические галлю-

⁵ Эниология — дисциплина, рассматривающая мир и все его взаимодействия с позиций теории информационных полей-матриц.

цинации), которые “распознать” на обычном физическом уровне явно не мог. Как и многие другие интересные темы, эта практически не исследовалась.

Третий важный фактор, действующий на человека в пещере – ПРАКТИЧЕСКИ ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ от физических воздействий внешнего, наземного мира. Даже двадцатиметровый слой известняка надёжно изолирует почти от всех видов электромагнитных полей и излучений (акустическая изоляция очевидна); единственные исключения – гравитационное и магнитное поля Земли, да потоки нейтрино. Что не менее важно – подземля известняковой своей оболочкой надёжно защищает находящегося в ней человека от поверхностного эниологического фона, продуцируемого мегаполисами. Находясь в пластах известняка, отпечатках матриц *былой жизни*, человек как бы “выключается” из окружающей его на поверхности ноосферной матрицы. Конечно, при этом он не переносится, как на машине времени, в период “верхнего карбона” или “среднего девона”, – отпечатки былой жизни никогда не смогут воссоздать её реального, живого фона, – но процесс “выключения” из современного исторического периода “имеет место быть по полной программе”. В результате чего пребывающий в древних пластах человек неизбежно “выпадает из текущего момента времени”. Это, подчёркиваю, очень важный фактор – и он позволяет именно под землёй проводить наиболее чистые эксперименты, связанные с экстрасенсорикой.

Фактор четвёртый: ИНФОРМАЦИОННО-СЕНСОРНЫЙ ГОЛОД.⁶ Дело в том, что человеческий мозг привык к непрерывному и мощному потоку информации, воспринимаемому всеми нашими органами чувств, – потоку, постоянно проходящему сквозь подсознание, но не регистрируемому сознанием. Это своего рода “информационный фон”, который присутствует в нашей жизни постоянно. Мы его привычно не замечаем, как не замечаем воздух, которым дышим, хотя его много – и им заполнена вся “пустота” между окружающими нас объектами. Для того чтобы заметить воздух, нужно сфокусировать на нём своё внимание. А зачем? Чтобы дышать, не нужно думать о воздухе. Если в нём возникнет для нас какая-то опасность – мы почувствуем непривычный запах, изменение давления, – тогда и сосредоточимся на них. Если в информационном фоне возникнет непривычная составляющая – она привлечёт наше внимание, и тогда будем разбираться: к чему бы это? А пока пусть всем этим занимается подсознание, в автоматическом режиме. У сознания есть дела поважнее – оно у нас и так трудится без выходных и отпусков с полной загрузкой.

: По такой схеме мозг работает в обычных условиях избыточного или достаточного информационного фона. Но стоит информационному фону исчезнуть — подсознание наше начинает “задышаться” от сенсорного голода: примерно так, как лёгкие задыхаются без кислорода.

А ведь под землёй происходит неизмеримое, против поверхности, сжатие “информационного горизонта” вкупе со значительным сокращением потока

⁶ В этом пункте своих рассуждений я также использую материалы статьи Ю. Дёмина.

информации, постоянно воспринимаемой человеком, и уменьшение её пространственной значимости. В самом деле: видеоряд сокращается до каких-то метров, одновременно теряя в спектральном разнообразии и яркости; практически всё, что можешь увидеть под землёй, ты освещаешь своим же источником света, уподобляясь своеобразному локатору — то есть видеоинформацию получаешь не непрерывно-хаотически со всех сторон (“на халяву”), а лишь как своеобразный и весьма неполный ответ на личный запрос; что касается звука — начисто пропадают фоновый шумовой уровень и дальние аperiodические его нарушения (случайные звуки: крики, птичьи голоса, сигналы машин, какие-то “грохоты” от падающих предметов — например, на стройплощадках — и т.п.) — в результате чего гораздо более значимыми становятся звуки, что издаёшь сам или твоя одежда при движении, “внутренние шумы организма” — ток крови в сосудах, дыхание, сердцебиение и собственно твой голос при речи или пении. Спектр запахов также сокращается под землёй,— как иронично заметил в своей статье Ю. Дёмин, «в пещере пахнем лишь мы — и то, пока живые — не очень». Следует заметить, что человеческое обоняние на самом деле хоть, конечно, и уступает собачьему — но “уступка” эта связана скорее с вербальным анализом (отождествлением) запаха; на подсознательном уровне наше обоняние воспринимает достаточно много оттенков даже запаха воды (их около 30, как заявляют эксперты). Поскольку в современной жизни человека обоняние не играет такой роли, как в жизни животных, анализ окружающих нас запахов постоянно вершится подсознанием — но лишь в исключительных случаях, или в силу некоего генетического каприза (люди с генетической предрасположенностью к развитому обонянию составляют тонкие букеты духов) эта информация воспринимается нами на осознанном уровне. Лишённое постоянного потока обонятельной информации, подсознание автоматически понижает порог своего восприятия (то есть информации, выдаваемой сознанию),— ах, как на поверхности, после выхода из пещеры, нас буквально оглушают наваливающиеся со всех сторон ароматы трав, цветов, дождевой воды, пыли!..

Но аналогичный процесс происходит со всеми нашими рецепторами, лишёнными под землёй привычного информационного фона.

Безусловно, сенсорное голодание под землёй способствует возникновению стрессовой (а иногда и дистрессовой) обстановки — что вызывает во всех наших органах чувств вполне понятную перестройку, направленную на понижение их порогов восприятия. И конечно, под землёй — в условиях *полной экстрасенсорной изоляции от “верхнего мира”* происходит соответствующая перестройка систем организма, рассчитанных на извлечение из окружающего мира такого рода информации: мы начинаем улавливать слабые сигналы, которые “забиваются” информационным шумом в обычных обстоятельствах. Так мы не видим звёзд в солнечном свете, хотя звёзды присутствуют на дневном небосклоне и продолжают светить — не видим мы их лишь на фоне солнечного света, который намного ярче звёздного. Но стоит убрать солнечный свет...

Нечто похожее происходит в подземных глубинах, погружающих нас в обстановку сенсорного голода, когда наши органы чувств жадно “хватают” любой, даже самый слабый (и, возможно, не вполне достоверный) сигнал. В результате мы начинаем воспринимать то, что обычно скрывается от нас за завесой информационного фона. Что приводит к глубинному проникновению как в собственную психику, так и в окружающий мир, представленный Камнем. Это явление используется в современных йогических методиках и практиках шаманизма, ламаизма, буддизма и исиахии. Как и религиозного самососредоточения вообще – отсюда тысячелетние традиции религиозного подземного отшельничества. Не секрет, что многие спелеологи, проводящие существенную часть жизни под землёй, после длительных подземных пребываний весьма болезненно воспринимают возвращение в “наземный мир” – их органы чувств, существенно увеличившие за время подземного пребывания свои способности по добыче информации из внешнего мира, по выходу на поверхность оказываются в состоянии шока.

Фактор пятый – УДИВИТЕЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПЕЩЕРНОГО МИКРОКЛИМАТА: сезонные и суточные девиации температуры, влажности и концентрации аэроионов воздуха в отдалённых от входа частях пещеры столь малы, что нет смысла о них говорить. То есть в случае пещеры мы, как правило, имеем дело с окружающей средой, оказывающей на человека исключительно стабильное, статическое воздействие – сходное по своему значению с информационной изоляцией и значительно усиливающее сенсорный голод.

Фактор шестой: ПОВЫШЕННАЯ ВО МНОГИХ ПЕЩЕРАХ ВЛАЖНОСТЬ ПРИ ПОНИЖЕННОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ ВОЗДУХА. Фактор этот способствует стрессовой мобилизации физиологических систем организма (кардинально изменяется привычный баланс испарения влаги лёгкими и кожей; как результат – сбой привычного охлаждения организма при физической работе) и оказывает влияние на диэлектрические свойства подземного воздуха, существенно влияя на его ионизацию.

Фактор седьмой: ПОДЗЕМНАЯ, ОБИЛЬНО КАЛЬЦИНИРОВАННАЯ ВОДА. Содержащая также большие количества углекислоты – ибо если в воде нет углекислоты, то нет и кальция. < Собственно, растворение подземной водой кальцита и возможно лишь благодаря уже растворённой в ней углекислоте. > Конечно, этот фактор влияет в первую очередь на нашу физиологию, на обмен веществ — но, как я покажу дальше, влияние его одной физиологией не исчерпывается.

Фактор восьмой: ПОВЫШЕННАЯ САМОПОДДЕРЖИВАЮЩАЯСЯ СТЕРИЛЬНОСТЬ ВОЗДУХА. Для сравнения: в школьной учебной комнате в 1 см³ содержится около 7000 микроорганизмов; в метро – 4200; в зале Грузинских спелеологов Новоафонской пещеры, посещаемых экскурсионными толпами и куда пробит с поверхности специальный транспортный тоннель – 43; в Геликтитовом зале той же пещеры, что находится ближе к выходу из неё – 63; в естественных пещерах – 10 ÷ 20; в редко посещаемых каменоломнях Подмосковья – 2 ÷ 4. То есть столько же, сколько в максимально простерили-

зованной операционной сердечно-сосудистой клиники.⁷ Причём среди обнаруженных в воздухе пещер бактерий нет ни одного вида, относящегося к патогенным – факт, достойный самого пристального внимания! Отсутствие бактериологического прессинга под землёй действует на организм подобно климатической стабильности и безусловно относится к группе факторов, сокращающих физиологическое взаимодействие организма с окружающей средой – то есть способствует сенсорному голоду.

Об источнике самоподдерживающейся стерильности воздуха, пожалуй, следует сказать чуть подробнее. В своё время мы в Никитской пещере много занимались этим, – изначально *казавшаяся неразрешимой* загадка стерильности подземного микроклимата притягивала⁸, –

: Всё оказалось очень просто. Наши извилистые ходы и шкурники, навалы бута и неизбежная турбулентность медленно движущихся воздушных потоков под землёй вкупе с изрядно повышенной влажностью творят это дивное диво: *адсорбция и абсорбция на пористом известняке во влажном воздухе при турбулентном трении потока о “более, чем корявые” стены проходов осаждают из воздуха на стены ходов всю пылевую, аэрозольную и микробиологическую взвесь. Повышена влажность потока относительно камня — он с лёгкостью впитывает/всасывает из воздуха всё, что с этой влагой слиплось. Все аэрозольные частицы и включения. Коль воздух суше камня – пыль и аэрозоли по-прежнему оседают на его порах и гранях, обдуваемых турбулентным потоком, – теряя включения, – камень же отдаёт избыточную влагу. Без примесей: чистый водяной пар.*

Фактор девятый – ПОВЫШЕННАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ В ПОДЗЕМНОМ ВОЗДУХЕ УГЛЕКИСЛОТЫ. Как уже говорилось, “путешествующая по слоям известняка” вода содержит в себе растворённый кальцит и углекислый газ – диоксид углерода; каждая капля, падающая со свода, испаряясь, выделяет на поверхность, контактирующую с ней, кальцит; в воздух — молекулы CO₂. Одна капля – дело малое. Но в каждой Системе таких падающих капель *миллиарды*. И происходит испарение воды [водяного пара в смеси с CO₂] со стен, пола и сводов пещеры, не сопровождающееся каплепадом, – испарению этому в не малой степени способствуют “подземные сквозняки”,

⁷ Данные частично взяты из книги «Новоафонская пещера» – З. К. Тинтилов, “Мецниереба”, Тбилиси, 1983; частично из наших исследований.

⁸ Не следует думать, что мы были первопроходцами, или нам одним были интересны эти проблемы — В. Н. Андрейчук и В. С. Лукин в восьмидесятых и девяностых годах проводили в Кунгурской пещере аналогичные исследования; их результаты в значительной мере подтвердили полученные нами и грузинскими исследователями данные [см. журнал “Свет” – № 1 (21), 2000 год, – «Естественные предпосылки самоочищения подземной атмосферы»]. Что интересно: “коэффициент очищения” воздуха в каменоломнях, в значительной мере заполненных бутом, как и в системах типа Никитской (представляющей протяжённый лабиринт с огромным количеством топологически сложных узостей), оказался на порядок выше, чем в естественных пещерах.

понижающие в пещерном воздухе парциальное давление водяного пара и CO_2 даже в том случае, когда “точка росы” испарению влаги как бы препятствует. В результате чего и в Системах с сильной вентиляцией концентрация углекислоты в воздухе явно повышена против поверхности: вместо стабильных для атмосферы Земли $0,01 \div 0,03 \%$ — $0,3 \div 0,5 \%$.⁹ А то и $1,0 \div 1,5 \%$, — в наших родных подмосковных каменоломнях. В подолийской Системе Золушка концентрация диоксида углерода в воздухе составляет $2,5 \%$: своего рода *предел* для нормального функционирования физиологии человека. Ибо доза в 3% является смертельной; интервал от 2% до $2,5 \%$ вызывает головную боль, сонливость, — при этом промежуток от $0,5 \%$ до $1,5 \%$ необычайно стимулирует работу неокортекса.

: Ясно, что в обитаемых пещерах (вне их генезиса и вида) доля CO_2 в воздухе выше, чем на поверхности; “есть мнение”, что *именно повышенное содержание углекислоты в подземном воздухе ответственно* (вкупе с описанной информационной изоляцией) *за известное повышение интеллектуальной и творческой активности посещающих мир Подземли*.¹⁰

Фактор десятый — весьма значащий для самоподдерживающейся стерильности подземного воздуха (а для нас в свете проблемы САЯ, то есть спелеоаномальных явлений) — **ПОВЫШЕННАЯ ИОНИЗАЦИЯ ВОЗДУХА ПЕЩЕР**. Количество лёгких аэроионов “обоих полярных ориентаций” колеблется в пещерном воздухе от 3.500 до 8.900 на см^3 (на курортном побережье Чёрного моря $100 \div 1200$). При этом перевес отрицательных “целебных”, против положительно заряженных, ионов в естественных пещерах около $0,78 \div 0,97$; в искусственных протяжённых лабиринтах он примерно в пять раз больше. Ионизация естественных пещер, как правило, определяется их радиоактивностью: в вулканических пещерах фоном породы, в карстовых — излучением продуктов распада радона и фоном натёков. Явление это связывают с накоплением в натёках C^{14} , поступающем с поверхности вместе с атмосферными и нивальными водами (известно: тяжёлые изотопы более склонны к осаждению из раствора, чем более лёгкие — по этой причине, например, в чайнике, в котором часто кипятится одна и та же вода, возрастает содержание более радиоактивных тяжёлых изотопов как кислорода, так D_2O и T_2O , содержащихся в микроскопических количествах в природной воде). Ясно, что

⁹ В крымских, уральских и кавказских пещерах, — согласно данным З. К. Тинтилозова, В. Н. Андрейчука и В. Н. Дублянского.

¹⁰ «Четвёртое состояние сознания и метаболизм углекислого газа», Дж. Б. С. Холдейн [1934 г., на англ. языке], — специально обращаю внимание Читателя на Первоисточник. Уверяю: за прошедшее время химические реакции, происходящие в коре головного мозга с участием углекислого газа, не изменились; все последующие работы лишь уточняют и развивают основные положения, высказанные в этой книге Холдейном. Что интересно: исследований по изменению концентрации атмосферного азота на том же уровне не проводилось; почему — мне лично непонятно.

радиоактивность известняковых каменоломен, лишённых натёчных образований, во много раз ниже не только радиоактивности естественных пещер — но и (как показали наши исследования 1986 года) поверхности: в десятки и сотни раз. Тем не менее, воздух каменоломен ионизирован не менее, чем воздух естественных пещер. Причиной тому два процесса: 1) электростатический эффект при турбулентном трении воздуха, проходящего через бут и всевозможные извилистые узости с “попутным” процессом обмена влагой с окружающим камнем; 2) ионно-разделительный эффект при капееже и испарении воды со сводов и стен пещеры. Ибо каждая капля воды, отрываясь от свода, не только неизбежно оставляет на нём какое-то количество ионов Ca^+ (как и теряет их при ударе о пол) — выделяет в воздух ионы CO_2^- . И точно также испаряющаяся со стен и сводов вода оставляет на них положительные ионы кальция, унося в воздух отрицательный заряд молекулы углекислоты. В результате чего вмещающая полость порода приобретает положительный заряд; подземный воздух — отрицательный. Причём насколько в воздухе полости выше, относительно наземной нормы, доля CO_2 — настолько же выше доля отрицательного заряда. Что приводит к возникновению слабого, но постоянного рекуперативного электрического тока, охватывающего всю полость. В целом эти процессы подобны разделению зарядов меж литосферой и ионосферой Земли — конечно, энергетический их вес много меньше, но недооценивать их нельзя.

Фактор одиннадцатый — ТЕМПОРАЛЬНЫЙ. Ибо столь привычное нам на поверхности *ощущение течения Времени* под землёй отсутствует напрочь. Отсутствуют все природные или социальные (городские) внешние указатели-реперы времени — световая цикличность суток, движение Солнца, Луны и звёзд по небосводу, расписания движения транспорта, радио и телепередач, рабочего дня; исчезает около 90 % так называемых “внутренних циркадианных биоритмов”, ибо почти все они навязываются нашему организму 24-х часовым периодом вращения Земли и “городским распорядком дня” нашего социального функционирования,— не имея постоянных внешних “привязок времени”, ты начинаешь не доверять взятым с собою в пещеру часам, ибо сверить точность их хода не с чем. В отсутствии внешних хронометрических указаний любое действие, выполняемое тобой под землёй, может занять абсолютно произвольное время — при отсутствии часов не контролируемое в принципе. “Рабочий день” в силу самых разных факторов может растянуться на сутки, а то и превзойти их; то же самое можно сказать о периоде отдыха. Лица, называемые “жаворонками”, под землёй склонны укорачивать свои сутки до 20 – 16 часов; так называемые “совы” удлиняют их до 28 – 32 часов. А то и до 36 — определяется это личной усталостью и установкой на завершение какой-то работы. Немалую роль в “потере подземного времени” играет и то, что мир Подземли крайне статичен, неизменен. Камень, упавший 100 лет назад, будет казаться упавшим только вчера — лишь органика, бумага, да металлы (в первую очередь алюминий и жёсть) подвергаются разрушению/коррозии. Но хоть по скорости эти процессы опережают рост пещерных натёков — для твоего личного ощущения времени годятся не более, чем сомнительные метрономы капающей со

свода воды.

Немаловажный момент (которого я уже касался при описании фактора информационно-сенсорной изоляции – здесь нас интересует его хронометрический аспект): пласты известняка или мела, в которых находятся наши каменоломни, естественные пещеры и большинство подземных храмов, образовались/сложились в далёкие геологические эры (карбон, девон, пермь, ордовик, мел); слагающие их биологические останки “выключились” из “наземного оборота событий” сотни миллионов лет назад. И к ноосфере поверхности (или, если угодно, к энергоинформационному биополю Земли, в котором мы пребываем наверху, постоянно контактируя с ним и неизбежно синхронизируя с ним все свои внутренние хронометрические метки и реперы) отношения не имеют. По крайней мере, на биологически активном уровне. *Погружаясь под землю, ты словно переносишься на машине времени в застывшую фотографию далёкой геологической эпохи* — а потому даже экстрасенсорным, “внутренним чутьём” определить течение времени крайне сложно. Что не может не приводить к вполне очевидным последствиям: коль наше существование в мире задаётся/описывается пространственными координатами и хронометрической привязкой к “моменту существования”, под землёй, в отличие от мира поверхности, складываются условия для “потери” по крайней мере твоих хронометрических координат. Разделяющие взгляд на Время, как на двухкоординатную энергетическую плоскость (в традиционной экстрасенсорике именуемую “чёрной” и “белой” координатами) могут без труда представить себе следствия этих аберраций.

И последний – **двенадцатый фактор**, принципиально отличающий мир Подземли от мира Поверхности – **ЭНИОЛОГИЧЕСКИЙ**.

: Пещерная ТЬМА, отсутствие света – как отсутствие информации о внешнем мире – не просто отождествляются с силами зла, с энтропией; это её конкретное проявление. Даже если не принимать во внимание очевидное значение запасного источника света с точки зрения безопасности, каждый спускающийся в пещеру вступает в личное, индивидуальное противостояние с естественными силами энтропии, хаоса, — оказываясь при этом на острие столкновения. Что, конечно, не может не влиять на всё пребывание человека под землёй. Насколько я знаю, до сих пор столь очевидная мысль отчего-то даже не обсуждалась — хотя всем известны традиционные и современные легенды, связанные с миром Подземли/Тьмы: безусловно, следствие этого противостояния – как и результат обострённой эниологической чувствительности человека под землёй.

В основе которой (помимо информационной изоляции и электромагнитного резонансного фактора, о котором будет сказано позже) — *опора лишь на ту энергию, что ты несёшь в себе*. С точки зрения энергетических представлений, при общении человека с миром Подземли реализуется лишь одно возможное состояние: *есть только Ты – как единственный носитель активной энерго-информационной матрицы, то есть Жизни — и мир вокруг*. Никакого “общего ноосферного поля” (что присуще миру Поверхности), никакой сторонней приходящей информации (как и энергии) под землёй нет; отсюда –

крайняя индивидуальность в восприятии подземного мира. Человек с самодостаточной психологией мышления не только не чувствует неудобств подобного положения,— напротив: ощущает благодать в открывающейся психической свободе, начисто лишённой какого бы то ни было “внешнего прессинга”; те же, что не могут существовать без постоянного контакта с окружающими людьми, у кого не хватает некой “энергетики души” для самостоятельного бытия, ощущают, как минимум, дискомфорт.

— Как ни удивительно, все эти факторы оказывают на человека в целом благоприятное медико-биологическое действие: под землёй, в частности, эффективно лечатся инфекционные заболевания лёгких и кожи, переломы, расстройства эндокринной и вегетативной систем, психики; успешно проходит релаксация организма после длительных физических и нервных нагрузок.

: Тунисские врачи, обследовавшие “в массовом порядке” людей, живущих в современных пещерных городах Сахарского Атласа, установили, что их здоровье по сравнению с жителями обычных городов лучше, а средний возраст жизни — выше.¹¹ Над этим простым фактом стоит задуматься...

Но что особенно важно для нас, пещера — *удобнейший естественный полигон для проведения физиологических, биоритмологических, психологических и эниологических исследований.* Никакая городская сурдокамера никогда не создаст необходимых для проведения подобных исследований условий. Как не сможет обеспечить сравнимую с пещерами и каменоломнями информационную и прочую изоляцию от внешнего, наземного мира. Ибо для того, чтобы обеспечить в сурдокамере условия изоляции от внешнего мира, сравнимые с теми, что естественным путём обеспечивают пещеры и заброшенные каменоломни, сурдокамеру нужно углублять под земную поверхность на не меньшую глубину. И не забыть затампировать, причём самым основательным образом, искусственную железобетонную пуповину шахты-коллектора, соединяющую сурдокамеру с миром поверхности. < Понятно, что соблюдение этого условия инженерно недостижимо. >

Если же сравнить *суточную* стоимость работы городской сурдокамеры и *полную стоимость обеспечения спелеонавтического эксперимента в пещере-каменоломне* — разница будет далеко не в пользу сурдокамер.

При очевидной несопоставимости полученных результатов.

: Потому и уходим во тьму.

¹¹ В. М. Слукин, «Архитектурно-исторические подземные сооружения» [Свердловск, издательство Уральского университета, 1991 г.]; см. также многочисленные работы известного подвижника спелеотерапии Г. З. Файнбурга — в частности, «Российской спелеотерапии — 20 лет» в сборнике “Спелеология в России” [Москва, 1998 г.].

ПРЕБЫВАНИЕ-91: АДАПТАЦИЯ

: Каменный свод пещер.
Мокрой скалы карниз.
Принято рваться вверх —
Вы же стремитесь вниз.

Трав и цветов нет —
Здесь они ни к чему.
Жадно любите свет,
Так почему — во тьму?

Свод тяжело повис,
Каждый опасен шаг.
Я понимаю — риск;
Но почему — так?..

— А мне в ответ лишь

Дрогнут углы губ:

То, что другим ВНИЗ —

Это для нас

В Г Л У Б Ь.¹²

— **ЗАДАЧА ПОГРУЖЕНИЯ:** *одиночное пребывание под землёй без выхода на поверхность в течение 75 суток.* Пребывание, в отличие от предпринятых М. Сифром и М. Велковичем, не абсолютно изолированное — приблизительно раз в месяц меня будут навещать мои партнёры-помощники, от которых зависит своевременная доставка свежего хлеба и того, в чём я могу “поиметь нужду”¹³. Кроме того, семидесяти пяти “одинач-

¹² Строфы Светы Борзуновой, посвящённые нашим томским друзьям-спелеологам. В других “поэтических вставках” использованы строки Игоря Салчака, Димы Манугрика, Серёжи Лещины, Юлика Рашковского и мои собственные.

¹³ Условие это необязательное, так как всё необходимое мне уже помогли не только доставить до пещеры, но и занести через узкий и извилистый вертикальный вход-шкуродёр; договор об “экспедициях посещения” касается, скорее, ситуаций, что могут случиться наверху — и сделать моё дальнейшее автономное “подземное плавание” бессмысленным. Ибо все понимают, *в какой стране живём — и в какое время.* Конечно, вполне понятное любопытство друзей “как он там, бедненький?” тоже нельзя сбрасывать со счетов, — а потому добровольным помощникам было разрешено раз в месяц беспокоить меня приносом свежего хлеба, отвратительных новостей с поверхности и вопросами: “не угодно-ли чего?”. И здесь я не могу не назвать имена тех, без помощи кого — в одиночку! — никогда бы не смог осуществить это своё Пребывание: Галкин Дима [Глаша], Кузнецов Сергей [Кузя], Школьников Сергей [Сапиенс, или Сап] и Брычкин Игорь [Гарри]. А также Серёжа Лещина, что со

ным суткам” предшествуют 9 дней, проведённых под землёй вдвоём; такие же 9 дней планируются по завершении “одиначного срока”. Ибо я погружаюсь под землю не ради рекордов спортивно-авантюрного рода.

Цель: исследование циркадианных и циркадных биоритмов человека, а также околосесячных колебаний его физической, эмоциональной и интеллектуальной активности.

Место действия – Никиты; начало действия — январь 1991 года.

Стремление: научиться решать бытовые проблемы, возникающие при продолжительном пребывании под землёй в условиях пониженной температуры, отсутствии дневного света и суточных колебаний освещённости, повышенной влажности и физически стеснённом пространстве. И если хотя бы на половину поставленных вопросов будут получены ответы...

– Впрочем, не будем загадывать. Не до мечтаний и философствования, ибо погружаюсь я отнюдь не “в абсолютную тьму”, – свет у меня вполне достаточный и по-своему удобный (довольно сложной конструкции напольная система, что автоматически регулирует яркость лампочки в зависимости от того, сколько света приходит-отражается ко мне от освещаемых стен и предметов), – погружаюсь я не столько “во тьму”, сколько в работу. О которой – подсознательно! – на грани стона приходит суждение, “что лучше б её было поменьше”...

Но пребывание под землёй, как и история, не знает сослагательных наклонений. Тем более, что работы этой (на грани каторжного труда) могло быть в несколько раз больше – если б предварительную заброску всего необходимого мне не помогли осуществить мои старые друзья, давние партнёры по общению с никитской Подземлёй: Сап и Гарри. И если б на первом этапе эксперимента меня не сопровождал ещё один добровольный помощник: спокойного и сосредоточенного характера молодой человек с подземным ником Глаша. < С именами в нашем кругу общения полная номенологическая путаница: волею обстоятельств, например, ники Золушка и Дюймовочка носят изрядного мужества Алексей и Владимир; Антон и Васька “в верхнем мире” отзываются на Анюту и Веронику... Уверяю подозрительно хмыкнувших: никаких сексуальных отклонений в поведении моих друзей нет (лица с подобными абберрациями мышления в наш Круг не входят “по определению”). Возможно, будущие этнографы посвятят этим парадоксам не одну страницу своих ‘дисредтаций’. >

— А пока мы лежим в гроте, именуемом Четвёртый Подъезд, развалиясь на горе транспортных мешков, коробов с аппаратурой и продуктами и толстых двухметровых досок – и ловим благословенные минуты отдыха. И отпотеваем изо всех сил: пар валит от нас, как от пары кипящих чайников. Но мы не чайники – стаж моей спелеожизни “более,

своими учениками организовал послеэкспериментальную выемку всего моего снаряжения и оборудования – в случившийся во входном/выходном шкуродёре “весенний гавноход”: *морально-физический подвиг, недоступный пониманию городского обывателя.*

чем значителен”, ибо ведёт своё начало с 1962 года <“тридцать лет – это возраст Сверхчеловека!” >; стаж Глафира несколько меньше. Но и он весом. А потому мы ведём себя достаточно, как нам кажется, разумно: предвидя изнуряющую транспортную заброску длиной в несколько суток, оделись мы в соответствии с благоприобретённым спелеоопытом. Комбезы прямо на тельники. Без каких бы то ни было свитеров, изотермиков, дополнительных штанов и шерстяных фуфаячек-потничков, – что бывают уместны под землёй при иной работе.

Но такой уж под землёй ненормальный климат: как ни раздевайся, даже после незначительной работы истечёшь потом; после получасового отдыха, как ни кутайся, почувствуешь озноб и холод.

: Неизбежно.

– Ибо дело во влажности: повышенной, по сравнению с привычной нам, – и более низкой температуре. Тут уж – кутайся, не кутайся... Читал я однажды некую “научную” статью из области физиологических фантазий — автор которой, облечённый в числе прочих государственных бирюлек парой научных степеней, с апломбом, свойственным совдеповским учёным, вещал, что **“условия повышенной влажности легче переносятся при пониженной температуре”**... “Как и наоборот”.

: Это очень дивная ложь – сравнимая лишь с догмами ‘ориентирования под местностью’ в отсутствии источников света. Думаю, полярники и альпинисты (как и жители Средней Азии, приехавшие на денёк-другой в дубль-стольный град Питер), хмыкнут вместе со мной: *известно, что и жару, и холод легче переносить при пониженной влажности: при +20° С влажность в 100 % неприятных эмоций не вызывает — но при –20° или +40°...*

Под землёй, при наших вечных +10° С¹⁴ и почти стопроцентной влажности, с терморегуляцией организма наступает просто беда: так уж мы устроены, что привыкли выводить неизбежные при метаболизме излишки влаги через лёгкие, регулируя тем самым температуру тела; иные способы диссимиляции

¹⁴ Говоря о микроклимате подмосковных пещер, я часто привожу это округлённое значение температуры, точные значения которой в каждой конкретной полости (и даже в каждом отдельном гроте при разных обстоятельствах) всегда несколько иные. Поскольку в условиях Подземли и два градуса Цельсия имеют большое значение для комфорта, могу сказать, что по результатам моих многолетних измерений в Системе Никитская в обитаемом гроте Сапфир средняя температура около +9° С (8° утром, при включённой газулке или примусе она поднимается до +9°; если в гроте присутствует более трёх человек, может превысить +10° С); температура необитаемых гротов круглый год на расстоянии от входа более 100 м держится в пределах 7,5 ÷ 8° С. Температура грунта и грунтовых вод +7,5° С, – поступающая в Систему паводковая вода имеет температуру около +4° С (при её температуре в Рожайке в +2° С) — соответственно, в зоне затопления температура воздуха опускается до +5° С, но через пару дней поднимается до +7° С с соответствующим нагревом паводковых вод.

влаги являются, скорее, аварийно-вынужденными. Но при стопроцентной влажности “лёгочно-испарительный” процесс не работает – получается, что, за саботажом привычного организму физиологического процесса, остаётся аварийно-вынужденный: потение. < Между прочим, излишне лёгкая одежда при тяжёлой физической работе “тоже не панацея”: априори избыточную влагу организм всё равно будет удалять, даже если не нуждается в своём глобальном охлаждении,— ясное дело, удалять будет почками и мочевым пузырём. Частые визиты в сортир при продолжительном подземном пребывании – “обычное спелеодело”.¹⁵ > Такое вот неудобство, в значительной мере зависящее от индивидуальных особенностей нашей физиологии: есть люди, что не потеют даже при очень избыточной влажности на соответствующей жаре... Конечно, спасает зелёный чай – но нам в нашем случае до него ещё “ползти и ползти”, причём – примерно – с трёхста килограммами груза. А значит, пота не избежать.

— И мы вдохновенно потеем. Я, кроме того, ещё и курю,— так что в гроте из-за дыма “Пегаса”, смешанного с самыми настоящими облаками водяного пара, почти ничего не видно. < “Глаша, есть пар в гроте?” – “Есть.” – “Значит, паримся...” >

Впрочем, даже если б не было этих облаков, “виднее” не стало: на останках, верные многолетней привычке, мы традиционно гасим свет. А тьма под землёй АБСОЛЮТНА.

— Пока лежим и подсыхаем (по завершении стадии отпотевания) в ещё не растерянном тепле предшествовавшей Работы, обмениваемся мнениями касательно нашей дальнейшей нелёгкой судьбы – и горы снаряжения, на которой пребываем.

: Для устной речи свет не требуется. < Оставленные на поверхности снег и –15° С воспринимаются на уровне миража; Сап и Гарри, что два “забросочных дня” подряд помогали дотащить до Четвёртого Подъезда все необходимые нам продукты, аккумуляторы, приборы, оборудование грядущего ПБЛ и многое другое, без чего я не мыслю себе этого Пребывания – к которому рвался столько лет! — покинувшие нас только что Гарри и Сап начинают восприниматься тоже на уровне фантомов. Реально одно: стены грота, невидимо-осязаемые вокруг, предстоящая работа, славно-уютная тишина/пустота окружающего пространства,— да наш, подходящий к концу, отдых. Столь быстро Подземля при активной работе в ней “выключает” Мир Верха... >

¹⁵ Сравните, например, нашу физиологию в области водяного баланса с физиологией домашней собаки: потовых желёз, рассчитанных на “аварийное охлаждение” организма, у неё нет (назначение их иное),— но собака и пьёт много меньше. Ещё меньше жидкости потребляет домашний хомячок, никаких неудобств при этом не ощущая: чувство жажды отсутствует у него напрочь. Но попробуйте загнать себя в режим, пусть не хомячка, но собаки! Что поделать: в отличие от этих животных, наша физиология основана на просто безмерном водяном потоке, постоянно промывающем организм. И никуда от этого не деться.

– Глаша изрекает афористически-беспрюгрышную мысль: заброску нам за один рейс не осилить. Думаю, нам не справиться с ней и за пару земных суток.

В лучшем случае.

А потому ‘консервус’ гласит: в первый рейс берётся лишь то, что необходимо для постановки жилого модуля – то есть доски для его фундамента и инструмент для оборудования грота. Следующий рейс – трансы с частью еды, некоторый запас бензина и примус: чтоб можно было готовить горячую пищу в гроте, выбранном для Пребывания. Это очень важный момент — как только в будущем ПБЛ оказывается источник горячей пищи, он, даже при всём своём “недооборудовании”, начинает являться магнитом. Любой отдых по завершении работы мыслится только в нём; транспортировочные рейсы воспринимаются, как производимые не *от* жилого грота (которым пока является “ЧП” – по крайней мере, психологически), а *к* нему. Соответственно, третьим рейсом “едут” модуль и наши персональные трансы – спальники, свитера, пенки и прочее.

Ну, а после перетаскивается “всё остальное”. Вне какого-либо порядка и очереди.

Подумав (поскольку сигарета ещё не дотлела, то есть фильтр губы не жжёт), вношу в этот план незначительные, но очень важные (как показывают дальнейшие события) изменения. В соответствии с моими коррективами первым рейсом перетаскиваем лишь “камнебойный инструмент” – два лома (прямой шестигранный “карандаш” и его исторический собрат с чуть изогнутым кончиком, – оба эти лома были найдены нами в Никитах, и сравнение с потомками показало: нам при нашей трудовой удали ничего не стоит вязать из современных пластилиновых ‘сталек’ узлы — тогда как Старое Традиционное Железо работает при крушении плит превосходно), – две лопаты, два ведра для земли, два кайла и дрель с соответствующим набором для крепления оттяжек модуля —

— по дороге, раз движемся с инструментом, проводим работы по расширению самых узких ходов, где могут не пройти по габаритам некоторые наши грузы. Затем, не возвращаясь в “ЧП” (челночные рейсы туда-сюда ещё достанут обоим и сухости в одежде не прибавят), меняем род деятельности: то есть отдыхаем на работах по оборудованию грота.

Грот прежде назывался Сапфир и был одним из самых больших и красивых в этой части Системы – но красота, как и размеры его, в прошлом: в 1981 году недовольный нашей “антиэкологической” деятельностью Пиф взорвал в нём испарённую двадцатилитровую канистру бензина.

“Объёмник” – штука ужасная и непредсказуемая. < Как сам Пиф остался жив – неведомо. >

: Грот пал.

И две трети его теперь погребены под обвалом.

... Обвальный грот – поистине страшное место. Можно посетить его, замирая от тревожного любопытства; выкурить сигарету, припоминая, *как было до того* – и поскорее убраться вон.

: больше в нём делать нечего.

Как считает признанный авторитет в области эниологии Дима Веселин (на его совести ‘подсказка’ методик некоторых предстоящих мне исследований), это “узел напряжённости” – и ничего хорошего в нём нет. Однако же нам с Димой приходит в голову светлая мысль провести моё предстоящее трёхмесячное Пребывание именно в нём – хоть удобных для такого пребывания гротов, к тому же находящихся в Системе значительно ближе ко входу – ...

: Достаточно, в общем. До той же Девятки добраться можно с гораздо меньшей судорогой, – и по дороге ничего расширять не надо, и сам грот не восстанавливать... Разве – почистить от срача пытливых чайников. Что наверняка успели “творчески загадить” его за время нашего сыановского отсутствия, –

Тем не менее, мы останавливаем свой выбор на Сапфире. *Спелеоэниология манит обоих, и попытки хоть чуточку разобраться в ней для меня лично не менее важны, чем исследования биоритмов.* С эниологической ‘дочки зрения’ “напряжённый грот” — самое подходящее место. “Вызываем обвал на себя...”

Подразумевается – обвал подземной экстрасенсорики. Ибо что до обвала физического —

: “Дважды в грот один и тот же свод не падает” – всё, что могло упасть, рухнуло от удара взрывной волны; не представляю, какую деятельность нужно развить, чтобы превзойти по мощности тот далёкий взрыв. Однако суицидальными наклонностями я не страдаю – а потому первым делом мы с Глашей возводим прочную, в метр толщиной, стену-бут, закрепляя потолок и отделяя более сохранившуюся часть грота от совсем уж заваленной –

: Произвольно лежащие друг на друге плиты в которой поднимаются почти до потолка, – через это хаотическое нагромождение нам с Глашей приходится перебираться со всеми нашими вещами, чтобы достигнуть не столь пострадавшей от взрыва дальней трети грота.

А потому на сооружение бутовой крепёжной кладки идут плиты и глыбы из этого завала.

Заодно и проход расширяется – “весомо, грубо, зримо”.

Затем мы делаем второй рейс: перетаскиваем доски, предназначенные для фундамента жилого модуля и стола с соответствующими сидениями вокруг него; на часы принципиально не смотрим. Сапфир отделяет от Четвёртого Подъезда 360 метров, – совсем незначительное расстояние для поверхности. А также для того, кто никогда не был в Никитах. И уж тем более – в Сейсмозоне, на которую “падает” недобрая треть этих 360 метров.

: Даже 50 метров Сейсмозоны способны вымотать силы у самого опытного спелестолога, нагруженного примерно так, как мы с Глашей, – Сейсмозона предъявляет нам все виды возможных под землёй препятствий < нет только глиняного сифона, осложнённого вертикальным подъёмом по шкурнику – но по весне с этой функцией успешно справляется никитский вход МЖД8М, по милости ‘домодедовского дурдома’ лишённый защитного известнякового козырька, что прежде прикрывал его от потоков весеннего селя, – через этот

вход мне придётся в конце апреля выбрасываться на поверхность по завершении Пребывания... И извлекать на свет Божий всю непочившую снарягу,— магнитофонные кассеты, книги, приборы и прочее,—

: Радости эта мысль не прибавляет — но три месяца о ней можно просто не думать — и я стараюсь не думать: ни к чему нагружать информационное поле Вселенной отходами суетной и сыкливой вербалки... >,—

— Безусловно, к изуверским достоинствам Сейсмозоны относится и весьма обильная её “эзотерическая зачумлённость”. Про то, как она способна “водить” попавшего в неё трезвого спелеосто-лога, сказано было не мало. Про то, что способна открыть даже самую идеально упакованную ёмкость (например, винтовую банку с вареньем, тщательно зашхеренную в спальнике в трансе, армированном пенкой) — тоже. Веселин считает, что Сейсмозона в силу своей топологической сложности и явной “напряжёнки”, вызванной как многочисленными обвалами, так разломами-трещинами и нашим по ней “бессмысленным шатанием”, умножившим информационную сложность этого места — некое “окно”, или “форточка” в неведомо куда,—

: интересная мысль, оспорить которую столь же трудно, как рассчитать, сколько конкретно чертей поместится без видимой скученности на кончике стальной иглки.

За время никитской спелеожизни эта система надоела мне до тех самых “чёртиков”, — но через неё проходит кратчайшая дорога от Четвёртого Подъезда до Сапфира, а потому нам с Глашей её не избежать. И приходится таскать все свои вещи и снаряжение через самые коварные и запутанные в мире шкуродёры, пользуясь в качестве торной тропы единственным оттопосъёменным и промаркированным маршрутом. Шаг влево или вправо от которого, согласно никитскому поверью, равняется спасам; несвоевременный хлопок в ладоши — погребению.

Которое “пето не будет”.

В некоторых местах двухметровые доски просто невозможно развернуть в поворачивающих под острым углом шкуродёрах, и тогда приходится применять чудеса спелеоэквилибристики: не только крутиться вокруг застрявших плоскостей штопором, но и передавать их друг другу через какую-нибудь непроходимую, едва заметную в стене щель,— слава Породе, всевозможные гроты, каверны, трещины, лифты, щели и шкурники наполняют Сейсмозону, как дырки отборный сыр.

«В Сейсмозоне нет дорог — есть направления», — иронизирует по этому поводу Глаша. Однако “направлений” — то есть того, что люди имеют в виду, произнося это слово, в Сейсмозоне ещё меньше, чем дорог,— обращаю внимание своего спутника на сей прискорбный факт. После того, как явно поданная в направлении света глашиного налобника доска так и не достигает его — оказываясь в результате где-то, безусловно рядом с ним,— не далее, чем в десяти сантиметрах,— вот только эти сантиметры представляют собой непробиваемый кристаллизованный монолит. Иначе именуемый расслоёнкой.

: Выковыриваем беглянку из щели, применяя в качестве спиннинга кайло на репшнуровой сывке. Когда в очередную щель ухает пластиковая фляга с водой, просто материмся – и следуем дальше. Из-за фляги карячиться не хочется. Будет время и соответствующее настроение – прикола ради можно будет попробовать поймать её за горло верёвочной петлёй-удавкой...

Когда-нибудь после.

— Через несколько ‘колов бремени’ в очередном поте тел своих достигаем Сапфира во второй раз. Отдыхаем, сколачивая стол и фундамент под модуль (ни к чему три месяца греть теплом своего тела холодный и влажный глиняный пол – пусть даже через два слоя термоизолирующей пенки),– после чего налегке возвращаемся в ЧП. На два рейса с сопутствующими работами у нас ушло 12 часов наземного времени. По этому поводу устраиваем себе Очень Большой Спелеоотдых – обед по полной программе, включающий аж двадцатиминутный перекур после возжеленного Принятия Пищи (естественно, время отдыха проводится в сухой и тёплой одежде),–

– и возобновляем транспортировочные работы. Ещё два рейса, в антрактах меж которых понемногу достраиваем грот и расчищаем его привходовую часть.

После четвёртого по счёту рейса перекусываем – здесь же, в Сапфоре, принесённым в чудом не почившем термосе чаем и бутербродами с колбасой и сыром,– и ставим модуль.

Он представляет собой лавсановый кубик со стороной в два метра; вход – вертикальная молния, которую можно открыть и сверху, и снизу. Для вентиляции имеются два маленьких окошка-тубуса: одно у самого пола, другое, естественно, наверху – у стыка боковой стенки и потолка. Четырьмя оттяжками от верхних углов модуль крепится к стенам грота; коротенькая пятая поднимает центр потолка модуля к своду. Изнутри к ней прикреплено проволочное кольцо для подвешивания стационарного фонарика или лампы; такие же кольца есть в верхних углах модуля. Позже я натяну меж них капроновые нити для сушки одежды.

Как показал опыт, подобный модуль (обязательно с полом для изоляции от неучтённых сквозняков и сырости грунта – если ставится непосредственно на него) – оптимальная конструкция подземного дома. Он хорошо держит тепло,– но если хочется большего комфорта, можно для повышения термоизолирующих свойств сделать двойные стены с тонким слоем простроченного синтипуха между. Идеи о том, что подземный жилой модуль должен иметь небольшой тамбур для переодевания, я лично не разделяю: конечно, верхняя одежда, в которой мы пребываем в гроте или путешествуем по пещере, пачкается чрезвычайно сильно – тогда как в жилом, то есть в спальном помещении (особенно когда оно предназначается для проведения медико-биологических исследований) хочется соблюдать как можно большую чистоту,– но! Во-первых, возрастает сложность шитья. И для чего? Для того, чтобы грязь и пыль с комбеза и сапог скапливалась в этом тамбуре и неизбежно переносилась из него в спальную часть. По-моему, не так трудно переодеться на кусочке пенки

перед входом в модуль. Что же до сушки комбеза – в любом случае разумнее всего сушить его если и не на себе во время работы в Системе, то над радиатором платино-керамического “луча” (полагаю данную печку “каталитического сгорания” более чем необходимой на Пребывании любой длительности).

... Пятым рейсом мы приносим в Сапфир исходный запас воды, продуктов, свечей, бензина и один из примусов: маленький “турист”, в который (как и во всё снаряжение, выпускаемое в нашей стране) по необходимости были внесены небольшие конструктивные изменения: сальник заменён на асбестовый, головка на бесшумно работающую “внутреннего прямоточного сгорания”: точную копию головки удобного австрийского примуса времён второй мировой войны, что послужил прототипом для ‘изобретения’ совдеповского “шмеля”.

Последний рейс из Четвёртого Подъезда в Сапфир – переноска личных трансов с одеждой и спальниками. Теперь в гроте можно жить.

: ужинаем и ложимся спать. “День” длился 36 часов.

“Ночь”, что следует после – “примерно столько же”.

Прерывается она лишь на неизбежное общение с местом, которое мы отводим под туалет. < Из-за устроенного Пифом обвала единственная возможная для него площадочка с подходящей ямой-полостью находится у самого входа в грот, – но по-своему это даже удобно: скажем, при возвращении с длительной проходки. Или ещё какой работы в Системе. Посещаешь сортир, затем, плавно приближаясь к жилой части грота – умывальник, – после чегоходишь в грот: очистившийся во всех смыслах. >

Завтрак по окончательному подъёму – достаточно праздничный: всё-таки новоселье. Яичница, ветчина, зелёный горошек любимой марки “глобус” < “обхват горошин по экватору – 40. 000 км” >, – болгарские томаты, сыр, чай, печенье. И — “снова в бой, покой нам только снится...”

: Ещё один тридцатishестичасовой день. По завершении которого все мои коробки и трансy с приборами, а также запасы продуктов, бензина, аккумуляторов, свечей, магнитофонных кассет и книг занимают, наконец, подобающие им места в Сапфире; приваленная привходовая часть грота разобрана “в первом приближении” и в ней – главное! – оборудовано три важнейших для подземного бытия места:

1) вполне комфортабельный туалет, предназначенный также для утилизации всяческого рода отходов;

2) “как бы ванная” – площадка для “еженедельной помойки” и физической разминки меж двух утренних тестирований;

3) в углу меж сходящихся плит на вбитом в стену костыле подвешен умывальник: жестяная баночка из-под молочной смеси с отверстием в центре дна, в которое вставлен свободно скользящий вверх/вниз гвоздь с надетой под шляпкой пластиковой пробкой-заглушкой. Нижняя часть пространства под умывальником закрывается вертикально поставленной плоской плитой – дабы брызги от льющейся воды не орошали комбез и обувь.

Меж собранным накануне столом и фундаментом модуля из оставшихся досок и их обрезков сооружён отдельный кухонный стол с подвешенной над

ним продуктовой полкой: всё занимает очень мало места и удобно для пользования. Необходимость в отдельном кухонном столе (имею в виду, конечно, не привычный кухонный стол с ящичками, полками и створками дверок – а некий эрзац из плоской плиты и перечисленных выше ингредиентов) мне представляется под землёй очевидной: готовящий пищу не должен никому мешать в гроте – как и наоборот; примуса же (включённые, со стоящими на них каннами, чайниками и сковородками – но равным образом ждущие своего использования) ни в коем случае не должны находиться вблизи возможного перемещения обитателей грота.

– Вход в грот занавешен листом полиэтилена: защита как от сквозняков (не смотря на то, что грот тупиковый, в нём имеется некоторая тяга воздуха), так и от “энергоинформационного фона”¹⁶ Системы.

: Есть, к сожалению, такое понятие. Разобраться с которым – одна из целей этого моего Пребывания.

По созданию описанных выше удобств грот окончательно приобретает вид жилого. Конечно, в нём ещё много недоделок – но время для их устранения у меня будет: целых два-с-половиной месяца. И ещё неделя. “С хвостиком”. (Из опыта известно: любой лагерь достигает максимального комфорта к моменту его сворачивания...)

...: Второй рабочий день подошёл к концу. И длился не меньше, чем первый. Спим мы после него около земных суток. Затем едим – и вновь погружаемся в спальные. < «Мы понежимся в законном тепле...» > Просыпаемся лишь для посещения туалета (как уже писалось, под землёй из-за температуры и влажности воздуха это более частое явление, чем наверху) — и новой еды (это явление более редкое – но по другой причине). Есть готовит обычно тот, кто просыпается первым; по завершении процесса второй просыпается автоматически.

Промежутки меж принятием пищи и сном заполняет Чтение: Глаша штудирует “Звёздных рейнджеров” Хайнлайна, я “Творца сновидений” Желязны. *Наконец в страну хлынуло хоть что-то, похожее на литературу...* Это я, конечно, о Желязны. Причины, по которым раньше даже имя его не появлялось в критических обзорах, вполне очевидны: *кто бы тогда читал Парнова/Беляева?..* И прочую “Молодую Г.”. Даже Стругачи в сравнении с ним воспринимаются где-то ближе к Жюль Верну. В крайнем случае – к Роберту Х., от зачитания которого отрывается ошарашенный Глаша: для того, чтоб процитировать мне “классическую критику марксизма от Хайнлайна” — «если двум хозяйкам дать одинаковое количество теста и яблочной начинки, и одна приготовит вкуснейший пирог, а другая кусок антрацита – *по Марксу стоимость их изделий будет равной...*»

: Ясное дело, Р. Х. тоже не сильно везло с советскими изданиями.

: Бедняга...

¹⁶ Спелестологи, не замороченные красивым учёным слогом, говорят “экстрасенсорный срач”. Почему банальный полиэтилен экранирует его — Загадка Загадок. Но экранирует, факт.

— Внезапно обнаруживаем, что со всеми нашими временными сдвигами Глаше остался только один день (точнее, “официальные земные сутки”) пребывания под землёй. Спеша сделать хоть что-то из того, что можно сделать лишь вдвоём, мы посвящаем этот день спелеотопосъёмке: Глаша — профессиональный топограф, и область его подземных интересов очевидна. Как, впрочем, и моя. Снимаем окрестности грота и ближние к ним части системы ЖБК: “есть мнение”, что между ней и Сапфиром может быть какое-то количество ещё неоткрытых ходов. Но прежде, чем кидаться с кувалдой и ломом на завалы, ограничивающие доступное взгляду пространство, нужно составить точную карту Зоны Приложения Амбиций.

: Этим мы занимаемся целый день. От завтрака и до полного изнеможения, — я отосплюсь потом; Глаша — в городе.

— “Условным вечером” возвращаемся в грот. В нетерпении Результата тут же сажусь за стол и приступаю к “камералке”, — Глаша тем временем вооружается нашими примусами < уже упоминавшимся модифицированным “туристом”, приведённым к комфортно-бесшумному варианту работы — в не переделанной же, заводской ипостаси именуемом спелеологами и альпинистами “смерть туриста” или просто “Смерть”, — и некой новинкой с весёлым названием “огонёк”: в устройстве и обводах которого без труда узнаётся ухудшенный вариант штатного солдатского примуса Вермахта, — весь “Эдельвейс” в годы Второй Мировой был оснащён ими >, — вооружась примусами, Глаша начинает стряпать блины. Поскольку является в этом деле не меньшим специалистом, чем в области подземной “геодезии энд картографии”. Процесс выпекания сказочно-вкусных (в исполнении Глаши) дисков долгий, вполне сопоставимый с затеянной мной “камералкой” — сиречь, рисованием по отснятым маршрутам карты, — а потому к финишу подходим одновременно. В явно нарастающем раздражении от а) валящей с ног усталости; б) того, что камералкой занимаюсь я, а не “официально обученный” этому Глаша; в) результат моего рисования никак не тянет на нобелевскую премию по возможному увеличению никитских лабиринтов хотя бы в четыре раза.

: Вообще ни на какое увеличение ходов не тянет. Согласно нарисованному мной, если чего и можно добиться на этом участке Системы — то очередной сбойки с ЖБК. Коль проломить завал в районе нашего свежееоборудованного сортира. Точнее, метрах в пяти правее него. Там как раз уходит в нужном направлении некий остаток штрека...

: рухнувший ещё до пифовского балования “объёмником”. И один из отснятых нами в ЖБК маршрутов приходит точно под него — начинаясь практически у проломленного Чёртом “официального входа” в ЖБК.

Только на фига нам — проход в ЖБК прямо из нашего грота? Добро б ещё, в результате этой сбойки мы получили доступ к дальней части ЖБК, — не спорю, это было бы удобно, — но делать из жилого грота проходной двор... Чтоб, затратив энные усилия, оказаться там, где и без этих усилий оказаться можно. За десять — пятнадцать минут, не больше.

: Чёртового шкурника вполне хватает.

– Раздражённый зря ухлопанным днём тяжёлой и кропотливой работы, Глаша несколько раз выборочно проверяет соответствие обрисованных мной нитей маршрутов записям в пикетажной книжке.

К его сожалению, ошибки в моей камералке не обнаруживается.

— “Ошибка” заключается в том, что снимать нужно было не ближние к Сапфиру и Чёртовому шкурнику части ЖБК и Дальней системы – их отдалённые окоёмы. Ибо даже по предварительным прикидкам там имеется весьма обширное “чёрное пятно”, не пронзаемое известными штреками. Но прежде, чем снимать эту даль, неизбежно нужно “привязаться” к ближним, соединённым Чёртовым шкурником, частям систем,–

: Замкнутый круг. Времени на продолжение топосъёмки нет. Делать её в одиночку – глупо.

Настроение падает у обоих. Мысль, что “отрицательный результат тоже результат”, не греет. Губы-то раскатали километра на полтора, не меньше...

: Для поправки настроения вынимаю из заначки презент лучшего (по моему мнению) барда Сибири – Володи Болотина: бутылочку замечательного вишнёвого ликёра, что он подарил мне две недели назад, навестив Златоглавую. Специально на тот случай, если случится некий “критический момент” в предстоящем мне Пребывании.

Полагаю, что этот самый момент настал.

Соответственно, на плэер ставится кассета с записью Володи, что я сделал во время его визита.

Кассета выслушивается в отупело-полусонном состоянии; в том же состоянии съедаются блины и выпивается ликёр. Ощущение не беды – но какого-то тупикового действия резонирует с не столь весёлыми песнями Володи. “Что-то, что-то, что-то не так”,– вялый обмен фразами, конечно, далёк от скандально-повышенных оборотов — но раздражённые обертона доминируют.

Конечно, виной всему Очень Большая Усталость. Умноженная на ‘критические дни’ подземной акклиматизации. И на то, что времени для продолжения топосъёмки нет — и когда оно случится ещё?

: Двулика знает. Да старина Белый.

Однако, отходя ко сну, Глаша объявляет:

– Знаешь, Ком... А всё-таки замечательный был день. И такой славный Ужин... ЕСЛИ Б ТЫ ЗНАЛ — КАК МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПЕРЕТЬСЯ ОТСЮДА НА ПОВЕРХНОСТЬ!!!!

Тем не менее, утром Глаша уходит.

: Город зовёт, хамскими своими миражами-обязанностями разрывая реалии Подземного Мира,–

* * *

: Я остаюсь один.

— Пребывание началось.

В некотором оцепенении после его ухода созерцаю две надписи.

Одну по стене грота против выхода из модуля сделал Глаша.

“ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ” – гласит она тёмно-синей гуашкой. И означает новое название оборудованного нами грота. Ибо от старого – что осталось?..

: Весьма и весьма немного. Но всё же – надпись вторая:

... алой гуашью она была выведена на торчащей из потолка плите в декабре 1980, когда мы обустроивали Сапфир к встрече Нового года. Вместе с Зелёным Змеем, Мамонтом, Юликом, Хмырём, Удавом и Золушкой. Цитата из Юры Кукина –

– после пифовского взрыва плита выкололась из свода этаким кубиком. Упала, будто телевизор, – экраном-надписью ко мне, смотрящему на выход из грота:

“БЕГИ ОТ ЛЮДЕЙ – В СВОЙ СТАРЕНЬКИЙ ДОМ...”

Одна надпись будет говорить мне каждое доброе утро: *твой островок в Никитах обитаем, – живёшь.*

Вторая – при взгляде в сторону выхода – *вернулся домой, в мир своих друзей и памяти.*

В славно-сказочный мир Никит начала восьмидесятых. “Когда мы были молодыми...”

Вернулся — после Старицы и Съян. После иных пещер и многих событий.

: ОДИН.

Как кажется.

Вернулся – чтобы поставить некую завершающую точку в “обломанных” козлиной властью наших исследованиях?

: Вернулся, чтобы связать Время, – точнее, *времена?*..

— Чтоб доказать самому себе: всё, чем занимались или пытались заниматься тогда, было не зря???

Или – действительно найти ответы на вопросы, от которых оказалось невозможным избавиться?

... Наверное — всё сразу. И что-то ещё. Что затруднительно выразить словами.

«Ибо мириады сущностей ежесекундно совершают работу – но нет слов», –

: из даосов.

ОТСТУПЛЕНИЕ СПЕЛЕОФИЛОСФСКОЕ

*Сеет с кончика пальца
Земля натёчное семя.
А прорастает — чудо...*

: С давних пор Человека манит Неведомое.

Проникая в заоблачные выси – покоряя вершины гор, поднимаясь на аэростатах в стратосферу, устремляя космические корабли к звёздам, – иль погружаясь в глубины мирового океана, в глубины осмысления своего бытия и места во Вселенной, человек удовлетворяет жадный Инстинкт Познания. Инстинкт расширения своего кругозора — *один из немногих, отличающих его от животных.*

“Нижний уровень” этого инстинкта – любопытство. В принципе, свойственно и животным. Ибо особь, не наделённая инстинктом познания, является лишь питательной протоплазмой для участия в биологической цепочке обмена веществ. Любая более-менее активная форма жизни включает этот инстинкт. Неизбежно:

Без Познания Мира нет развития; нет свободного существования в нём. Играет, познавая мир, котёнок. Играют щенки. В свободное от сна время и волк, и олень в лесу изучают/осматривают свою территорию, – приглядываясь к соседним. Как минимум – на уровне: что бы такое там можно съесть. Нет-ли отсюда опасности.

: Это оберегает жизнь.

Любознательность, в отличие от любопытства, свойственна Человеку. Это уже – иной раз – наперекор и чувству голода, и инстинкту самосохранения. Но гибнет расширяющая *видовой кругозор* особь — выживает вид.

Любознательность – от простого вопроса: *что там, за углом, за линией горизонта?* – неуклонно движет человеком на всём пути его существования; дарит открытия и свершения, радость побед и горечь разочарований...

: Мы научились заглядывать в необозримые дали Вселенной и глубины Времени, видеть Мир во всём диапазоне электромагнитных волн, – получать информацию из самого глубокого, безвозвратно ушедшего Прошлого – от первых миллисекунд существования Мира. Покорили высочайшие вершины Земли и оставили свои следы на поверхности её космического спутника, –

Но то, что в буквальном смысле этого слова скрыто у нас под ногами, под покровом земной поверхности – *во тьме пещер* – по-прежнему является Тайной Тайн. И манит своих первопроходцев и исследователей.

Последние “белые пятна” нашей Планеты, скрытые во мраке подземного космоса.

И по-прежнему главной загадкой остаётся сам Человек: ещё не познанные закономерности его мышления, физиологии его организма.

На стыке этих направлений в начале шестидесятых годов на Западе родилась спелеонавтика.

: Наука и нет одновременно. Удивительный и необычный, доступный лишь единицам из всего человечества, досуг — кропотливый, на грани физических, психических, интеллектуальных и эмоциональных возможностей, труд. Каторжный и радостный одновременно.

– *Испытывает-ли радость от путешествия в космос астронавт?*

– *А акванавт от скольжения меж вода-*

ных струй Голубой Бездны?..

: Мне лично трудно представить себе подводника, что соглашается на погружение лишь из каких-то материальных “соображений”. Космонавта — тем более.

Значит, некие *радость и кайф* от этих занятий безусловно являются стимулом. Точно таким, какой влечёт спелеолога в пещеру. Всё остальное — производная, доступная пониманию обывателя. Потому и говорят о ней чаще и громче, чем о том, что лежит в основе.

— Можно-ли назвать науками акванавтику и астронавтику?

: Как область знания “человек — принципиально чуждая ему среда обитания” наверное, можно.

Спелеонавтика — не просто ровесница и сестра акванавтики и астронавтики.

Главный объект изучения спелеонавтики: Человек.

Место изучения — пещеры.

Казалось бы, достаточно редкое и кратковременное сочетание... Откуда же такой симбиоз?

— Чтоб разобраться в нём, попробуем на *чувственном уровне* вернуться к условиям, в которых человек находится под землёй.

* * *

Как было сказано, важнейшие факторы, определяющие поведение человека под землёй — ТЕМНОТА и её младшая сестрица ТИШИНА. Фактор не менее значащий — ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗОЛИРОВАННОСТЬ ОТ ВНЕШНЕГО МИРА. С сопутствующей информационной, электромагнитной и прочей изоляцией от условий (и условностей), в которых мы пребываем на поверхности с момента нашего рождения. В которых — генетически — пребывали всю историю рода Homo Sapiens, — и историю существования жизни на Земле.

: Уже одно это отличает спелеологию и спелестологию как от прочих возможных видов туризма и спорта (и иного человеческого досуга), так и от иных видов научной деятельности. За исключением, быть может, одной астронавтики. И в чуть меньшей степени — акванавтики.

Тем не менее, человек по роду своей наземной деятельности время от времени попадает в условия, близкие к подземным. Позже я вернусь к ним, — точнее, они сами неизбежно вытянутся из дальнейшего моего монолога. Пока же представим себе подземные условия с их *чувственной стороны* — и как на них отзываются наши физиология и психология.

: Как уже говорилось, подземные темнота и тишина — абсолютны. В каком бы месте на поверхности Земли ни находился человек (зимой или летом, в закрытом или открытом пространстве), ритм его жизни с рождения жёстко задан колебаниями светлого и тёмного времени суток; если

говорить о развитии всей жизни на Земле — на генетическом уровне эта привязанность должна быть всеобъемлющей. И определяющей всю нашу физиологию и психологию.

По крайней мере, такой вывод должно сделать, руководствуясь логикой. И внешне он вроде бы подтверждается:

: даже в закрытом помещении человек днём стремится ярко осветить своё рабочее место, свой дом; вечером инстинктивно уменьшает освещение,— ложась спать, гасит свет.

Измеренные в наземных лабораториях ритмы активности нашей перистальтики, вегетативной, эндокринной и иммунной систем тоже “вроде бы” демонстрируют циркадную (суточную) зависимость.

Об этой зависимости написано очень много интересных работ самыми разными специалистами — от физиков, химиков, биологов до медиков и физиологов,— в наземных лабораторных условиях прослежено соответствие уровня мелатонина в крови и освещённости, или времени суток¹⁷ — но чёткий

¹⁷ МЕЛАТОНИН – гормон, вырабатываемый шишковидной железой (эпифизом). Секреция мелатонина подчинена циркадному (околосуточному) ритму, определяющему в свою очередь ритмичность выработки гормонов гипофиза через влияние на него гипоталамических структур. Синтез и секреция мелатонина зависит от освещённости – **избыток света тормозит его образование, а снижение освещённости повышает синтез и секрецию мелатонина.** На ночные часы приходится 70% выработки мелатонина, активность его синтеза начинает повышаться с 8 часов вечера, а пик максимальной концентрации приходится на 3 часа утра, после чего его количество начинает снижаться. Донором мелатонина является аминокислота триптофан, которая участвует в синтезе нейромедиатора (нейропередатчика) серотонина, а он в свою очередь под воздействием фермента N-ацетилтрансферазы превращается в мелатонин. Синтезировавшись в эпифизе, мелатонин выделяется в спинномозговую жидкость (ликвор), через которую накапливается в гипоталамусе. Экзогенный (внешний) мелатонин, принятый в лекарственной форме, повышает чувствительность гипоталамуса, что приводит к каскаду гормоно-обменных сдвигов в сторону более молодого организма. При отсутствии отрицательных последствий для организма, мелатонин обладает широким терапевтическим диапазоном действия. Он применяется для синхронизации суточных ритмов, при смене часовых поясов, тем самым предотвращая развитие десинхроноза. При применении мелатонина происходит нормализация ночного сна. **Сновидение становится эмоционально-насыщенным.** Мелатонин повышает устойчивость к психо-эмоциональному стрессу, выступая в этом плане как универсальный адаптоген. Мелатонин повышает содержание ГАМК тормозного нейромедиатора, который улучшает микроциркуляцию кровоснабжения мозга. Мелатонин является стимулятором клеточного и гуморального иммунитета через активацию функций задних ядер гипоталамуса. Мелатонин эффективен как иммуномодулятор при инфекционных и раковых заболеваниях, снижает токсичность химиотерапии. Способствует предупреждению рака молочных желёз. [«Крат-

ответ на причины и следствия этих колебаний *в наземных лабораториях получить, по-видимому, невозможно*. Ибо для этого нужно, во-первых, разорвать или блокировать все взаимодействия и связи, что могут являться сопутствующими или принадлежать исключительно внешним влияниям (таким, как циркадный ритм солнечной радиации) – и все эксперименты, до сих пор осуществлявшиеся на поверхности, сдублировать под землёй при “более, чем длительном пребывании”. Во время которого и можно будет выяснить: какие из циркадных ритмов человеческого организма “наведённые”, а какие – внутренние. Подробнее смотрите на эту тему статью Росса Эйди «Cell membranes, Electromagnetic Fields and Intercellular Communication» [“New Scientist”, 1987] — о связи циркадных ритмов шишковидной железы, генерирующей гормон мелатонин, и изменений внешнего магнитного поля; многие исследователи [«Principles of Psychology», Price, Glicksrein, Horton and Baily] выявили зависимость между вращением солнечного магнитного поля (абсолютный период обращения экваториального пояса – 26 дней; для земного наблюдателя, в результате суперпозиции с вращением Земли – 28 дней), работой миндалины (ответственна за наше эмоциональное состояние) и так называемым “эмоциональным биоритмом”, а также женскими регулами. Чётко обозначенная в этих работах и в книге Мориса Коттрелла [«The Tutankhamun Prophecies», Maurice Cotterell, 1999] корректировка женского менструального цикла и вариаций солнечного излучения подтвердилась при длительных спелеонавтических пребываниях женщин; дабы не загромождать комментарий, список других интересных работ по этой теме я дам несколько позже. Тем не менее, на вопрос о причинах наших внутренних биоритмов ответа по-прежнему не получено.

: Под землёй смены времени суток нет.

Нет вообще никаких ориентиров во времени (включая, как уже говорилось, эниологическую изоляцию от “текущего момента Поверхности”); единственный “источник времени” – часы, взятые с собой. Что в условиях Подземли быстро превращаются в разновидность метронома. Тикающего лишь ради себя самого нечто, с окружающим миром никак не связанное. Но в самом человеческом организме протекает множество достаточно ритмических процессов, – также имеется некое “внутреннее время”, что, по сути, является функцией реального времени и нашей психологической занятости. Причём для многих людей это “внутреннее время” более важно, чем то, которое показывают стрелочки или цифирьки часов. Что же до света – “рабочее место” вне зависимости от времени суток освещается тем светом, что у тебя есть; колебания его яркости никак не зависят от “поверхностного времени суток” и служить хронометрическими привязками не могут “по определению”. Условный отсчёт времени, что теоретически может практиковаться в отсутствии или при

кая Медицинская Энциклопедия», “Крон-пресс”, Москва, 1994.] *Что при подземном пребывании в условиях неполной или ограниченной освещённости синтез мелатонина усиливается – понятно так же, как и вытекающие из этого процесса положительные следствия для физиологии нашего организма.*

поломке часов – по, скажем, горению свечи, подсаживанию аккумулятора или батареек, – или по заполнению банки падающими с потолка каплями — более, чем условен. Даже стандартная свеча имеет значительные девиации времени горения; разряд аккумуляторных банок и батареек (с тем более не гарантированной “стандартной ёмкостью”) зависит от того, как часто ты их пользуешься. Что остаётся: метроном каплепада?... Так ведь метроном, не более. И от капризных токов воды зависит – однозначно.¹⁸

– Более *зримых* темпоральных процессов под землёй нет. < За исключением роста кристаллических и натёчных образований, в спилах которых ясно читаются *годовые кольца, подобные древесным*, – но оставим хронометрические привязки такого рода мафусаилам.¹⁹ >

В силу чего появляются значительные флуктуации длины субъективных суток, наблюдаемые у человека, работающего под землёй: как правило, все они направлены в сторону увеличения – то есть субъективное восприятия течения времени под землёй замедляется; иногда в два, три раза. Это очень важный факт, и говорит он в первую очередь о том, что “внутренние биологические часы” человека не имеют никакой биоритмической “привязки” к диктуемым нам вращением Земли двадцатичетырёхчасовым суткам.

А вот у животных – наоборот: *их физиология жёстко зависит не только*

¹⁸ Что касается измерения больших промежутков времени – сравнимых по длительности с месяцем – то до проведения спелеонавтических пребываний наивно полагалось (как нечто, само собой разумеющееся), что женщины, благодаря менструальному циклу, имеют пред мужчинами некоторую “фору”. После продолжительных подземных пребываний Жози Лорес, Вероники Ле-Гуэн, Эммануэлы Шамеруа и Стефании Фоллини выяснилось: в отсутствии солнечной освещённости (её ритмах, диктуемых вращением Земли), регулы у женщин неизбежно сбиваются. То есть служить хронометрической привязкой никак не могут. У всех четырёх спелеонавтов они замедлились почти в два раза; связано это с тем, что практически все циркадные и циркадианные ритмы нашей физиологии напрямую определяются уровнем альбумина в крови – в свою очередь зависимом от получаемой организмом солнечной радиации. Кстати, этот же агент (влияющий на образование сгустков в крови) “повинен” в ряде сердечных приступов — прямая корреляция которых с периодами солнечной активности известна учёным уже давно. [Опыты Маки Такаты (Япония) в 1951 году, проведённые не только в специальных, защищённых от действия солнечной радиации, помещениях — но в глубоких шахтах и в момент солнечного затмения.]

¹⁹ Раз уж зашла речь, “годовые кольца” сталактитовых натёков вовсе не обязательно годовые — ибо от притока воды зависят, а не от климатических годовых колебаний: хорошие грозовые паводки “нарисуют” нам на спиле сталактита столько же “годовых колец” в год, сколько было в году этих паводков, разделённых хорошей сушью; заткнулся глиной традиционный водоток, или ушёл в сторону от натёка – его рост оборвётся на годы. “И никаких колец”.

от времени суток, но и от времени года. Когда курам в экспериментальном полуторогодовом пребывании Милутина Велковича устроили “полный банзай” со смещённой длительностью светового дня, они начали, образно говоря, не только “сходить с ума” – простодохнуть. Их физиология такого экспериментального подарка не приняла. ***Вдумайтесь в это важнейшее отличие нашей физиологии от физиологии всего остального земного живого. Какой вывод напрашивается?..***

: То-то. Остережёмся пока записать его на бумаге, и вернёмся к “особенностям нашей подземной нейрофизиологии” – ибо не только “внутреннее время суток” начинает “плясать” у нас в условиях Подземли. Самым необычным образом начинают чередоваться периоды усталости и бодрости — через какое-то время подземного пребывания человек [читаем работы основоположника спелеонавтики М. Сифра, “показания которого” вполне подтвердили мои собственные длительные пребывания] может начать внезапно среди условного ‘бела дня’ впасть в сонливость. Как и просыпаться среди ночи в состоянии полной бодрости – проспав вместо привычных восьми часов всего два. А то и 20 минут.

А это уже — вкупе с общей потерей хода времени, то есть его внутреннего контроля/ощущения, “не просто плохо”.

Проявляться этот эффект может везде, где человек силою обстоятельств оказывается оторванным от привычного ему синхронизирующего чередования светлого и тёмного времени суток: в подводных лодках, космических кораблях, при длительной работе за полярным кругом, в подземных бункерах центров обороны и связи...

Вспомните так же о том, что люди по природе своей делятся на “сов” и “жаворонков”: одним оптимальны сутки, превышающие земные – другим земные слишком велики. Как может начать конфликтовать экипаж космического корабля, отправленного в двухгодичный полёт к Марсу – половина экипажа “совы”, тяготеющие в режиме космического полёта к длинным суткам, половина – “жаворонки”, тяготеющие к суткам укороченным — понятно. Причём ни тем, ни иным земные сутки для нормального функционирования организма не подходят.

: “Хороши и удобны” земные сутки, похоже, лишь животным и птицам. Так что же тогда – Человек? Откуда мы взялись, что с земными ритмами не имеем ничего общего???

: Мне кажется, только для того, чтобы установить это, есть смысл заниматься спелеонавтикой. Ибо “совсем без ритмов” живого не бывает, – все наши внутренние процессы так или иначе ритмичны (именно тем они отличаются от примитивных химических реакций, свойственных неживой природе), – даже на субклеточном уровне нет ни одной биохимической реакции, протекающей “равномерно/прямолинейно”. Только ритмически, только пульсациями.

Так что “внутренние часы” у нашего организма есть. Но вопрос: на какие периоды они настроены, почему не прослеживается корреляция с космическими ритмами Земли — а если отслеживается она в медицинских лабораториях

на поверхности, *почему* под землёй мгновенно “сходит на нет” и не фиксируется никакими тестами и приборами?..²⁰

: У животных и птиц под землёй такая корреляция сохраняется. У человека – нет. У человека начинают проявляться *его подлинные ритмы, на поверхности искажённые принудительной обязателькой двадцатичетырёхчасовых суток*. То есть, конечно, они не могут не проявляться наверху, ибо существуют и “отмене не подлежат” – для этого надо переделать природу человека, – вопрос заключается в сложнейшей суперпозиции наших подлинных внутренних ритмов — и того “фона”, что накладывает поверхность.

: НИКОГДА, НИ В ОДНОЙ НАЗЕМНОЙ ЛАБОРАТОРИИ, ЭТИ ПОДЛИННЫЕ РИТМЫ НЕ РАСПОЗНАТЬ.

ТОЛЬКО – ПОД ЗЕМЛЁЙ.

В условиях длительного, пусть и не вполне изолированного, Пребывания.

— Там, где человек будет “вырван” из привычного временного контекста наземной жизни, эти ритмы окажутся важнейшими. И определяющими его психологию и физиологию “на 100 %”; попытки их загнать в клетку отсутствующего двадцатичетырёхчасового стандарта могут кончиться весьма плачевно.

Как у кур в эксперименте Милутина Велковича, что принудительно были загнаны в противоречащие их физиологии иные ритмы существования.

И все передохли. Да не просто передохли – ещё и перо потеряли перед этим.

: Столь разрушительны для их физиологии оказались последствия.²¹

... Абсолютная тишина пещер – не менее важный фактор. Как на космическом корабле или в батискафе во время погружения, в пещере отсутствуют все так называемые “дальние звуки” – что фоновые (шум ветра, дождя, листвы деревьев, улицы), что пиковые (голоса людей, птиц, плеск волн, аperiodические техногенные шумы): *под землёй их просто-напросто нет*. Но этот “дальний шум” оказывает на человека огромное влияние – как на воспринимаемом уровне, так и подсознательно, за его пределом. Влияние это действует регулирующие на порог нашего акустического восприятия, но в большей степени (особенно в современном городе) – угнетающе и раздражающе.

²⁰ Интересный факт: у насекомых, обитающих под землёй, и у пещерных рыб *нет никаких циркадианных (околосуточных) и циркадных (суточных) ритмов*. Также эти ритмы отсутствуют у примитивных насекомых – перенесённые в среду с отсутствием чёткой двадцатичетырёхчасовой регуляцией освещения, они таких ритмов не обнаруживали. Над этим фактом стоит задуматься: выходит, что циркадные ритмы всего лишь эволюционное приспособление земной жизни к специфическим условиям существования – возникшее на определённом уровне усложнения живого. Но опять же: отчего сложнейшее её проявление – Человек – “потерял” эту зависимость?..

²¹ «463 Дня под землей» – “The British Caver”, Spring/Summer 1985, vol 94 – 95, Milutin Veljkovich.

Наряду с повышением порога слуховой чувствительности²² у человека происходит постоянная дестабилизация психики излишне сильными дальними пиковыми шумами < даже если вам лично кажется, что это не так,— то есть подобные шумы вас “персонально не задевают” — не спешите гордиться своей психической устойчивостью: Н. Островского тоже “не задевало” купание в ледяной воде в возрасте 20 революционных лет; как известно, описанное им закаливание стало окончилось на больничной койке,— всё учитывается, складывается и суммируется нашим организмом — “хочешь ты того или нет” >. Особенную опасность в этом раздражении представляют инфранизкие частоты, обильно генерируемые городским транспортом и заводами,— *под землёй подобных источников инфразвука нет (за исключением некоторых, весьма редких, сквозняков, проходящих через особой формы щели в породе — но и такие колебания, благодаря активному поглощению их влажным известняком и специфической топологии подземных полостей, просто не распространяются далее прямой видимости подобной щели)*. Сказанное можно отнести и к ультразвуковым частотам.

Ближние звуки под землёй приобретают для человека гипертрофированное значение: из-за отсутствия дальних шумов, на которые ориентируется порог нашего акустического восприятия, зачастую “внутренние шумы” организма, вовсе не замечаемые при иных условиях, начинают восприниматься на одном уровне с внешними,— на этом основан ряд методик, способствующих восстановлению у людей слуховой чувствительности.

Ясно, что человек, пробывший хоть какое-то время в подземной звуковой изоляции от внешнего мира, существенно обретает в психическом здоровье. А коль он при этом изволит слушать любимую музыку даже с самого примитивного плэера — удовольствия и кайфа получает во сто крат больше, чем при прослушивании той же записи в городе. Пусть и на аппаратуре “хай-фай” (на ламповый “Х.-Енд” не замахиваюсь). Вообще акустика многих пещерных гротов, как неоднократно замечалось в литературе — явление, близкое к жанру фэнтези.

— Известно: *недельное пребывание под землёй способно вернуть тебе душевное и физическое здоровье, утраченное даже в результате самого сильного стресса.*

О лечении целого ряда расстройств и заболеваний наших лёгких, иммунной, вегето-сосудистой, нервной и эндокринной систем говорилось и писалось столько, что повторять всем известные тезисы “мучительно-больно”. СПЕЛЕОТЕРАПИЯ не миф и не паранаука,— реальность, существующая в мире столько, сколько существует само человечество. < Ещё древние тибетские медицинские книги рекомендовали беременным употребление толчёных пещерных натёков,— также рекомендуя их для скорейшего срастания костей при переломах; методики подземного пребывания для исцеления от разного

²² Во избежании терминологической путаницы, свойственной авторам иных статей, замечу: высокий *порог восприятия* соответствует низкой чувствительности; низкий порог восприятия — наоборот, высокой.

рода недугов практиковались в Китае и у американских индейцев, в древнем Египте, Греции и Индии; в наше время во многих странах с успехом действуют как подземные спелеостационары, так и некие их подобию, сооружаемые при госпиталях и лёгочных клиниках,— интересно также, что те спелеологи, что не “уходят из спелеологии” в возрасте $25 \div 30$ лет, и не умирают от несчастного случая — живут очень долгой и полноценной, здоровой жизнью. >

В основе пещерного целительства — не только “выключение” из внешне декларированного времени и звуковая изоляция. Огромную роль играет также подземная вода — в условиях наших пещер-каменоломен изрядно обогащённая биологически активным кальцием и (в некоторых случаях) солями и окислами железа. И, конечно, подземный микроклимат. Воздух пещер не только свободен от какой бы то ни было пыли и аэрозолей, радиоактивных частиц и прочих городских гадостей,— этот воздух содержит в себе здоровую долю аэроионов, весьма катализирующих мембранные процессы в наших альвеолах (как уже говорилось, заряд воздух приобретает при трении о шероховатые и пористые известняковые стены, одновременно расставаясь с пылью, пылью и аэрозолями — а также при испарении и падении-разбрызгивании капли воды, отрывающейся от свода²³); стерильность подземного воздуха, описанная мной выше, также относится к его исцеляющим факторам. Превышение нормы в $5 \div 10$ микроорганизмов на кубометр воздуха под землёй считается сильным загрязнением; как правило, этот “нездоровый фон” заносит с собой с поверхности сам человек — но уже через сутки пещерный микроклимат ликвидирует подобное загрязнение.

Ещё один важный фактор (но далеко не последний!) — удивительная *стабильность* подземного микроклимата. Отклонение влажности в течение года в одном и том же гроте, как правило, не превышает процента; колебания температуры — градуса Цельсия.

²³ Извиняюсь за повторение — но со школьной скамьи известно, что химические примеси в воде существуют в виде раствора, то есть разделённые на катионы и анионы. Почему этот факт десятилетия проходит мимо сознания отечественных ‘карстоедов’, изучающих подземную аэрологию — Загадка Породы. Но элементарное понимание процесса говорит: *при падении капли воды, сорвавшейся со свода грота, и её сопутствующем испарении (динамическом в следствии удара о пол и тритическом при движении через воздух) ионы, растворённые в воде, переходят в своём заряженном состоянии частью в пол (Ca^+ при этом формирует натёчную кору), частью в воздух. Обогащая его отрицательным зарядом (за это в основном ответственные ионы CO_2^-) и тем самым избытком углекислоты, что активизирует процессы неокортекса. К тому времени, как разделившиеся заряды одной упавшей капли рекурперируют между собой, на смену ей упадёт следующая. И не одна. Ибо проводимость воздуха не столь высока, чтоб уложить этот процесс в секунды или минуты; проводимость известняка так же не вызывает оптимизма с точки зрения электрики. Вот и копится в подземном воздухе как избыток углекислоты, так и целительного отрицательного заряда.*

Об эниологической и информационной изоляции от внешнего мира, как и об изоляции электромагнитной, уже говорилось. И сказано было о завышенном, против общей атмосферы Земли, процентном содержании CO_2 . Что весьма – вкупе с информационно-эниологической изоляцией – расширяет и активизирует наши творческие возможности.

Что же до скандируемого тупыми журналюгами *стресса, якобы постоянно испытываемым спелеологом под землёй* — уверяю: у меня он в несколько раз меньше, чем чувства, возникающие в городской квартире при включении соседом сверху дебильной “умцы-умцы” — или когда из потолочного отверстия на люстру начинают извергаться потоки воды; при прохождении сложного завала риск быть раздавленным сравним с аналогичным риском при переходе современной улицы даже на зелёный (для пешехода) свет — но, как показывает сравнительная статистика несчастных случаев, спелеориск гораздо ниже.

: *ТАКОВЫ В ОБЩИХ ЧЕРТАХ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДЗЕМЛИ – И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКОМ.*

Аналогия с условиями, в которых человек находится на борту космического корабля или подводной лодки, напрашивается сама собой.

: На Западе это заметили ещё в шестидесятые годы – и первоначально спелеонавтические эксперименты во Франции, Англии и Америке проводились под эгидой НАСА или при их “долевом” участии (научные программы, приборы). Не случайна также смена пристрастий человека, первым ступившего на поверхность нашего естественного спутника: по завершении американской космической программы “Аполло” Нейл Армстронг полностью посвятил себя спелеологии. Причём не “просто спелеологии” — он возглавил спелеоэкспедицию в малодоступные и неисследованные пещеры Перу и Эквадора (в том числе антропогенного происхождения, оставшиеся нам “в наследство” от инков) с целью отыскать в них “следы космических пришельцев”...

ПРЕБЫВАНИЕ-91: ОСНАЩЕНИЕ

– Небо в алмазах... Друг мой,
Ты когда-нибудь видел
хрустальное небо?

: Небо с массой во многие тонны
способно упасть,
способно пролиться тяжёлым дождём –
А за ним только Вечность...

... приступаю к задуманным исследованиям: планомерному, день за днём, медико-биологическому тестированию своего организма. У меня довольно большой парк приборов – часть из них, за отсутствием достойных аналогов официального производства, разработана и

сделана мной лично,— часть добыта самыми разными способами... О которых теперь, по прошествии лет, не хочется вспоминать — как и о временах, когда не то, что специальное спелеоснаряжение — абсолютно всё, включая еду, было сплошным дефицитом. *Если бы не помощь друзей и родных,—*

Стыдно признаться — но времена в 1991 году наступили такие, что впервые в жизни на подземное погружение меня снаряжали родители. В магазинах вместо продуктов зияли прилавки, отягощённые в лучшем случае несъедобной “морской капустой в томатном соусе” и бутылками с уксусной эссенцией < “мол, берите, родные — да жрите!” >,— родители как-то *доставали* на работе “продовольственные заказы” (нынешнее поколение, слава Богу, не знает, что это такое — и что за этой системой “заказов” стояло, как *жировала на них государственная коммунистическая торговля*²⁴),— из таких “заказов” родители откладывали для меня неудобоваримые “супы в пакетах” и рыбные консервы сомнительных вкусовых достоинств... Но другой еды просто-напросто НЕ БЫЛО.

: Не было в магазинах тушёнки,— даже ‘презренно-свиной’, на три четверти, казалось, состоящей из технических жиров,— покупал с “чёрного хода” у знакомой в столовой мясо (безусловно, ворованное — но куда было деться?) и готовил тушёнку сам. Мясо было “с душком” — приходилось класть специальные пряности и вываривать “в двух водах”. Соответственно, прожаривать потом в два раза дольше обычного.

: Через родную христианскую общину (я католик) получил “бундесовую” помощь. ИМ тоже спасибо. Впрочем, в том году, наверное, половина страны пережила зиму лишь благодаря этой помощи,— что бы потом ни говорили...

Где достал сыр — умолчу: *там его больше нет.*

Друзья обеспечили дачной картошкой, родственники с Украины — сахаром и колбасой. Колбасу две недели подсушивал на батарее: “доводил до оптимальной для хранения под землёй влажности”.

— Со снаряжением было всё-таки проще: его мы спокон веку привыкли делать в этой стране сами, не рассчитывая на государственную милость,— мой подземный капроновый дом, тёплый синтипеново-капроновый спальник, лавсановый удобный комбез со вшитой на коленях и под спиной термоизолирующей пенкой и авизентные транспортные мешки сшиты моими друзьями < модуль работы Хмыря, комбез и спальник — Большого Лешего, транс ‘от Лещины’ >,— давними моими партнёрами по подземным походам и экспедициям, поднаторевшими не только в швейном искусстве, но и во всевозможном, часто уголовно наказуемом доставании нужных материалов... Включая даже такой пустяк, как капроновые нитки и анилиновые красители.

: Листы термоизолирующей пенки в должном количестве были закуплены прямо у забора завода-изготовителя,— единственного тогда завода в стране,

²⁴ До столь порицаемого ныне “прихода демократов к власти оставалось” не меньше года, не стоит этого забывать!

выпускавшего этот сколь нужный, столь дешёвый в производстве материал. И ведь нужный не только тысячам туристов, альпинистов, спелеологов и иже с нами — **НО ЗАВОД БЫЛ ОДИН. НА ВСЮ НЕОБЪЕМЛЕМУЮ РАЗУМОМ СВЕРХДЕРЖАВУ.** С очевидной мощностью производства,— хотя делать этот материал можно практически в любом месте: где имеются отходы от производства резин и пластиков.

— Откуда взялись у меня медицинские приборы, которые не пришлось создавать из ничего своими руками — можно догадаться.

...: Приборы, как и часть продуктов, что пришлось расфасовать в стеклянные банки, паковал в картонные коробки. Такую транспортную тару я применял под землёй впервые — и могу сказать, что она себя полностью оправдала: это оказалось много удобней и надёжней транспортных мешков. По крайней мере, в условиях горизонтальной пещеры сильно пересечённого типа: в шкурниках мы с Глашей просто передавали их друг другу из рук в руки, не сильно напрягаясь при этом. И не напрягая, соответственно, хрупкое содержимое коробов контактом со стенами шкуродёров.

* * *

Прежде чем перейти к описанию проводимых мной исследований и приборов, часть из которых является моим личным “ноу-хау” в области параметрии, поведаю о своей налобной системе и о базовом, то есть применяемом в гроте свете. Ибо “свет” — важнейшее понятие в нашей подземной жизни; начало и основа любого Подземного Действия. Методики снятия параметрической информации и потребные для этого приборы — ничто, если возникают проблемы со светом. Или с энергетическим обеспечением самого Пребывания.

Тем более, что времена массивных и тяжёлых осветительных систем в спелестологии канули в лету,— а потому сия информация полезна в историческом аспекте.

< О Боже! С какими чувствами *сейчас* вспоминаются что вес, что надёжность наших тогдашних “осветительных приборов” — неудобные тяжёлые аккумуляторные банки (до полутора кГ весом, что одинаково неудобно было таскать и на боку в противогазной сумке — постоянно пробивающейся на камнях и норовящей сползти в шкурнике под живот, намертво заклинив тебя этим подлым перемещением,— и на ремне, без разницы, на спине или сбоку,— учтите: в соответствии с законами светоизлучения электрических лампочек накаливания 99 % этого веса приходилось на мировую энтропию в чистом виде),— и вечно перегорающие и не желающие светить точно по центру лампёшки, выпускаемые на четыре различных бытовых напряжения, в силу чего запаска товарища не всегда могла выручить тебя — и непредсказуемой, порой, светимости, как и срока службы,— а ещё убогие, официально выпускаемые, блоки-отсеки для батареек, что начинали глючить после пары первых подземных часов, и столь же надёжные выключатели (то есть выключатели

были достаточно надёжны — но что до включателей...) — *сейчас, когда моя налобная система весит вместе с аккумуляторами около 100 г и отдаёт при этом около 50 кд световой мощности в течении 100 часов, не требуя никакой “запаски” — ломаться и перегорать в ней практически нечему, все соединения сверхнадёжны и герметичны, срок же службы светодиодов превосходит 100.000 часов,— сейчас, когда индивидуальный налобник моей супруги, созданный специально для подсветки при подземной видеосъёмке и состоящий из четырёх “люксеонов” общей светимостью в 800 кд, то есть примерно, как 10 шахтёрских “коногонов”, потребляет всего 1,5 А (один “коногон”, если кто забыл, ‘кушал’ не намного меньше — светил же не более 10 часов и весил около 1,5 кг,— но, тем не менее, был предметом мечтаний многих спелеологов) — **сейчас те давние времена без содрогания не вспомнить.** Что же касалось **примусов и карбидок...** Будет время — крутану в ночь со среды на четверг блюдце, и напишу в соавторстве с Дж. Кл. Джеромом специальную главу на эту тему. И не позабуду включить в неё полный интимности момент пробуждения в отечественном ватиновом спальничке на лопнувшем дутике за полным отсутствием в лексиконе таких понятий, как ‘пенка’ и холофайберный синтипух,— как и замечательный норов брезентовых трансигов — и многого, многого иного... Слава Богу — канувшего в Лету, как кошмарный сон. >*

: Аккумулятор, который я пользую в 1991 году для “ходового света”, состоит из двух ‘банок’, или по-другому, ‘аком’ никель-кадмиевых аккумуляторов начальной ёмкости в 13 А/ч (каждая ‘банка’ весит около 700 грамм); незначительная добавка в электролит LiOH “разогнала” их заводскую ёмкость до 15 А/ч, одновременно почти на 500 циклов увеличив срок эксплуатации. Таких сдвоенных комплектов у меня 7 — то есть для прогулок по пещере, именуемых на нашем слэнге “проходками”, я располагаю 105 А/ч: по 1,16 А/ч на сутки. Что при потреблении лампочкой тока в 0,15 А (нормальный ток “двушки”, то есть лампочки на 2,5 В) даёт мне около 7,5 часов “ежедневного гуляния”. Данного променада вполне достаточно — по опыту знаю, что он всё равно будет меньше: слишком много работы в самом гроте.

Но “запас карман не тянет” — даже в матрасном подземном ‘походе выходного дна’ света надлежит иметь раза в два больше, чем задуманное время твоего подземного пребывания.

А ещё лучше — в четыре: на всякий случай. Ибо случаи под землёй разные бывают...

— Что до “головки”, то есть собственно налобника, то их у меня три: одна простая и лёгкая — она переделана должным образом из налобного фонаря эстонского производства марки “циклоп”; вторая является точной её копией за исключением цвета — третьей же по праву могу гордиться до сих пор. Как и своими друзьями Володей Байданом, Сапиенсом и Гарри. Чьи разработки легли в её конструкцию.

: Она двуглавая — за что имеет персональное имя Двуглазка. Левая фара рассчитана на ближний свет, правая на дальний. Так у них подобраны конуса рассеяния и мощности лампочек. В “дальнобойной” фаре применяется не

вполне обычная лампочка на 2,3 В X 1,25 А,— она входила в комплект так называемой “пожарной фары”, что предназначалась, согласно инструкции, «для освещения пожара в тёмное время суток»... В “ближней фаре” обычная стандартная “двушка”. Кроме того, между фарами имеется достаточно миниатюрное электронное устройство, состоящее из регулируемого импульсного преобразователя с должным КПД и фотосопротивления, включённого в обратную связь схемы — преобразователь автоматически устанавливает нужное для лампочек напряжение (сколь мало его бы ни было на клеммах аком); фотосопротивление регулирует ширину подаваемых на лампочки импульсов. Конечно, не само по себе — с помощью регулирующего транзистора; последовательно с фотосопротивлением в схему включён переменный “резюк”, совмещённый с общим выключателем. Поворотом шпёнька резистора я устанавливаю требуемую моим глазам яркость лампочек (одной или двух, в зависимости от рода деятельности); в дальнейшем эта яркость автоматически поддерживается фотосопротивлением. По принципу “чем меньше отражённого света приходит на фотосопротивление — тем больше открывается регулирующей скважность импульсов транзистор”. Как видите, всё настолько просто, что нет надобности рисовать точную схему. Полагаю, что раз в Никитах восьмидесятих подобную схему мог собрать каждый второй страждущий — в детализации нет смысла. Тем более сейчас, в эпоху светодиодов. Единственное, что можно указать — фотосопротивление установлено ровно посередине глаз-фар и заключено в двухсантиметровой длины чёрную пластиковую трубочку.

Чтоб не глючило от случайных бликов.

: Куда бы я ни светил своим налобником — на ослепительно-белый лист бумаги прямо перед собой при топосъёмке, чтоб записать результат измерения, тут же — в дальний конец штрека с сырыми, тёмными от времени стенами, чтобы выполнить его обрисовку,— на стену шкурника в пяти сантиметрах перед глазами — сверкающую кварцевыми друзами, точно бенгальский огонь,— и снова в конец штрека, ибо туда предстоит идти — устройство, благодаря фотосопротивлению, автоматически осветит пространство так, что яркость света у моих глаз останется неизменной: установленной мною. Такая система не только экономит электроэнергию, снижая потребляемую от аккумуляторов мощность там, где яркость лампочки излишня — она ещё существенно бережёт нервные клетки. И не только зрительных центров — Глаша с моей подачи оснащён точно такой же системой, и при съёмке, когда мы, работая с рулеткой, неизбежно светим в глаза друг другу (а под землёй нет ничего более неприятного) — наши системы автоматически гасят друг друга встречными потоками света.

... Освещение грота — обычные хозяйственные свечи, дающие не только свет, но и тепло; при горящей свече в модуле вполне можно находиться без верхней тёплой одежды. Но так как ЦВЕТ под землёй значит не меньше, чем свет — на второй день одиночного пребывания подвешиваю в модуле к центральному кольцу своеобразную “люстрочку”: два больших прозрачных пластиковых шара с вставленными внутрь лампочками на 2,5 В. Один шар окрашен в красный, другой в зелёный оттенок,— эта люстрочка дарит моим

глазам немало приятных минут заслуженного отдыха.

Кроме двухламповой люстрочки у меня имеется миниатюрная настольная лампа на те же 2,5 В – разумеется, личной конструкции, с гибким металлическим рукавом-держателем – фиксируемым, аки пластилин, в любом положении.

Свет в модуле и необходимое для работы аппаратуры напряжение дают тридцатиамперные щелочные аккумуляторы закрытого типа; их у меня 14 штук, то есть семь комплектов по две банки.²⁵ Дополняют их 7 сдвоенных банок 2КН24; по предварительным подсчётам их с лихвой хватит на всё время Пребывания — включая пользование взятым для радости жизни плэером с колоночками (хорошая музыка в нашей удивительной подземной акустике – Радость, сравнимая с посещением Домского собора во время концерта Гарри Гродберга), – но так как для освещения я пользуюсь и свечами, время это можно смело увеличить в два раза: к понятиям “запасной свет”, “альтернативно-независимые источники света” и “запас транс не тянет” все, кто ходят под землю, относятся с большой серьёзностью. И лучше принести в грот лишние килограммы светлых ‘амбер/часов’ – чем мыкаться в темноте подобно Тому Сойеру с Ребеккой Тэтчер.

: Свечей у меня 10 упаковок по 10 штук в каждой – то есть *весь мой суммарно возможный свет при должной его экономии перекрывает задуманное время пребывания втрое*. От этой мысли испытываешь чувства, сходные с возможными эмоциями хомячка, устроившегося на зимовку при элеваторе, –

– жаль лишь, что перекрытие это касается только световой стороны моего Пребывания. С продуктами, как и во всей стране, “некоторая напряжённость”. Но на задуманное время – хватит.

Энергетическое обеспечение Пребывания – 50 литров бензина для приготовления пищи и устройства бани; от газа, что во многих отношениях удобнее и экологически чище бензина, я отказался не только по соображениям безопасности (вакуумный взрыв в этом гроте уже имел место) – но и потому, что на

²⁵ *Замечание-комментарий для дотошных специалистов:* две ‘банки’ щелочных аком дают в начале разряда 2,8 В; в основном рабочем режиме 2,4 В и по его завершении – 2,2. В тоже время используемый мной “микросхемный парк” (в основном “133-я серия”, что была выбрана из-за относительной доступности и миниатюрности) требовал для стабильной работы 5 В. Конечно, я мог использовать батарею из пяти ‘банок’ и гасить избыток напряжения стабилизатором; однако такой подход показался мне бессмысленно-неэкономичным. А потому питал всю свою измерительную аппаратуру через импульсный преобразователь напряжения (в основе которого был высокочастотный генератор прямоугольных импульсов с регулируемой амплитудой и скважностью) — какое бы напряжение ни выдавали акомы, на выходе я имел высокостабилизированные 5 В. Требующиеся, например, для точной работы оптического блока. Менее критичный к стабильности напряжения мини-энцефалограф получал от того же преобразователя 6 В; плэер и осветительные лампёшки подключались непосредственно к акомам.

официальных заправках того прогарного времени запросто можно было нарваться на самый натуральный болотный метан пополам с каким-нибудь меркаптаном,— а серный волок в одном, отдельно взятом гроте без ураганной тяги воздуха — вещь не на много более кайфная, чем взрыв газового облака, “высвистевшего” из пораженного подземной сыростью редуктора баллона.²⁶

: Не так давно у нас был подобный случай,— не взрыв, а отравление меркаптаном из свежезаправленного у Павелецкого вокзала баллона... Ладно — мы, спелестологи: хоть из наших штреков смрадному серному волоку было некуда деться — мы пережили, ибо аварийные противогазы “на всякий военный случай” с собой были,—

— а вот сколько старушек на своих дачках и в хибарках по заброшенным деревьям отправилось “ad patres” с этой, с позволения сказать, ‘заправки/затравки’?.. Ведь по зимнему времени года навряд-ли у них были широко распахнуты форточки: как старушки экономят тепло, все знают.

Потому и приходится нюхать продукты сгорания бензина — слава Богу, в переделанной головке моего ‘интуриста’ он сгорает практически полностью (чего не скажешь о заводской совковой модели...).

— Теперь о приборной части. Она у меня довольно обширная и делится на две группы:

Первая предназначена для получения всевозможных данных о параметрах среды, в которой я обитаю — давление воздуха, влажность, температура, ионизированность, наличие электромагнитных полей и излучений в очень широком диапазоне, фиксация ультразвуковых и инфразвуковых колебаний,— есть пара барографов, гигрографов и термографов с недельным часовым заводом (приборы эти механически-пружинные, то есть заводятся специальным ключиком и электричества “не кушают” — один минус: слишком громоздки, и чернильные самописцы — вчерашний день инженерной мысли! — не представляются мне надёжными; но другие добыть было неоткуда²⁷). Жаль,

²⁶ Что окантованные алюминиевой фольгой редукторы газовых баллонов при хранении под землёй склонны разваливаться из-за коррозионных процессов в алюминии, спровоцированных подземной влажностью (в результате которых на алюминиевой поверхности появляются похожие на силикатный клей коллоидные кристаллы, относящиеся, как это ни удивительно, по своей химической природе к сапфирам и корундам) — ПРОВЕРЕННЫЙ, К СОЖАЛЕНИЮ, ФАКТ. Специально предупреждаю о том желающих погрузиться под землю с газовыми баллонами, в составе иль сопутствующих элементах которых есть хоть одна ‘голимо-алюминиевая’ деталь!!! (Этот же подлый процесс выводит под землёй из строя батарейные фонарики с алюминиевым корпусом — причём в данном случае он “подогревается” протекающим через контакты фонаря электрическим током, в результате чего у фонаря начинается “подземная болезнь”: мигание и ослабление света.)

²⁷ С этими мне помог М. Сохин, нынешний президент РОССИ; пользуясь случаем, выражаю безусловную, как рефлекс, признательность.

нет чувствительного сейсмографа. И аэрограф “подкачал” – изобретатели его рассчитывали на тяги воздуха, принципиально недостижимые в обитаемой Системе < минимальная чувствительность 0,2 м/с; сквозняк, что наблюдается, к примеру, в Сапфире, раза в три меньше — а то и во все десять. Но я его чувствую – а приборы, оказывается, нет >.

Тем не менее, устанавливаю по комплекту всего этого добра недалеко от входа в Систему и в гроте обитания. Сравнив их показатели с данными метеослужбы за время пребывания – температуру, влажность и направление ветра не посуточно, но почасно²⁸ – можно сделать интересные выводы. И не только об особенностях микроклимата Никитской пещеры в зимнее время года и межсезонье, – *о возможных её продолжениях и объёме*. А если на эти графики наложить мою физиологическую и психическую параметрию... Да прибавить фазы Луны, десятка два разного рода гороскопов, –

: мечтать, как говорится, не вредно.

Не менее важная группа приборов – медицинско-параметрического характера. Что предназначена для получения всевозможной информации, описывающей состояние моего организма: температура в разных точках тела, КГР, ЭКГ, ЭЭГ, пульсометрия, артериальное и венозное давление, тремор, мышечная реакция, контроль цветового, центрального и периферического зрения, слуха – тональный и амплитудный (миниатюрный генератор с жёстко заданным набором частот, уход которых минимален, поскольку в основе микросхема с соответствующими кварцевыми стабилизаторами, – этот же генератор работает на проверку зрения); рН-метрия крови и урины – к сожалению, это единственные из биохимических анализов, что я могу позволить себе выполнять, не покидая Системы. < Жаль, в пару к сейсмографу, не удалось достать необходимых мне средств пирометрии – дабы можно было достоверно определять не только объём моего вдоха/выдоха, но и содержание в воздухе O₂ и CO₂, а также водяного пара с точностью до доли процента: не нашлось на моё Пребывание в 1991 году богатенького спонсора... Покупка же сверхточных термометров съела последнюю наличность. Ну да ладно; и то хлеб, что ментам-гэбонам со всякими вятчиными не до пещер: в свете происходящего в стране, – а значит, хоть из под земли за ноги ни одна сволочь до намеченного срока не вытянет. Что по-своему приятно и как-то компенсирует прочее. >

– Поскольку основная часть параметрии снимается с помощью всем известных приборов, опишу те, что пришлось изготавливать и конструировать самому:

Специальные очки (бывшие “сварочные”) с расположенными по краям зрительного поля и в центре светодиодами трёх цветов – красного, жёлтого и зелёного (к сожалению, в России 1991 года о светодиодах синего цвета можно было только мечтать – и то “не очень громко”); каждый из этих светодиодов может мигать со своей независимой частотой и яркостью. Эти очки я разработал специально для тестирования глаз: их усталости, порога цветового и

²⁸ Проработав около года в ГРМЦ в АСПД “ПОГОДА”, знаю все необходимые “входы/выходы” нужной мне информации.

интервального восприятия. Один из тестов, например, — постепенное увеличение частоты мигания какого-либо светодиода до момента, пока глаз не перестанет различать мерцание — считается, что это один из лучших тестов для проверки так называемой зрительной усталости, — но поскольку каждый светодиод работает у меня от своего мультивибратора, собранного на основе соответствующей ячейки микросхемы, то диапазон тестов, что я могу осуществить с одним только этим прибором, более чем обширен.

Из остальных “самodelок” достойны упоминания таймеры со звуковой и световой сигнализацией для изучения времени реакции (счётчик на соответствующей микрухе подсчитывает доли секунды, проходящие меж световым или звуковым импульсом и моим нажатием на кнопку), контактный датчик с быстродействующим счётчиком касаний для проверки тремора (неокисляющаяся в условиях Подземли металлическая пластина — один электрод; второй в виде иглы, коей следует этой пластины касаться три раза подряд ради усреднения показаний²⁹) и ещё один счётчик с секундомером и специальной кнопкой типа “морзяночного ключа” для проверки мышечной усталости (счётчик механически суммирует количество нажатий, что я смогу выполнить за эталонные 30 секунд “верхнего времени”). Приборы в принципе не сложные — но ими заслуженно горжусь. Хотя бы потому, что в результате сочетания специальной схемы стабилизации питания и применении единой опорной частоты на кварцевом генераторе их показания ни в коем случае не смогут “поползти” даже при случайном падении питающего напряжения; также всем моим самodelкам “по барабану” что изменения окружающей температуры, что влажности. *Ибо что мои измерения в случае их неточности?..* ПШИК, как результат трёхмесячного геморроя. Оттого не жалею о времени, затраченном на их конструирование и отладку.

Есть приборы, что я применяю как бы не по назначению — но точность моих измерений от этого только возрастает: например, КГР я измеряю очень чувствительным французским микротестером в режиме омметра; все отечественные специальные “приборы” для исследования КГР, что я видел за время работы физиологом-прибористом, не годятся ему и в качестве чехла для

²⁹ Понимая, что “не все средь моих возможных читателей медики-прибористы”, поясню: в физиологии *тремором* называется дрожь, мышечная вибрация, что постоянно сопровождает работу наших мышц. В зависимости от состояния организма она может быть практически не заметна — или наоборот, достигать такого “размаха амплитуды”, что стакан с утренней дозой без полотенца ко рту не поднести. Принцип работы датчика тремора столь же прост, как и само устройство прибора: *поскольку моё касание щупом пластины складывается на высокочастотном уровне из множественных касаний, вызванных неуловимой (или зримой) вибрацией руки, быстродействующий счётчик суммирует именно эти касания — от первого до последнего, окончательно замыкающего цепь.* Общепринято мнение, что чем сильнее тремор — тем больше мышечная усталость или любые другие отклонения в нормальной работе организма.

переноски: *он в них просто потеряется.* < Замечу также, что данный тестер можно с успехом пользоваться в качестве прибора электроакупунктуры – причём величину и размерность импульсов можно менять в очень широких пределах; подобной фигины отечественного производства я до сих пор так и не увидел... >

Наверное, полный список моего “медицинского железа” приводить не обязательно – как и описывать в деталях применяемые тесты, методики и режимы тестирования: надеюсь, у Читателя сложилось некое представление о моих подземных занятиях. И о том, сколько времени они “вычитают” из моего бодрствования. Но только с помощью этих тестов можно объективно отследить изменение большого числа параметров организма – и если эти изменения происходят по какому-то циклическому закону, зависимость после сведения результатов легко выявить за несколько минут обчёта даже на персональном компьютере.

Впрочем, что до компьютеров... Тогда, в 1991 году, о них не то, что “тихо” – никак не мечталось.

: Теперь можно не только мечтать, – можно снимать параметрическую информацию прямо на него, используя существующие методики-программы и заранее заложенные в “хард” компьютера тесты, – цепочка “компьютерный тест – датчик – преобразователь информации – подземный “ноутбук” – телеметрический кабель – базовый комп на поверхности в ГО – модем – Интернет – любая клиника-заказчик исследований” представляется вполне реально осуществимой –

Если б не несколько, довольно досадных, “НО”.

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЛЕОНАВТИКИ

“Нам пещера – родными палатами...”

— Известно, что спелеонавтические исследования в настоящее время не проводятся ни у нас, ни на Западе. Чтобы понять, почему это произошло, обратимся к краткой истории спелеонавтики:

Возникновение её традиционно связывается с именем французского исследователя пещер, геолога по образованию, Мишеля Сифра. В 1962 году, заинтересовавшись гляциологией пещерного ледника, он провёл “вне времени” 64 дня в пропасти Скарассон (массив Маргуарейс); однако он не был первым. Ещё за год до него группа из десяти итальянских спелеологов под руководством профессора С. Монето провела в пещере Фаброза месяц без выхода на поверхность, осуществив при этом ряд экспериментов с лабораторными животными (2 коровы, 4 овцы, 80 кур и один петух); за десять лет до того японский медик Маки Таката разработал метод анализа альбумина и провёл ряд экспериментов по изучению его корреляции с уровнем солнечной радиа-

ции — часть из которых проводилась в глубоких шахтах “спелеонавтическим способом”. Эксперименты Такаты за десять лет до первых пребываний Сифра заложили основы спелеонавтического изучения биоритмов и показали зависимость циркадных ритмов от ритмического воздействия на наш организм солнечной радиации: *результат, мне лично представляющийся “более, чем важным”*. Самое же первое, насколько я знаю, спелеонавтическое погружение было проведено в 1884 году в катакомбах под Парижем — так что история *экспериментально-научной спелеонавтики* насчитывает более 100 лет.

Однако именно Сифр ввёл термин “спелеонавтика” и организовал планомерные спелеонавтические исследования — в силу чего его имя по праву значит для спелеонавтики то же самое, что имя Кусто для акванавтики. Средства массовой медиа поняли это очень быстро, — соответственно, меж его экспериментальными пребываниями и спелеонавтикой, как методологией (самостоятельной наукой она не является), машинально ставился знак тождества. В этом были не только плюсы, но и, к сожалению, минусы. Ибо созданный М. Сифром для проведения спелеонавтических пребываний Французский Институт Спелеонавтики опирался в своей работе лишь на персональный интерес к Подземле своего лидера (создателя, финансиста и бессменного руководителя), — дело, в общем-то, обычное в мире науки, — и служил, по сути, общественным рупором и механизмом для реализации персональных идей М. Сифра. Могли меняться сотрудники, набираемые для проведения каждого конкретного эксперимента или исследования — не менялось одно: зависимость этой организации от “подземного настроения” Сифра. И — увы! — “не только от настроения”:

: Дело в том, что М. Сифр не был профессиональным физиологом — в отличие, скажем, от М. Такаты, его эксперименты подходили к медицине “с чёрного хода”, от одного лишь интереса любителя; сама постановка исследований и неоднозначность полученных результатов вызывали вполне справедливые нарекания профессионалов. Отсутствие ясного понимания целей и задач, небрежность в организации Пребываний, смазывающая достигнутые результаты (вещи, в общем-то неизбежные при любом пионерском проникновении за грань Неведомого), — “обида на критиков”, — но более чисто психологические, *персональные факторы* заставили его в семидесятых годах отказаться от идеи подземных экспериментов.

Ладно бы — “ушёл из отрасли” тихо, “переквалифицировавшись в управдомы-спелеологи” — так нет: нужно было *личное разочарование* пребываниями и методиками получения данных громогласно перенести на всю идею Пребываний. И поведать об этом на весь мир в многочисленных интервью и книгах... Ясное дело: отождествлявшая имя Сифра и “спелеонавтику в целом” охочая до скандалов западная пресса растиражировала его откровения по всему свету с, на мой взгляд, просто неуместной громкостью.

— Мишеля Сифра это вполне устраивало. “Герой породил жанр — и он же его закрыл”. Да ещё с хорошим дверным хлопком.

: Поступок, с моей точки зрения, не вполне адекватный; возможно, продиктованный тем, что Милутин Велкович, проводя под землёй без выхода на

поверхность аж полтора года, заранее и навсегда “побил” все рекорды Сифра (к которым тот подсознательно тянулся “по жизни”). Сифр понял, что в силу личной “подземно-медицинской усталости” никогда не сможет уйти под землю на сопоставимый срок — и протрубил во всех доступных масс-медиа, что *сама идея длительных пребываний – ошибочна*. Такой вот “финт”, продиктованный, как мне кажется, исключительно внутренними психологическими причинами. [Причём такими банальными, как простое неумение сварить самостоятельно макароны или поджарить на завтрак яичницу.] Но никак не объективными обстоятельствами.

*Поверьте, в моей современной критике экспериментов и этой позиции М. Сифра нет и тени от мании “ниспровержения былых кумиров”, которой страдают иные,— дело в другом. Что Сифр был одним из значительных в замечательной плеяде французских спелеологов,— факт, и оный я готов “с пеной у рта” по-прежнему отстаивать при любых обстоятельствах нашей жизни, как отстаивал его раньше; что это действительно талантливейший и “более, чем одарённый” с юности Подлинный Спелеолог и Экспериментатор — тоже.³⁰ Как и весьма примечательный факт, что его, как любого истинного спелеолога, тянул в Мир Подземли не меркантильно-практический или исключительно научный ‘антирес’ (пусть декларированный внешне для тупорылых журналистов, ибо иного языка они не понимают — но с ними приходится общаться),— каждому, кто читал его прекрасные книги, ясно: **он был влеком Зовом Подземли**. Пусть личное Пребывание в ней в силу ряда обстоятельств давалось ему весьма “не малой кровью”. Но подумайте: задуманные им исследования подземного ледника можно было проводить наскоками, в лучших традициях однодневной спортивной спелеологии,— приезжать-спускаться ради текущих исследований раз в неделю,— при этом и народу требовалось гораздо меньше, и дешевле было бы во всех отношениях, а уж что до пресловутого комфорта бытия... “Выбурил пару кернов, отмерил рулеткой подвижку — и тем же вечером тёплая ванна по месту жительства: шарман, ля...” Безусловно и то, что первое в истории пребывание “вне времени” можно было провести в пещере, гораздо более для этого подходящей. Но нет — загорелся идеей, почувствовав Зов, с которым бороться — что плевать против ветра,— совместил несовместимое...*

И закодировал себя навсегда если не на страх, то судорожное неприятие Подземного Одиночества, к которому рвался всей душой.³¹ “Как начнёшь — так продолжится”, — старая истина.

³⁰ По признанию не только зарубежных физиологов, но даже наших “бойцов невиданного афронта в белых халатах”, «десятилетний цикл сифровских биоритмических экспериментов дал Франции такой отрыв от мировой биоритмической физиологии, что его не сократить никогда» [из предисловия проф. Гвоздецкого к книге М. Сифра; той же точки зрения придерживались врачи, с которыми я работал в Первом Мединституте, и специалисты спортивной биоритмологии в МОГИФКе].

³¹ «Один в глубинах Земли», Мишель Сифр, “Мир”, Москва, 1966 г.

: Этот мучительный разрыв, в основе которого банальная кода, предопределил существенную долю в его отношениях с Миром Подземли. Без неё – невозможно; в ней обступают судорожные страхи прошлого. И элементарный бытовой кошмар личной неадаптивности к подземному бытию, – не качеством холофаберно-синтипоновых спальников измеряющийся, но простым умением готовить и мыть за собой посуду.

Конечно, в такой ситуации самое разумное было — тихо отойти в сторону, уступив дорогу “молодым и буйным”, что со всех сторон рвались к тому же — в Югославии Милутин Велкович, в Италии Маурицио Монтальбини, — поддержи их основанным ради декларированных целей ФИСом, выступлениями в прессе; стань уважаемым посредником между новыми спелеонавтическими дилетантами и медиками-профессионалами из НАСА (аналогичным путём, если присмотреться, шествуют по жизни многие учёные и исследователи, и это Путь), — НО НЕТ.

: Сдаться – не позорно. Коль нет сил на борьбу, на сопротивление, — о чём говорить?

Тем более, что пребывание в Мире Подземли — никогда не борьба. И это важнейшее, что не понял Мишель Сифр при всём своём подвижничестве. К моему полному и искреннему сожалению. Наверное, виной тому — западная школа тогдашней спелеологии (о российской в те годы говорить просто нет смысла — кстати, как обычно, “наши переняли у ‘гнилого Запада’ худшее” и усилиями Илюхина/Дублянского монстр совдеповской спелеологии семидесятых/восемидесятых явился калькой с погубившей пребывания Сифра западной спелеотётки пятидесятых/шестидесятых годов).

— Ну да ладно. Сдался в плен Усталости, коль принял Единение с Подземлёй за борьбу и ожесточённое сопротивление, — сдался и молчи. **Это не предательство.** Как не предательство Идеи — смена научных пристрастий или интересов по мере получения новой информации или просто — взросления, —

: **Предательство** — когда испытал личный афронт, был пленён, бит, рабирован собственной слабостью — и начинаешь поливать не чистой водой то, к чему призывал раньше.

Повторюсь: коль не профукал из личной слабости или профнепригодности то, чем занимался прежде — но пришёл к перемене точки зрения осознано, до глубины разобравшись в предмете прежних устремлений, — **ЭТО НЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.**

: Спелеонавт и спелестолог “от Бога” Саша Морозов в последние пятнадцать лет своей жизни не ступал в подмосковные каменоломни, занимаясь любимой вертикальной Пещерой. Никакого предательства спелестологии в том не было, — хотя бы потому, что он, как мог, помогал нам.

Многие мои друзья, сполна вкусив “вертикальной спелеологии”, сделали свой жизненный выбор в пользу спелестологии, — как, например, Миша Сохин. Но ни ему, ни мне, испытавшему аналогичный “эволюционный зигзаг”, в голову не приходит обвинять спелеологию в некой “принципиальной бесперспективности”. Мы выбрали свою форму общения с Миром Подземли; верти-

кальные спелеоспортсмены – другую. [Если в моих строках и сквозит порой “излишняя сварливость” в отношении апологетов вертикальной спелеологии — касается она лишь конкретных лиц, в своё время объявивших эту самую вертикальную спелеологию Главным и Единственно Возможным вариантом нашего общения с Подземлёй.] При этом изрядная часть спелестологов, составляющих Никитский Круг, достигла “весьма сияющих” спелеоглубин – и время от времени устремляется в новые глубинные спелеоходжи.

: Эти люди состоялись и как спелестологи, и как вертикальные спелеоспортсмены.

— В данный момент круг моих подземных интересов от спелеонавтики сместился в сторону теоретической спелестологии < новые медицинские технологии и возникающие проблемы требуют адекватного подхода, и самое разумное – уступить своё место под чёрным подземным солнцем тем, кто приходит на смену в полном всеоружии этих технологий, влекомый современными вопросами и проблемами >, — но смена пристрастий не вызывает “нелюбови” к былым увлечениям, какими бы дилетантскими они мне самому теперь ни казались.

Свидетельством чему – эти строки.

... После заявлений Сифра о бесперспективности спелеонавтики всё, что у меня было связано с его именем, остановилось на отметке “1972”. Если бы он “просто отошёл от дел”, мне не пришлось бы писать эти сварливые строки.

: Если бы он ограничился личным уходом. И не наделал в кораблике спелеонавтики пробоин. Под девизом “раз ни мне – то никому”.

: *С уходом Сифра из спелеонавтики, сопровождаемым столь предательскими ‘зловлияниями’, интерес к ней на Западе снизился на порядок даже в научно-спелеологической среде.*

О прессе и так называемом “общественном мнении” и говорить нечего. Причём, как обычно, аукнулось это и в нашей стране – да не с французским, а с подлинно русским размахом: к биоритмологии у нас и так отношение было, как “почти к лженауке”, – но хоть чего-то делать было можно. Достаточно соблюсти нехитрые правила совковой научной игры – сместить акцент в названии предназначенной для публикации статьи или заявленной теме исследования, не допускать употребления имён Чижевского и известных западных биоритмологов — и делай что хочешь. Хоть в пещере, хоть на северном полюсе —

: После растиражированных (не без злобного ликования) совдеповской прессой откровений Сифра говорить о какой бы то ни было научной ценности экспериментальной спелеонавтики стало немыслимо.

По сути, мне ещё несказанно повезло, что МОГИФК решился в 1982 году обратиться к теме подземных физиологических исследований; повезло так же, что когда из Люберецкого обкома партии в институт пришла “телега” (получившая старт в Московской спелеокомиссии), потребовавшая “принципиальной партийной оценки антинаучным исследованиям”, жопа у меня и моего научного руководителя, профессора Л. Н. Жданова, “не сильно заболела”.

Я всего лишь вылетел с работы, – какой пустяк! В отличие от тридца-

тых/сороковых годов летел даже не до Сибири.

Понятно, что мье Сифр ничего не знал о своих российских коллегах-последователях, и к “телеге”, запущенной через обком из Московской спелеокомиссии, имел не большее отношение, чем к жизни на Марсе,— но для писавших “телегу” борцов со спелеонавтикой его мнение было решающим. На него ссылались, как на истину в последней инстанции.

“Спасибо” тут говорить не за что.

— Но не следует думать, что только Сифр занимался спелеонавтическими экспериментами, или что ему принадлежат наиболее длительные подземные пребывания: как уже говорилось, он был не один, и достаточно большое число экспериментальных пребываний, в том числе одиночных, было проведено не только вне его участия (и по иным методикам), но и *после* его отказа от спелеонавтической деятельности (в частности, три одиночных пребывания под эгидой НАСА в 1987, 1988 и 1989 г.г. общей длительностью в 440 суток),— так что “кому было *очень надо*”, исследования продолжал. Несмотря на спад “общественного интереса” к данным методикам, вызванным официальными заявлениями Сифра. В целом с 1962 по 2002 год общая длительность *одиночных подземных пребываний* составила 2861 день,— *вдумайтесь в эту цифру!*...³²

Чтобы не быть голословным, приведу сводные таблицы спелеонавтических пребываний, составленные на основе данных К. А. Горбуновой из доклада «Пещеры и космос», зачитанном на Кунгурской спелеоконференции в 1989 году, и продолженные мной пребываниями группы “Снежная” и Никитского Круга до 2005 года и информацией, полученной от К. Б. Серафимова. Выделенное курсивом – *сдвоенные* пребывания (одновременное пребывание двух человек, либо групп спелеонавтов, в различных Системах); полужирным шрифтом набраны безусловно высшие “достижения жанра”. Через запятую – численность спелеонавтов в групповом пребывании при её изменении к концу пребывания.

1. Современные одиночные пребывания под землёй:

год пребывания	продолжительность (сутки)	фамилия и имя спелеонавта	принадлежность спелеонавта
1962	63	Сифр Мишель	Франция, ФИС
1962	64	Пенмен Роберт	Англия
1963	80	Вильямс Дороти	Австралия
1963	105	Уикмен Джофф	Англия ³³

³² Суммирование касается только тех пребываний, точные сроки которых мне безусловно известны; на деле она гораздо больше.

³³ Уикмен находился на нижнем этаже Стэмп Кросс Кэвернс [графство Йоркшир]. Всего в пещере три уровня; верхний оборудован для посещения экскурсантов. Конечно, во время Пребывания Уикмена, как и некоторое время

1964	89	Лорес Жозиана	Франция, НАСА
1964/65	125	Сенни Антуан	Франция, НАСА
1965	14	Беркеши Ласло	Венгрия ³⁴
1965	21	Мигель Метакс	Испания
1965	22	Бисенко Жерар	Франция
1965	109	Фийс Поль	Франция, ФИС
1966	110	Гийо Анри	Франция, ФИС
1966	128	Лафферти Дэвид	Англия, НАСА ³⁵
1966	182	Мерите Жан-Пьер	Франция, НАСА
1968/69	146	Шабер Жак	Франция, НАСА ³⁶
1968/69	146	Энгландер Филипп	Франция, НАСА

после, поток посетителей был существенно выше обычного – что позволило владельцам пещеры не только окупить расходы на пребывание, но и выплатить спелеонавту соответствующее подвигу вознаграждение. Думаю, это было первое “хозрасчётное” спелеонавтическое пребывание. Причём Уикмен не сидел без дела: пытаясь найти продолжение пещеры дальше, он существенно увеличил длину нижнего уровня пещеры – по сути, переведя его в соответствующую группу ПАС.

³⁴ Беркеши проводил наблюдения за колебанием уровня подземного озера в пещере Матьяшехедь; попутно снималась основная физиологическая параметрия – АД, КГР, температура тела и прочее.

³⁵ В книге В. Н. Дублянского «Занимательная спелеология» опубликована похожая таблица без ссылки на первоисточник, данные которой несколько расходятся с имеющейся в моём распоряжении информацией – в частности, по данному пребыванию. Сопутствующие комментарии светила официальной спелеологии также не вполне совпадают с тем, что люди привыкли называть “правдой жизни”. Очевидно, В. Н. Дублянский черпал сведения об этом пребывании из газетного источника, близкого к жёлтой прессе. В котором много чего сообщалось из доступного пониманию обывателя (сколько сжёг свечей, сколько выпил воды и съел продуктов) – кроме одного: *данное пребывание проходило под эгидой НАСА и имело своей целью изучение психологических особенностей длительного одиночного пребывания человека в “космической изоляции” от социума; на 1966 год такой срок был рекордным – потому-то Дэвид Лэфферти и получил приз в 650 фунтов стерлингов (~5.000 \$ по тогдашнему курсу) от “рекламного спонсора” (как теперь принято говорить) Пребывания.* Искренне надеюсь, что “старик Дублянский” действительно не заметил эгиды НАСА в этом пребывании – а не передёрнул, по обыкновению, факты. Кстати, о “подземной рекордомании”: в том же году рекорд Лафферти был “побит” Мерите; через четыре года абсолютным и окончательным рекордсменом стал Милутин Велкович.

³⁶ Жак Шабер из пяти месяцев пребывания под землёй три провёл при постоянно горевшей лампе в 500 Вт.

1969	130	[?] ³⁷	Англия
1969	30	Бробекер Элен	Франция, НАСА
1969/1970	463	Велкович Милу-тин	Югославия
1972	205	Сифр Мишель	Франция, НАСА
1972, 1974	2 X 15	А. Колесников	Украина ³⁸
1973	109	Andre Foјsa	Франция
1975	122	Шамеруа Эммануэла	Франция ³⁹
1977	100	Милутин Велкович	Югославия
1977	29	Чижмарь Юрий	Россия
1980	13	Николай Франц	АСА “Лабиринт” ⁴⁰
1981	4, 15, 7, 10	Мишин Александр	теневая спелеология ⁴¹
1982	16	Сом Сергей	Никитский Круг, МОГИФК
1984	1	Надежда Ставровская	Никтский Круг ⁴²
1985	18	Сом Сергей	Никитский Круг

³⁷ Некий английский безработный, имя которого осталось неизвестным.

³⁸ Пребывания осуществлялись в пещерах бассейна р. Пинега при отрицательной температуре и имели своей целью проведение микробиологических исследований.

³⁹ *Четыре месяца одиночного пребывания под землёй* — срок более, чем уважительный. Особенно для женщины. И уж тем более – **после** скандальных заявлений М. Сифра.

⁴⁰ Пребывание было осуществлено в пещере К-4 (Водная) Архангельской обл. при температуре 0 °С.

⁴¹ Вообще в период с 1981 по 1986 год Гном провёл большое количество спелеомедицинских и спелеонавтических одиночных и групповых пребываний, посвящённых изучению обмена веществ при разном рационе питания, стрессовому прессингу, санитарии и гигиене в условиях Подземли. К сожалению, в результате утраты части архива Саши точных сведений о многих из них я не имею – а потому не могу включить в таблицу.

⁴² Надя провела 24 часа в гроте Сумасшедший Барабанщик в Никитах – в темноте, при непрерывной какофонии падающей на металлические коробки и банки капли, – на то время такое Пребывание не имело аналогов. Вообще каждое пребывание под землёй, вне зависимости от своей длительности, изолированности, научной значимости и количества участников является уникальным и не похожим на другие.

1985	1, 3, 1, 3	Ростиславов Иван	Никитский Круг ⁴³
1986	3	Ольга Маленькая	Никитский Круг ⁴⁴
1986	30	Пудовкин Нико- лай	независимый исследователь, Силикаты
1987	212	Монтальбини Маурицио	Италия, НАСА
1988	100	Ле-Гуэн Вероника	Франция, НАСА
1989	130	Феллини Стефа- ния	Италия, НАСА ⁴⁵
1989	7	Кирин Юра	Никитский Круг ⁴⁶
1990	366	Монтальбини Маурицио	Италия, НАСА
1991	91	Сом Сергей	Никитский Круг

⁴³ Эти незначительные (по сроку) пребывания были осуществлены в небольших пещерах Подольского района и в Системе Ватутинки *в абсолютной темноте* при непрерывном параметрическом тестировании. Организовали эти опыты Саша Мишин [Гном] и физиологи ИММИ [Кафедра Нормальной физиологии, лаборатория проф. Урываева].

⁴⁴ Ольга провела трое суток в том же Сумасшедшем Барабанщике в Никитах – но в отличие от Надежды Ставровской, со светом.

⁴⁵ Эксперимент проводился Итальянским спелеологическим обществом совместно с НАСА в американском штате Нью-Мексико [руководитель эксперимента Маурицио Монтальбини] с целью получения необходимых данных для подготовки экспедиции на Марс. Первоначально был задуман, как полугодовой, но был прерван из-за остановки регул Стефании Феллини — за четыре месяца пребывания они наступили у неё только два раза; при этом продолжительность “внутренних суток” Стефании составляла 35 часов. Это пребывание показало, что не только циркадные ритмы нашего организма – даже регулы обнаруживают чёткую биоритмическую зависимость от солнечной радиации. [“New Scientist”, June 1989] Аналогичные данные были получены в ходе четырёхмесячного пребывания Э. Шамерау в 1975 году, стодневного подземного пребывания Вероники Ле-Гуэн (1988 г.) и при более коротком пребывании Жози Лорес (89 суток, 1964 г.). При сроке пребывания не более 1,5 месяцев менструальный цикл у женщины не сдвигается (Пребывание Бробекер Элен – 1969 год, 28 дней и пребывания, организованные Никитским Кругом в 1999 ÷ 2001 г.г.).

⁴⁶ “Одиночная неделя” завершила 23-суточное совместное пребывание в Сьянах Юры и автора этих строк, так что общий стаж подземного пребывания Юры без выхода а поверхность составил 30 дней.

1992/1993	366	Монтальбини Маурицио	Италия, НАСА ⁴⁷
1993	35	Сом Сергей	Никитский Круг ⁴⁸
1995	28	Сом Сергей	Никитский Круг ⁴⁹
1995	90	Эмилия Катева	Болгария
1997	2 X 16	Сом Сергей	Никитский Круг ⁵⁰
2001	1	Саша Иммис	Никитский Круг ⁵¹
<i>start 13/10/2006</i>	<i>1.000</i>	<i>Монтальбини Маурицио</i>	<i>Италия</i>

2. Некоторые групповые пребывания под землёй:

год пребывания	продолжительность (сутки)	количество участни- ков (мужчины/ женщины)	принадлежность спелеонавтов
1938	35	2/0	США ⁵²

⁴⁷ Во время этого пребывания, проведённого по методикам М. Сифра (т.е. “вне времени”) Монтальбини казалось, что он провёл под землёй всего 219 суток. Когда я пишу эти строки, Маурицио Монтальбини вновь находится под землёй – на трёхлетнем (!!!) полностью изолированном пребывании в пещере Грота Фиедда.

⁴⁸ Целью пребывания было изучение уринотерапии в качестве средства выживания под землёй в экстремальной ситуации; из пяти недель пребывания три недели я не принимал никаких продуктов – при этом моё самочувствие по основным физиологическим параметрам оставалось в норме. Думаю, нет никакого смысла специально описывать самодостаточную ценность этого опыта.

⁴⁹ Всего я провёл в этом пребывании под землёй 58 дней – после четырёх недель одиночного пребывания ко мне присоединились Дэн и Склизский Змей; Пребывание стало групповым.

⁵⁰ Целью этих пребываний (вкуче с несколькими менее длительными, в том числе групповыми) была проверка ряда эниологических теорий и методик.

⁵¹ Саша провёл 24 часа без света в гроте Сумасшедший Барабанщик в Никитах – ради подтверждения того простого факта, что “мужчина может повторить всё, что сделала женщина — кроме рождения детей”. И такая мотивация бывает у спелеонавтических пребываний...

⁵² Считается, что это первое осознанное спелеонавтическое пребывание с научными целями. Осуществлено в Мамонтовой пещере Nataniel Claitman, Brus Richardson.

1961	30	10/0	Италия ⁵³
1965	22	3/0	Франция, ФИС ⁵⁴
1966	15	0/7	Франция, НАСА ⁵⁵
1967	30	8/0	Венгрия
1967	30	2/0	Венесуэла, НАСА
1968	6	3/0	Франция, НАСА
1969	20	3/0	ФИС, НАСА ⁵⁶
1971	30	4/0	Болгария
1971	2	15/0	Украина ⁵⁷

⁵³ Официально данное пребывание считается *первым групповым* (я описал его выше), – по сути, это не вполне соответствует истине: *спелеонавтические пребывания в истории нашей цивилизации – как одиночные, так групповые – столь же привычное дело, как изучение естественных пещер и создание рукотворных. Ведь и пещерных троглодитов можно уподобить “бессознательным спелеонавтам”, – что же тогда говорить о жителях пещерных городов, медитирующих в пещерах религиозных отшельниках, – жителях, прячущихся в объектах ГО, ГВ и ПАС в лихую годину?..* Поскольку подземное пребывание “по определению” не обязано являться строго медицинским — ...

⁵⁴ Это пребывание было осуществлено М. Сифром синхронно с пребыванием Ж. Бисенко в соседней полости; причём Бисенко (пропасть Оливье, лагерь на отметке –65 м) пользовался часами, – Ги, Валант и Мулейр (пропасть Виньерон, –80 м) одновременно пребывали “вне времени”. Со всех четырёх участников эксперимента на поверхность, в лагерь ГО (Группа Обеспечения) постоянно поступала информация о сне и бодрствовании спелеонавтов и результаты проводимого тестирования. Думаю, что уникальность и научную значимость подобного пребывания объяснять Читателю не надо. Естественно, в книге Дублянского данные об этом пребывании отсутствуют; упоминается лишь Бисенко с искажением фамилии и срока пребывания (естественно, в меньшую сторону).

⁵⁵ Семь незнакомых до того женщин в возрасте 21 ÷ 36 лет были отобраны по “случайным критериям выборки”. Тем не менее, за время двухнедельного пребывания они познакомились, подружились, сочинили песню о своём “как бы космическом полёте” (проходившем под эгидой НАСА без какого-либо участия М. Сифра) и украсили стены пещеры карикатурами на мужчин-руководителей эксперимента. Что важно: даже во время проведения весьма нервизирующих и длительных психофизических тестов женщины, к удивлению организаторов пребывания, ни разу не поссорились. Данный эффект консолидации в экстремальной обстановке хорошо знаком мне не только по собственным пребываниям; как “проверенный в бою”, он лёг в основу сюжета «Сказки для Робинзонов».

⁵⁶ Gerard Kapa, Jack Shaber, Philip Eglender.

⁵⁷ У Дублянского во втором столбце стоит цифра “2”, – вот “продолжительное пребывание”-то!.. Да ещё – 15 мужиков... Тогда и каждый трёхдневный поход под землю – Пребывание. *Кстати, не могу не отметить: все*

1971	6	16/0	Украина
1972	16	6/0	Украина
1973	7	2/1	Франция ⁵⁸
1977	30	3/0	Группа “Снежная” – руководитель Са- ша Морозов ⁵⁹
1978	30	2/0	Украина
1978	14	5/0	Украина
1978	62	2/0	Болгария
1979	24	7/0	Украина
1979	16	9/0, 4/0	Никиты
1979/1980	75	3/0	Группа “Снежная” – руководитель Са- ша Морозов
1980	30	7/5	Россия

групповые пребывания по своей длительности почему-то гораздо короче одиночно-изолированных. Для меня, как и для моих подземных партнёров, это является очень большой загадкой; как полагается в Никитском Кругу на основе нашего опыта пребывания, групповое принципиально легче одиночного. И тем не менее...

⁵⁸ Несмотря на видимую краткость, это пребывание не имеет аналогов в истории спелеологии: *войдя в ледовую пещеру в теле ледника Аржантьер, гляциологи Сюзанна Пеги и Клод Понсон совместно с горноспасателем Марсиалем Бераром неделю дрейфовали вместе с движущимся льдом; при этом площадка для палатки непрерывно деформировалась, лёд лопался с оглушительным треском, в палатку прорывалась вода — тем не менее, они доказали своим недельным пребыванием, что ужасы посещения и исследований ледовых пещер (или гляциополостей) “несколько преувеличены”.* < В том, что традиционный страх спелеологов перед ледовыми полостями является “более, чем избыточным”, я убедился на основе собственного опыта исследования пещер ледников Ирек и Шхельда (Приэльбрусье) в 1979 и 1980 гг. > Кстати, во время своего путешествия Пеги, Понсон и Берар исследовали не только окружающий лёд, но и состояние своей физиологии по таким основным параметрам, как пульс, АД и температура тела.

⁵⁹ Начиная с 1977 года все ежегодные экспедиции Саши Морозова в Снежную были не короче 15 дней – но поскольку точного хронометража каждой из них я не имею, то включить в таблицу не могу. По аналогичным причинам в таблицу не входят многочисленные современные прохождения пропастей глубиной более километра – как правило, эти прохождения превосходят своей длительностью неделю (а иногда превышают две) — но точными данными о них я не располагаю.

1981/1982	91	3/0	группа “Снежная”
1982/1983	70	4/0	Россия, УДН ⁶⁰
1984	16	2/0	Никитский Круг
1985	34	2/0	Италия
1985	7	1/1	теневая спелеология ⁶¹
1985/1986	108	2/0, 3/1, 2/0	Никитский Круг ⁶²

⁶⁰ Согласно В. Н. Дублянскому [«Занимательная спелеология»], Пребывание было осуществлено сотрудниками кафедры нормальной физиологии медицинского отделения УДН (Университет Дружбы народов на Юго-Западе Москвы) под руководством профессора Н. Агаджаняна и имело целью, главным образом, проверить параметрические данные, полученные в предидущем рекордном пребывании Саши Морозова. Врач В. Ещенко участвовал во всех трёх длительных экспедициях в Снежную; об участии Морозова в третьей “снежной отсидке” я достоверной информации не имею – проверить можно по Интернету у Д. А. Усикова, тогдашнего сашиного партнёра по всем экспедициям в Снежную. *Сообщение об этой экспедиции с приведённой мной длительностью и датами взято из книги Дублянского; возможно, что на самом деле эта экспедиция была проведена в 1979/1980 гг. и длительность её составляла 75 дней — в этом случае получается, что проф. Дублянский, как всегда, облажался. По крайней мере Т. Немченко (хроникёр исследований Снежной) об этом Пребывании не сообщает ничего [Т. А. Немченко, «История исследования Снежной», “Свет”, № 1-2 (7-8), 1993 г.] — в то время как говорит о Пребывании 1979/1980 гг. Кстати, Немченко, лично принимавшая участие в подготовке и проведении почти всех экспедиций группы “Снежная”, о “руководящей роли” УДН в их организации также не сообщает ни слова. В отличие от проф. Дублянского, который “и близко свечи не держал” — но вещает, без ссылок на источники, об этой экспедиции.*

⁶¹ Александр Мишин, Евгения Романюк – пещера Понеретка [Новгородская область]. Цель Пребывания – прохождение подземной реки при одновременном проведении комплекса физиологических исследований работы организма в стрессовой и дистрессовой обстановке.

⁶² Оборванное “незванными спасателями” никитское Бессрочное Пребывание Зелёного Змея и Моки; на втором месяце их сопровождали Мамонт и Алина. Несмотря на то, что по длительности их Пребывание безусловно превосходит рекорд группы Морозова в Снежной – несопоставимы условия сложности проведения: нашим было на порядок легче потому, что они не находились на дне вертикальной пещеры на глубине одного километра и имели контакты с добровольцами ГО, – так что первенство, естественно, за абсолютно изолированным пребыванием Морозова.

1986	15	1/1	тенивая спелеология ⁶³
1987	48	11/3	Италия, НАСА ⁶⁴
1989	23	2/0	Никитский Круг ⁶⁵
1991	30	2/0	Никитский Круг ⁶⁶
1995	30	3/0, 2/0	Никитский Круг
1997	15	1/1	Никитский Круг
1999	16	3/1, 4/0, 2/1	Никитский Круг
2001	28	2/1	Никитский Круг ⁶⁷

⁶³ Александр Мишин, Евгения Романюк – пещера Понеретка. Продолжение исследований 1985 года, сбор параметрической физиологической информации о работе организма в условиях стресса и дистресса, изучение энергетической устойчивости в условиях длительного дискомфорта и переохлаждения, испытание энергетических и мультивитаминных рационов питания.

⁶⁴ Данный эксперимент был организован замечательным итальянским спелеонавтом Маурицио Монтальбини с целью “реальной проверки на выживаемость в экстремальной ситуации” случайно взятой группы мужчин и женщин и проводился в противоатомном бункере на глубине около 100 метров – о чём в своё время был даже снят довольно достоверный художественный фильм. Подопытные Маурицио получили *более, чем неожиданную для них* “вводную”, что вскоре после начала Пребывания на поверхности развязывается III мировая война – причём им транслировались заранее смонтированные имитации телепередач и радиосообщений, как и камер наружного наблюдения – перед которыми студенты миланского киноинститута разыгрывали паникующие, ломящиеся в бункер, толпы. < Как сказал один мой коллега и партнёр по пребываниям, “за такие эксперименты нужно морду бить”, – ну, не знаю... > Вообще Монтальбини – личность, в Италии не менее популярная в восьмидесятые, чем Сифр в шестидесятые годы во Франции; во время своего 212-дневного одиночного Пребывания (посвящённого пятнадцатилетней годовщине последнего эксперимента Сифра, после которого “отец-основатель Жанра” объявил о “бесперспективности спелеонавтики”) он, например, выучил французский и английский языки и написал несколько книг, в том числе детские сказки и спелеоюмористический сборник (к сожалению, не располагая даже итальянской версией), – немедленно по выходу из эксперимента он начал готовить описанное выше Пребывание и в том же году успешно реализовал его. Кстати, фамилия Монтальбини вполне “спелеонавтическая” – ибо переводится, как Белогорский.

⁶⁵ В Системе Съяны – автор этих строк и Юра Кирич. Как уже сообщалось, после 23-дневного Пребывания я вышел на поверхность (кончался мой отпуск); Юра остался под землёй ещё на неделю и вышел наверх после 30-суточного подземного пребывания.

⁶⁶ В Системе Бяки – Женя Богданов (Кис) и Игорь Белов (Шпиль).

⁶⁷ Четыре последних пребывания проводились в Системе Никитская; пребывание 1995 года было комбинированным – после 28 суток одиночного

2003	20	1/1	Никитский Круг ⁶⁸
2004	16	3/0, 2/0	Никитский Круг, клуб “Чужая Земля” ⁶⁹

: Как видно, наиболее продолжительное одиночное пребывание под землёй (из завершённых) осуществил в 1969/70 г.г. югославский спелеонавт Милутин Велкович, проведя в *запечатанной с поверхности* пещере Самар в “компании” щенка, кошки, кур и уток **463 дня**. Я уже писал: *есть мнение, что именно его пребывание “нокаутировало” спелеонавтическую программу М. Сифра*. Вообще об этом истинно беспримерном пребывании я мог бы рассказывать очень долго – мной выполнен литературный перевод на русский язык книги Велковича «463 дня под землёй» (сделанный, к сожалению, с английского “машинного подстрочника с сербского” – а потому, согласно мнению Саши Никольского, он не вполне точен и до получения сербской версии выход его в Интернет “придётся придержать”). Тем не менее

пребывания под землёй ко мне присоединились Склизкий Змей и Дэн; через две недели Дэн вышел на поверхность, честно высказав мнение, что более длительное подземное пребывание не для него (это был первый такой случай в моей практике). Мы со Склизким занимались довольно напряжёнными исследованиями системы УХА и попытками свести ай-ки-до и кетч; помимо этого я продолжал биоритмическое тестирование, начатое за месяц до того. Пребывание 1997 года (Склизкий и моя будущая жена Ольга, ник – Олич) было “чисто спелестологическим”, вне какой-либо медицинской программы (если не считать персональных наблюдений Ольги за своей физиологией); Пребывание 1999 года было посвящено попыткам пробиться из Никит в Ебазар под землёй и топосъёмке. В 2001 году исследовалась весенняя гидрогеология никитской системы Мартингал и был пробит снизу вверх 18-метровый вертикальный шурф в чёрной глине, вышедший в естественную пещеру гравитационного происхождения на разделе юрской и четвертичных глин – своего рода спелестологический рекорд, повторять который я никому не советую.

⁶⁸ Пребывание планировалось, как месячное, посвящённое паводковым гидрогеологическим исследованиям в системе Мартингал – но меня с моей женой Ольгой “срочно” выдернули на работу. Увы: человек предполагает, Господь смеётся.

⁶⁹ За две “подземных недели” Саша Дегтярёв [клуб “Чужая Земля”] и Володя Алхимик [Никитский Круг] спустились в вертикальную пещеру Снежная на глубину –900 м. В данном деянии поражает и рекордная малочисленность команды, и то, что никакого спелеовертикального опыта (то есть предварительного прохождения категорийных вертикальных пещер) ни у Володи, ни у Саши не было. Ибо оба они – спелестологи. Характерно, что сопровождавший их поначалу третий участник погружения, обладавший реальным спелеовертикальным опытом, отказался от дальнейшего прохождения пещеры на глубине около 300 м — и вернулся на поверхность.

надеюсь, что Событие это неизбежно состоится и русские спелестологи и спелеологи узнают правду о самом замечательном пребывании за всю историю спелеонавтики. Дабы не предварять готовящуюся публикацию, в своём повествовании я остановлюсь на иных подземных экспериментаторах и их пребываниях.

– Безусловно, мотивация каждого при выборе пребывания была иной, чем у других, – как разнились характеры этих людей, их образовательные уровни, пристрастия и вкусы. Кто-то шёл под землю откровенно ради рекорда (английский спелеолог Роберт Пенмен, “назло Сифру” решивший “пересидеть его на один день”); кто-то уходил в пещеры ради науки, ради замечательно торжественного Подземного Одиночества, ради отрыва от “верхнего мира”, – по сути, сколько было спелеонавтов, столько было мотиваций. < Немаловажный факт: занятие исключительно “медицинской наукой” в этом списке не доминирует. > Конечно, кто-то уходил ради денег⁷⁰ – но ведь их можно заработать иными путями; выбирали *этом*. И как бы то ни было, все честно делали свою Подземную работу. Опережая сюжет повествования, скажу: единственное, что объединяло западных спелеонавтов – за явным исключением русского по происхождению Ж. Бисенко, занимавшегося в “своей пещере” примерно тем же самым, чем мы занимаемся в своих – *это традиционное отношение к Пещере, как к спортивному противнику, коего нужно победить или претерпеть, – или как к Работе: что делалась по-западному основательно и без осечек*. < Кроме одного, достаточно истеричного исключения: самого отца-основателя М. Сифра. > Кто-то слушал под землёй музыку, кто-то читал, шил, писал, рисовал, резал по камню, учился, – способы “коротания времени эксперимента” были у каждого свои. Одним подземное одиночество давалось с лёгкостью (Мерите, Монтальбини); другим было тяжелее. Но всех объединяло одно:

: НИКТО ИЗ НИХ НЕ ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ПОД ЗЕМЛЁЙ, КАК ДОМА. Все с нетерпением считали оставшиеся до выхода из эксперимента дни – даже самые любящие (как им казалось) Мир Подземли, и даже в том случае, когда жили в пещере “вне времени” — пытаюсь подсчитать реальное время своего пребывания всеми возможными способами. Кстати, в экспериментах с женщинами М. Сифр выяснил одну замечательную вещь: *в силу свойственного женщинам сомнения в правильности своего менструального цикла и постоянных опасений, не нарушился-ли он, данный цикл служить невольным отсчётом при продолжительном пребывании никак не может*.

В сноске я достаточно поведал о выдающемся итальянском спелеонавте Маурицио Монтальбини, наперекор мнению Сифра решившим возобновить спелеонавтические пребывания на Западе и предложившим ряд принципиально новых спелеонавтических методик; прежде чем перейти к его русским колле-

⁷⁰ Как, например, английский безработный, выдержавший в пещере 130 суток — срок столь невообразимый для обывателя (впрочем, для “вертикального спелеоспортсмена” — тоже), что, право, искренне жаль о неизвестности его имени.

гам (из которых наиболее выдающимися считаю Сашу Морозова и Сашу Мишина), скажу, что к спелеонавтическим можно отнести годовое пребывание в 1969 году в сурдокамере ИМБП “Биотрон” врача Г. А. Мановцева, биолога А. Н. Блажко и техника Б. Н. Улыбышева, а также глобальный американский эксперимент “ЭКОСФЕРА”, проведённый в 1993 ÷ 1994 гг.⁷¹

Безусловно спелеонавтическим – хотя и невольным во всех отношениях – получилось изолированное шестилетнее пребывание героев фильма «Блокгауз» [<http://kinozal.tv/details.php?id=236140>], – ибо в основе фильма лежит реальная трагическая история; столь же невольно-спелеонавтическими были подземные заточения наших бойцов в Аджимушкских каменоломнях⁷², бойцов диверсионного отряда НКВД в Одесских⁷³, – а также часового, замурованного на 9 лет под землёй на интендантском складе Брестской крепости (1915 ÷ 1924 гг.).⁷⁴

— Вообще спелеонавтике, по-видимому, не меньше лет, чем самой спелеологии: ещё древние практики шаманизма, дошедшие до нас из времён мезолита, полагали обязательным одиночное пребывание будущего шамана под землёй в течение лунного месяца. Как я уже писал, в современной йоге, ламаизме и буддизме до сих пор практикуются подобные “самозаточения”. На острове Пасхи девушек на четыре месяца замуровывают в пещеру, дабы к обряду дефлорации они имели бледную, “чистую” кожу, – специально назначенные жрецами женщины в течение этого срока передают им через небольшое отверстие еду и воду. Известны многочисленные “сидения за веру” в пещерах христианских отшельников первой половины прошлого тысячелетия; как отдельные представители философско-религиозного племени пожизненных болтунов могли дотрендиться до того, что однозначно соотнесли пещеры с силами зла и ада – для меня лично, как верующего, Очень Большая Загадка. *Ведь по сути, христианство в первые века своего существования было истинно катакомбной религией!..*

: Наверно, ни один из этих трендил ни разу в жизни не был в пещере, не чувствовал её звонко-торжественной Тишины и Спокойствия, в котором лишь и уместен разговор с Богом – напрямую, без ненужных посредников. (Впрочем, может потому и твердят о “подземных силах зла” – в опасении, что без их дилерских услуг могут обойтись массы верующих, – что тогда кушать?..)

Я мог бы долго и нудно перечислять не только христианские подземные храмы (в одной Каппадокии их было создано несколько десятков!) и подземные храмы иных религий (буддийские исчисляются *тысячами*), – мог несколько страниц повествовать об одном из первых русских подвижников “подземной умной молитвы” св. Антонии Печерском, создавшим под Черниговым подземный монастырь и *прожившим под землёй около 40 лет*, – причём не

⁷¹ То, что он окончился неудачей, нисколько не умаляет его научной и социальной ценности.

⁷² “В катакомбах Аджимушкая”, “Крым”, Симферополь, 1970.

⁷³ <http://speleoastronomy.org/spod/spod.php?dat=2009-06-17> .

⁷⁴ <http://legends.by.ru/library/smirnovheroes-1.htm>.

просто прожившим в уединённых молитвах — исцелившим методами спелеотерапии за это время сотни больных, в том числе с тяжёлыми психическими расстройствами,— мог повествовать о его преемниках, что даже в прогарное совдеповское время продолжали творение подземных святынь⁷⁵...

— Однако, вернёмся к “невольной спелеонавтике” в групповом её воплощении.

: Жители французского города Наур в мрачную эпоху Средневековья выкапывали под своим городом самый настоящий второй, подземный,— с площадями, жилищами, храмами, улицами, местами общественных собраний,— как и местами общественного приготовления пищи, банями, туалетами с канализацией и прочим (даже тюрьмой!). В целях обеспечения скрытности дымоходы с общественных подземных кухонь выходили в дымоходы стоящих на поверхности домов; тайные галереи выводили к реке и далеко за пределы города. В этом обширном подземелье, расположенном на глубине 33 метров под верхним городом, жители Наура вместе со всем своим скотом и ценностями успешно переживали нашествия врагов; похоже, такие *массовые пребывания* длились месяцы.⁷⁶

В известной пещере Вертеба на Украине в Подолии в одном из залов в 300 метрах от входа в конце XIX века под рухнувшим гипсовым сводом были найдены останки 25 юношей, обращённые головами ко входу. Вокруг них стояли кувшины с зерном и пустые (по-видимому, из-под воды); лежали кремниевые ножи и украшения,— судя по всему⁷⁷, эта пещера использовалась неолитическим человеком аналогично современным лавовым туннелям острова Пасхи: для обряда инициации, то есть перевода юношей в разряд мужчин. [Данный обряд подразумевал пребывание под землёй в течение какого-то времени — в зависимости от конкретного верования сроки различались от одних суток до месяца.]

В октябре 1942 года в той же пещере, спасаясь от угона в Германию, укрылось 38 местных жителей из с. Стрилковицы в возрасте от 6 до 75 лет.⁷⁸. Через 6 месяцев фашисты узнали о том, что в пещере скрываются люди, и взорвали вход. Заживо погребённые не упали духом (современный спелестолог может представить себе, в каких условиях они прожили столь длительный

⁷⁵ Искренне рекомендую “к факультативному изучению” статьи Ю. Ю. Шевченко «Черниговские подземные монастыри прп. Антония Печерского» и «Наследие св. Иоанна Кронштадского: создание подземных святынь», опубликованные в “Спелестологическом ежегоднике РОСИ” за 2000 год.

⁷⁶ «Подземный двойник Наура», “Вокруг света”, №4, 1981.

⁷⁷ Мнение археологов А. Н. Киркор и Г. О. Осовского.

⁷⁸ Ю. Зиммельс, «Полтора года в пещерах», “Свет”, № 4 (6), 1992 г. Искренне рекомендую всем, рвущимся на подземные Пребывания, прочесть эту знаковую статью. *Что не просто плохо — крайне скверно: повествуя в своей книге «Занимательная спелеология» об этом случае, тов. Дублянский, как обычно, “забывает” сослаться на первоисточник сей важнейшей и удивительной информации. Что не делает ему чести.*

срок под землёй? Лично я думаю, что – нет), а начали откапывать новый выход из пещеры. Копали снизу вверх, пользуясь самодельной лестницей; для защиты от падающей сверху земли на головы надевали мешки. Новый выход был создан в 500 м от старого; чтобы немцы не нашли его, он был замаскирован специально подогнанным по размерам ящиком с землёй. Поскольку оставаться в известной немцам пещере было небезопасно, 5 человек ночью выбрались наверх и нашли в провальной воронке (именуемой тогда Попова Яма) недалеко от села дыру, прокопанную лисой. Расширив лисью нору, они проползли по узкому лазу, затем по трещине, – через которую попали в пещеру, ныне называемую Озёрной [длина лабиринта 111 км]. Из первого просторного грота расходилось несколько галерей; одна из них вскоре привела к озеру. В ночь на 1 мая все участники этого поразительного подземного пребывания перебрались в новую пещеру, где оборудовали жилое помещение с кухней и печкой. Печка была расположена так, что дым от неё вытягивался в большой низкий горизонтальный грот, образованный разрывом пласта – где и адсорбировался в мелких щелях породы. За дровами ходили в лес, а за колосками злаков, которые растирали на камнях в крупу – на поля. Воду брали из подземного озера. Часов ни у кого не было, так как все были очень бедны; время определяли по созвездию Большой Медведицы те, кто отваживался выходить на поверхность. Для освещения пользовались керосиновыми лампами; жили весело, не унывая. При температуре воздуха в пещере в $+10^{\circ}\text{C}$ по полу ходили без обуви — за 1,5 года никто ничем не заболел.

12 апреля 1944 года вся группа благополучно вышла на поверхность, – надеюсь, миновав следовательские руки НКВД.⁷⁹ < Пятилетняя девочка, показывая рукой на солнце и закрывая глаза, закричала: «Погасите свет!» >

— В нашей стране первые осознанные подземные эксперименты были проведены в пещерах бассейна реки Пинега в начале 70-х годов киевским врачом-микробиологом М. Колесниковым (естественно, В. Н. Дублянский “позабыл” даже упомянуть о них в своей книге – я, как и К. А. Горбунова, точной информации о них, к сожалению, не имею); позже он продолжил свои исследования в Киево-Печёрской лавре и в гипсовых пещерах-гигантах Подолии. По уровню научной подготовки они на порядок превосходили исследования Сифра, – в частности, именно Колесников открыл и доказал в своих экспериментах самоподдерживающиеся стерилизующие свойства пещерного микроклимата. К сожалению, из-за тягостных реалий жизни нашей страны ни российская, ни мировая научная общественность об этих экспериментах не узнала.

В конце 70-х годов спелеонавтическими экспериментами начал заниматься врач А. Мишин – один из учеников Колесникова. Самостоятельно и вместе с помощниками (в частности, с Женей Романюк из Гродно), он провёл большой

⁷⁹ Судя по всему, лап НКВД участникам этого беспримерного Пребывания удалось миновать – так как до начала девяностых годов они жили в Канаде. Лишь после отделения Украины от России часть из них рискнула вернуться на родину.

блок исследований в области подземной санитарии и гигиены (темы, начисто отсутствовавшие в исследованиях М. Сифра, — как, впрочем, и микробиология) — хотя элементарное НЕБРЕЖЕНИЕ ПОДЗЕМНОЙ САНИТАРИЕЙ И ГИГИЕНОЙ привело к краху ряда экспериментов Сифра. Также Мишин первым в нашей стране начал изучать в подмосковных каменоломнях суточные биоритмы человеческого организма и психологию восприятия человеком абсолютной тьмы и тишины; часть его экспериментов, проведённых на подземной реке Понеретка в 1983 ÷ 1985 г.г. была посвящена изучению термодинамического равновесия человеческого организма в экстремальных и нормальных условиях: опять же, базовые, основополагающие темы, “невостребованные” М. Сифром. Как и работы Колесникова, исследования Мишина ждало на родине забвение; ряд экспериментов, как я уже писал, был просто-напросто сорван противодействием “официальной спелеологии”. Устав бороться в одиночку “на два фронта” — с кретинизмом “официальной спелеологии” и косностью казённой науки — Саша прекратил эти эксперименты. Возможно, в минуту отчаяния он уничтожил результаты своих наработок; по крайней мере, после его смерти (архив, согласно сашиней воле и желанию его родных и близких, перешёл ко мне) многие из них отыскать не удалось. *Что важно: как бы Сашу в его исследованиях ни крутила и ни мутузила власть и иные обстоятельства — он, в отличие от М. Сифра, “спелеонавтику на хер не посылал”. Как никогда не уговаривал меня, даже в самые печальные свои дни, “прекратить изначально безумные попытки и заняться чем-нибудь более практичным”, —*

: Может оттого иная модель поведения внушает подсознательное отвращение.

... В 1981 году А. Морозов, ведущий спелеолог страны — и человек удивительного интеллекта, профессиональный химик и переводчик с 7 языков, — равно любивший как каменоломни, так вертикальные пещеры, провёл со своей группой ТРИ МЕСЯЦА БЕЗ ВЫХОДА НА ПОВЕРХНОСТЬ НА ДНЕ ГЛУБОЧАЙШЕЙ ПЕЩЕРЫ СССР СНЕЖНАЯ — НА ГЛУБИНЕ ОКОЛО ОДНОГО КИЛОМЕТРА ПОД ПОВЕРХНОСТЬЮ ЗЕМЛИ. В этом погружении они активно исследовали подземные сифоны с ледяной водой, проводили опыты с окрашиванием, изучая подземные водотоки пещеры Снежная и её возможные продолжения, разбирали завалы, отыскивая ведущие дальше ходы — в общем, в отличие от спелеонавтов М. Сифра вели физически активный образ жизни. В составе экспедиции был профессиональный врач, постоянно проводились исследования по физиологии человека в стрессовой обстановке. Кроме того, по заказу некоторых институтов были проведены эксперименты и исследования в области прибористики и геофизики, испытывались различные типы подземного снаряжения и источники питания. То есть это погружение было намного сложнее экспериментов Сифра, и проводилось оно тогда, когда сам Сифр декларативно заявил, что «не видит дальнейшего прогресса в данных исследованиях»...

А вот люди, самой логикой жизни страны лишённые возможности проведения таких исследований — *видели*. И пытались работать, не смотря на

запреты “сверху”. То есть я хочу сказать, что провал “спелеонавтики-по-Сифру” ещё не означал провала спелеонавтики в целом. <Свидетельством тому спелеонавтические эксперименты Монтальбини и НАСА конца восьмидесятых годов, проложившие путь к знаменитому эксперименту-пребыванию в *конструкционной полости* “ЭКОСФЕРА”.> К анализу причин личного поражения Сифра я ещё вернусь – пока же перечислю иные исследования спелеонавтического характера, проводимые в СССР.

В 80-х годах в Средней Азии в Бахарденской пещере сотрудники Ашхабадского мединститута провели ряд интересных работ в области подземной нейромагнитометрии – только под землёй оказалось возможным исследовать столь “тонкие материи”; в городе из-за многочисленных электромагнитных помех магнитометрическое снятие информации с коры головного мозга в те годы осуществить было просто-напросто нереально. Теперь существует оборудование, позволяющее отслеживать и адекватно интерпретировать магнитометрическую информацию неокортекса в городских клинических условиях — но могла бы появиться подобная аппаратура в девяностых годах, если б энтузиасты не начали свои пионерские исследования за двадцать лет до того?..

Эти эксперименты огласки не получили – хотя проложили путь к созданию современных приборов нейромагнитной диагностики.

В 1980 г. при помощи А. Мишина [спелеоник Гном] я устроился лаборантом-прибористом в лабораторию проф. Урываева Института Нормальной Физиологии при 1-м ММИ⁸⁰; освоив медицинскую диагностическую аппаратуру и проработав год совместно с А. Мишиным (проведя при этом ряд неофициальных подземных экспериментов в области изучения внутрисуточных биоритмов человеческого организма), я перешел в Межкафедральную лабораторию МОГИФКа, решив заняться самостоятельной работой. Руководили моими исследованиями профессор, д.м.н. Л. Н. Жданов, в то время проректор института по научной работе, и заведующей лабораторией к.м.н. Сергей Брянкин. Занимались мы изучением внутрисуточных и месячных биоритмов человека, релаксацией спортсменов после экстремальных физических нагрузок, а также проблемами реадaptации после темпоральных сдвигов.

Не следует думать, что Межкафедральная лаборатория МОГИФКа была нацелена на исследование исключительно биоритмических проблем – это была лишь одна из тем лаборатории, причём не самая приоритетная. Основные исследования С. Брянкин вёл по гипербарической оксигенации — лаборатория располагала неплохой, по совдеповским условиям, барокамерой “Ока”; в соответствии с темой грядущей докторской диссертации Сергея гипербарическая реадaptация спелеонавтов после Пребывания была включена в официальный план работ. Вообще все темы лабораторных экспериментов и исследова-

⁸⁰ Совковые реалии: официально по штату лаборатории, утверждённому ещё академиком П. К. Анохиным в тридцатые годы прошлого века, такой должности *не полагалось*, – а потому был взят препаратором, “по ходу” обучившись и этой важнейшей из профессий.

ний были тесно связаны друг с другом,— каждое исследование (в том числе и планируемые подземные Пребывания) работали, как минимум, на три исследовательских коллектива лаборатории. Потому она и называлась Межкафедральной. До сих пор мне это представляется наиболее оптимальной организацией научной работы. В соответствии с которой подготавливаемое мной Пребывание должно было дать материал для специалистов-биоритмологов, для изучавших экстремальные нагрузки и стрессы и для специалистов по релаксации:

В свете постоянной смены спортсменами, выезжающими на соревнования, привычных часовых поясов и, как следствие, ломки устоявшегося ритма физиологической активности организма, работа наша выглядела очень актуальной и вполне “официально дозволенной” (все помнят, какое значение придавали коммунисты победам на международных соревнованиях советских спортсменов),— но...

— К марту 1982 года мы достигли очень интересных результатов — в частности, был отслежен 14-дневный адаптационный период к смене циркадного ритма и найдены внутрисуточные двухчасовые пульсации физиологической активности организма (часть исследований проводилась в Никитских каменоломнях),— что позволило подготовить завершающий, ключевой эксперимент по *сдублированному синхронному пребыванию двух групп спелеонавтов в одной пещере сроком в три месяца*. Хочется обратить внимание Читателя на то, что в отличие от работ М. Сифра не слепой, поставленный наугад, эксперимент предшествовал какому-то “осмыслению данных” — а год исследований и теоретических изысканий, включая разработку и создание необходимого для снятия нужной параметрии парка приборов и отладку методик работы с ними, ПРЕДШЕСТВОВАЛ ЗАВЕРШАЮЩЕМУ ЭКСПЕРИМЕНТУ. Так же хочется обратить внимание на не столь длительные, по сравнению с экспериментами М. Сифра, сроки пребывания наших спелеонавтов под землёй: дело в том, что ещё на подготовительном этапе лабораторных и клинических исследований мы выяснили, что всю желаемую информацию можно получить за сроки от одного до максимум четырёх месяцев; дальнейшее увеличение сроков пребывания не приводит к чистоте получаемых данных (если, конечно, целью эксперимента не является изучение механизма съезжания крыши у человека,— но эти данные легко получить в любой колонии строгого режима или из учебника психиатрии). *Попытки ухода под землю более, чем на полгода — рекламная рекордомания, и ничего больше*. К научной работе, на мой взгляд, отношения не имеющая.

— Очень важно и то, что в качестве спелеонавтов у нас были не ищущие приключений “добровольцы с улицы” и не “официальные спелеоспортсмены”, всё общение которых с Подземлёй сводится к выкрутасам тактики железо-верёвочного боя с пещерой (“спустился — поднялся отпотевать на поверхность у вожделенного костерка”),— а *СПЕЛЕСТОЛОГИ И ГЕНЕРАЦИИ*. То есть люди, привыкшие по-настоящему жить и работать под землёй — кто Пещеру почитал за естественный ДОМ— и, конечно, не испытывал стресса от одной только мысли остаться в темноте без света. Для наших

участников эксперимента, в отличие от спелеоспорсменов М. Сифра (и его самого) предстоящее пребывание было долгожданным Праздником, — несмотря на то, что условия его проведения планировались довольно жёсткие.

: Как я уже писал, этот эксперимент накануне осуществления был сорван — из Московской спелеокомиссии, науськанной должным образом спелеоспециалистами из КГБ, в ректорат института со специальным нарочным А. Лифшицем (членом “спасотряда” под руководством В. Мальцева, созданным ГБ для борьбы с “неофициальной спелестологией”) была подогнана “телега” — то есть “подмётное письмо”, сдублированное идентичной бумажкой из Люберецкого обкома КПСС, ибо институт был областного подчинения. Писания-доносы раскрывали руководству института глаза на антисоветскую в принципе деятельность автора данных строк, на антинаучность моих медицинских воззрений (“в корне противоречащих данным передовой марксисткой физиологической науки”, и т.д., и т.п.) — судили о которых люди не только без специального медицинского, но вообще без сколь-нибудь ‘высшего’ образования! — в письме говорилось также, что мне, оказывается, специальным решением МКК “вообще запрещено ходить в пещеры”⁸¹ —

— и многое другое в том же бредовом роде. К письму прилагалась не только “принципиальная оценка тупиковости спелеонавтики в целом, данная самим М. Сифром”, но и как-то очень точно вышедшая в эти дни пасквильная статья из «Комсомольской правды» (одной из центральных “правд” того времени), в которой с немыслимым даже для эпохи совка размахом [2/3 так называемого “подвала”, то есть самой читаемой последней газетной страницы] подробно описывался бандитско-алкогольно-ублюдочный “групповой портрет” лиц, что изволят посещать подмосковные каменоломни. Конкретно — Никитскую Систему.

В которой и было задумано провести подготовленное Пребывание.

: Не реагировать на подобную писульку, да ещё приправленную дулетом официально-партийных и как бы научных “вещдоков”, руководство института не могло. На моей официальной спелеонавтической научной деятельности был поставлен жирный и непререкаемый крест.

Мне пришлось уйти с работы “по собственному желанию” — причём даже этот вариант ухода проректору института по научной части Леонарду Николаевичу Жданову удалось отстоять ценой просто невероятных усилий. И только потому, что ректор в это время рассекал по забугорью — Леонард Николаевич,

⁸¹ Подобные письма в те годы приходили на работы столь известным ныне российским спелеологам, как Даниэль Усиков, Георг Людковский, Саша Морозов — и многим другим, без подземных свершений которых современной российской спелеологии просто-напросто бы не было. Мне пришлось хуже, чем им, только потому, что в отличие от них я работал в МОГИФКе профессиональным спелеонавтом. И свою “официальную работу” от личных исследований Подземли не отличал.

куратор нашей Межкафедральной лаборатории и официальный руководитель подземного пребывания, замещал его.

: Сказать, что после крушения всех своих экспериментально-подземных планов – и полного слома-на-корню любой, возможной в будущем, официальной спелеонавтической научной деятельности, я пребывал в глубочайшей депрессии = НИЧЕГО НЕ СКАЗАТЬ.

Но спасибо Никитскому Кругу – через какое-то время оправился от подлого удара совковой машины. И продолжил работу на уровне любителя в “научном подполье”.

: В этом статусе в подмосковных каменоломнях (в период с 1984 по 2002 год) было проведено 5 экспериментов по подземной экстрасенсорике (сроком от одного дня до месяца), одно одиночное трёхмесячное Пребывание (описываемое здесь), одно изолированное пятидневное (уринотерапия, как способ преодоления вынужденного голодания в подземных условиях⁸²), четыре групповых двухнедельных пребывания (спелестология, геофизика и гидрогеология), два групповых в месяц длиной (два участника) и одно 58-дневное (смешанного типа: одиночное, перешедшее через месяц в групповое). Кроме того, два двухнедельных, одно одиночное месячное и одно трёх-с-половиной-месячное групповое пребывание осуществили мои друзья; два экстремальных одиночных пребывания в гроте Сумасшедший Барабанщик (стопроцентная влажность, непрерывная какофония падающих капель воды) провели наши девочки.

Половина этих Пребываний была проведена до благословенного крушения совкового тюремного мира –

— представить, какого было в нашей стране *тогда* на такие сроки уходить из жёстко регламентированного совкового бытия, способен не каждый. Но мы делали это – и не жаловались, как М. Сифр, на некие “трудности” подземной жизни... Нам бы его смешные “трудности” – в ТЕ ГОДЫ!..

ZOOLOOKOLOGIE

“Человеческие голоса, запись звуков и пения...”

В сентябре 1984 года мы с Гномом организовали Первую Московскую Спелеонавтическую конференцию. Первоначально задумали провести её на “официально-нейтральной территории” – в помещении клуба “Сокольники” – но клуб к тому времени подвергся столь сильному прессингу Московской спелеокомиссии, что выбирать не приходилось: мои ‘две-с-половиной’ комна-

⁸² Между прочим, самое дешёвое из возможных спелеонавтических пребываний... По крайней мере, в отношении затрат на продовольствие.

ты на Новослободской вместили всех желающих “поговорить на отдалённые от спелеоспорта темы”.

Со стороны Гнома присутствовали сам Саша Мишин, Женя Романюк – верная помощница Гнома во всех его спелеоначинаниях – и пара незнакомых мне ребят-медиков.

“Уэм” был представлен максимальным тогдашним своим составом: я, Хмырь, свежeverнувшийся из Магаданского края Зелёный Змей, Рашпиль, Светик и Бест.

Прочие части Никитского Круга представляли Лещина, Сап, Барон, Валя Шапиро (медик, с которым Змей познакомился в “поле” и уже побывавший в Никитах – причём влюбившийся в них “сразу, безоговорочно и навсегда”) и Мамонт; на второй день, “движимые техническим интересом”, к нам присоединились Длинный Кира и Вася Тихонов – главные никитские радиоэлектротейники того времени.

*Впрочем, слово “главные” не вполне точно: в Никитском Кругу ни один человек не был “официально главнее” другого и с паяльником умел обращаться если не каждый, то трое из четырёх – наверняка. Мне вообще сложно представить себе спелеолога, не разбирающегося в устройстве и принципах работы электрического света, газовой горелки, примуса, – а потому, так или иначе, об электрорадиотехнике имел представление каждый. Другое дело – Уровень. Но здесь мне трудно сравнить возможности и пристрастия Барона, Сапа, Киры и Васи (о себе на столь замечательном фоне упоминать просто неловко), ибо каждый из них относился к радиоконструированию **творчески**. Во всех смыслах данного слова —*

— а потому “едем дальше”:

Книгу Мишеля Сифра⁸³ к тому времени прочитали все никитяне – конечно, смеялись над его “трудностями подземной жизни” с высоты собственного опыта комфортного спелеобития; завидовали его оснащению и втихомолку лелеяли мысль побить все его рекорды⁸⁴. Ибо нам это казалось достаточно лёгким делом.

: *Было бы время* –

: мы-то приходили под землю не воевать с ней, не по-

⁸³ «В безднах Земли» [Москва, “Прогресс”, 1982 г.].

⁸⁴ О полуторагодовом пребывании Милутина Велковича в пещере Самар в 1969/70 гг. мы тогда информации не имели: страна-заказник мирового научно-технического отставания была надёжно защищена от “тлетворного влияния Запада” во всех его формах и видах. Включая свободный обмен важнейшей научной и творческой информацией, – о “спелеологическо-информационном обмене” и говорить нечего. Три-четыре книжки советских карстовых светил, да “примерно столько же” с горем пополам изданных усилиями Н. А. Гвоздецкого переводов каплей мёда растаяли в мазутно-издательском омуте “самой читающей в мире”. Кстати: *замечательная книга Милутина Велковича, поставившего мировой рекорд одиночного изолированного подземного пребывания, до сих пор недоступна спелеологам нашей страны.*

беждать, не доказывать, что сильнее — *шли туда жить*. И жили в ней. Для любого из нас самое неприятное было: выход из Подземли, возвращение в город. Никто из нас не мог представить себя *обессиленным* в результате продолжительного подземного пребывания, что каждым своим мигом дарило *такой Кайф*,—

: Никогда не достижимый на поверхности.

К огромному моему сожалению, Саша Морозов присутствовать не мог — зато передал с Гномом отчёт о своём трёхмесячном пребывании в Снежной, на глубине –900 м. Написанный в нарочито вольном стиле, как статья, что заведомо не может быть опубликована — а потому “автор ни в чём себе не отказывал”, этот документ не просто *завораживал* —

: В отличие от писаний мсье Сифра морозовский доклад вызывал *прямо противоположные* чувства — близкие, скорее, к оторопи. Умноженной на восторг, восхищение и естественное уважение истинного Мэтра, Учителя. < Здесь я говорю о своих тогдашних эмоциях — но знаю: у моих друзей отношение к Пребыванию Саши было сходное; оценки разнились лишь в зависимости от персональной “любви иль нелюбви к вертикальной спелеологии в целом”. >

Конференция длилась два дня. В первый день Гном рассказывал о микробиологических исследованиях киевского спелеобиолога Колесникова, открывшего самоподдерживающуюся стерильность пещерного воздуха, и о своих экспериментах (длительностью от нескольких часов до двух недель), что он проводил в Силикатах и в небольших окрестных подольских пещерах. В первую очередь Сашу интересовали проблемы санитарии и гигиены под землёй, функционирование организма в стрессовых условиях — в том числе в абсолютной темноте. Ребята, пришедшие с ним, оказались психологами из Первого мединститута — их интересовали “наши подземные экстремальные крыши”. В качестве тестовых методик нам продемонстрировали стандартные психологические тесты, несколько модернизированные для условий Подземли. Помимо этого Гном сделал специальное заявление, что климат пещер, а уж тем более столь любимых нами каменоломен, *terra incognita* науки,— никто им, мол, всерьёз не занимался (кроме Колесникова, работы которого, по большому счёту, остались недоступны даже коллегам-учёным, ибо опубликованы не были) — а значит, любое исследование воздушных потоков, адсорбции и абсорбции на известняковом камне, концентраций радона, радиоактивности, зависимости температуры от влажности, аэроионов, аэрозолей и прочего, прочего, прочего,— любое исследование в этом направлении обречено на первопроходческие лавры.⁸⁵

⁸⁵ “Которые у нас тут же, конечно, сопрут” и “которых нам никто никогда не пожалует” — среагировали в этом месте Змей и Мамонт. В унисон со мной, Лещиной и Рашпилем. О том, сколько времени на этой конференции заняло ворчливое (в том числе с моей стороны) изложение тезисов о принципиальной бесперспективности *официальных занятий спелеонавтикой в нашей стране* после “могифковского облома от 1982 года” — умолчу. Что очевидно, то

: Честно говоря, многим никитянам это показалось тягомотным. Что поделать – мы были тогда такими, какими были. Лично меня более всего интересовала биоритмология и подземная экстрасенсорика; Мамонта и прочих – поиски ответа на вопрос, “что есть Двудикая”. И загадочное подземное сияние.

Вопрос вопросов.

Тем не менее, постановили: сотрудничеству быть. И второй день посвятили разработке планов на грядущий подземный сезон.

Гному были нужны люди в качестве подопытных спелеонавтов; мне был важен его опыт постановщика экспериментов. Его медицинские знания и методики оценок снимаемой параметрической информации.

Вася Тихонов, Длинный Кира, Барон и Сапиенс вызвались наладить необходимую приборную базу – в чём мы нуждаемся, я хорошо знал, ибо за два года до того занимался аналогичной работой в МОГИФКе. Часть медицинских и аэрологических приборов, что мы не могли сделать своими руками, был готов предоставить Гном; часть пообещал достать Валя Шапиро. Он же захотел стать нашим штатным врачом на предстоящих пребываниях. Сап был готов взвалить на себя геофизическую часть предстоящих исследований – по завершении обучения он собирался работать в Институте Физики Земли; Барон, как специалист по электронике связи, мог поддержать это направление. И оказать мне возможную электронную помощь – что ни говори, а в лабораториях МИРЭА собрать необходимые нам приборы было легче, чем у меня дома. Или на моей работе в НИКИМПе, под строгими взглядами начальства. Отягощённого собственными представлениями о моей рабочей деятельности. < Вася, учившийся на физфаке МГУ – как и Сапиенс, но на ином потоке – сделал аналогичное заявление, на что Кира возразил, что лучшая в мире электронная лаборатория находится у него дома, – от остальных, мол, ничего, кроме радиодеталей, не требуется.

: Радиодетали действительно были Проблемой Проблем. Но как-то доставались, – впрочем, “как” — хорошо известно: государство, озабоченное социальным благополучием трудящихся, и больше, как известно, ничем, просто толкало своих граждан на тотальное воровство и расхищение всего, что производилось, охранялось, перерабатывалось и как-то использовалось этими гражданами на своих совковых работах. Иначе было — не выжить. Я НЕ ПРЕУВЕЛИЧИВАЮ. Но поскольку повествование моё “о другом”, задам лишь один вопрос сомневающемуся Читателю: *где мы (тогда, при коммунистах) могли купить или как-то достать (исключая воровство) требующиеся нам для исследований приборы и оборудование? А детали для их самостоятельного изготовления?? А СПЕЛЕОСНАРЯЖЕНИЕ, КОТОРОЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ ВООБЩЕ НЕ ПРОИЗВОДИЛОСЬ???*

: То-то. >

– Змей сказал, что его лично интересует

очевидно. Но как-то Гному удалось раскатать нас, – возможно, во многом благодаря отчёту Саши о его Пребывании в Снежной.

одно: как долго человек может жить под землёй, сохраняя привычный бытовой образ жизни. Мы тогда всю обсуждали вопросы “внутренней эмиграции” и различные способы выживания после ядерной катастрофы (в том, что она вскоре последует, никто не сомневался: и время было такое, “в предчувствии ядрёной зимы”, и страна катилась в тартарары, явно закручивая гайки и озлобляясь на весь мир,— к чему это приводит в истории, мы знали). Так что главное для него было — залезть под землю на как можно более долгий срок; чем заниматься там, было по барабану. «Хоть топосъёмкой, хоть онанизмом,— заявил он. Потом подумал и добавил: — Впрочем, это одно и то же.»

Хмырь, как профессиональный гидрогеолог и специалист по искусственным подземным сооружениям, имел свои спелеоприоритеты.

Мамонт вызвался поработать добровольным подопытным спелеокроликом на гномовских психологов: «Посмотрим, чья крыша съедет первой»,— зловеще пообещал он.

— В принципе, нет большой разницы: себя ты персонально изучаешь под землёй или кого-то,— сказал Гном,— больше того: никто не сможет точнее определить твоё состояние, чем ты сам. А потому не столь принципиально, уходишь ты под землю с кучей приборов — или просто пребываешь там и ведёшь дневник. Всё равно важно.

: Я был с ним согласен. Ведь если вести речь о Реальном Постижении Мира — ясно: мир составляющий нас для каждого является ближайшим и важнейшим.

“Тут можно долго философствовать”,—

И так же долго описывать каждое проведённое нами Пребывание. Которые столь индивидуально-несхожи и столь значительны для каждого, исполнившего их — что в канонах русской грамматики, без сомнения, должны писаться с прописной буквы. Что не случайно называется Большой,—

Но что — Пребывание, когда “совершенно-стандартный” день одиночного Ощущения Мира Подземли может стать темой отдельной книги —

: *Прибавьте к этому сложнейшую, зачастую, подготовку к эксперименту,— приборное оснащение, продукты, лагерное снаряжение и всевозможные ухищрения, на которые приходилось идти ради добывания возжеланных дней подземной свободы,—*

— заброску до грота, установку ПБЛ, кропотливую параметрию,— некие “работы по Системе”, коль они были запланированы;

: *твои ощущения — меняющиеся каждый день. Внутренние монологи-размышления. Освобождение от прессинга поверхности буквально удесятерит наши интеллектуальные и физические возможности —*

: тоже тема. Но пребыванию не кодировано быть одиночно-изолированным — в зависимости от целей оно может быть групповым или открытым, с экспедициями посещения. И даже — не убоюсь этого заявления! — с кратковременными визитами пребывающего наверх, ибо лишь тупорылый спортсмен, без всякого смысла лезущий под землю ради побития ‘морového ракорда’, станет отрицать научную цен-

ность сравнительной информации, что пребывающий может получить от этих эпизодических визитов (обусловленных целями и программой Пребывания). Конечно, тот, для кого важна не идея Пребывания, а её “голый спортивный модуль”, лишённый вектора смысла и всякой внутренней ценности, не засчитает подобное пребывание за цельное. В общем-то, правильно – и справедливо. Ибо у тех, кто уходит не вниз, но в глубину – то есть ради Познания и Ощущения Мира – не должно быть стимулов спортивного или скандального уровня. *Мотивация наших Пребываний априори на пару порядков выше — так что оставим рекордоманию недалёким спортсменам. А себе возьмём иных проводников.*

... Экспедиции посещения, помимо свежего хлеба и забитых коногенов, приносят микробиологическую грязь с поверхности — и не меньшее количество грязи информационной. Вкупе с социальным дерьмом, политической заразой и гнилью, — в которых, не замечая того, купается каждый человек наверху. “Хочет он того или нет” —

— что, к сожалению, ясно чувствуется в каждом, приходящем к тебе с поверхности. С каждым прожитым под землёй днём, с каждой подземной неделей всё меньше и меньше хочется этих “визитов”. Как бы они ни были важны для обеспечения хода эксперимента. Какую бы информацию ни давали < “отрицательный результат – тоже результат”, и наше понимание информационной разницы подземного и верхнего миров не смогло бы сложиться без этих посещений — как никогда бы я не смог получить ценнейшие данные о взаимодействии этих информационных пространств в нашем сознании >.

: Даже один подземный день может дать тебе материал на годы исследований, — *что говорить о неделях и месяцах?*

* * *

: Первым в рамках разработанной программы удалось погрузиться под землю нам с Бароном. У меня был неизрасходованный отпуск за уходящий год; у Сергея пауза в институтских занятиях. [Кажется, он отмазался от “картошки” — на которую угнали вместо учёбы весь его курс: известно, что наши доблестные ‘туженики полей’ не были способны собрать урожай без помощи бесплатной студенческой и солдатской силы.]

: Мы ушли в ЖБК на две недели. Занимались топосъёмкой и поиском возможных путей к легендарной обводнённой части, к Озеру. О том, что оно существует на самом деле, я имел, казалось, очень точную информацию. Как и об огромной Системе, лежащей левее ЖБК за оврагом.

Ближний к ЖБК вход МЖД8М как-то очень несвоевременно затянуло глиняным оползнем со склона; пришлось нам забрасываться с двухнедельным лагерем через всю Систему, из Эгипта. От Группы Обеспечения мы принципиально отказались — хотели проверить свои силы. И потом: Пребывание начинается с момента твоего входа в Систему; идёшь ты, тащишь транс или сидишь

на месте, роли не играет.

Так решили мы.

Наиболее значительный момент был – Погружение. Я прополз с первым нашим трансом через узкий вход в распоре над грязной лужей – и, добравшись до выступающего из неё здоровенного камня, заглянул дальше. Гордый тем, что преодолел привходовые гавнищи “аки посуху”. Уж очень не хотелось в мокро-сыром виде гарцевать до ЖБК через всю Систему (кстати: потом ещё почти по всему ЖБК до выбранного для лагеря грота).

: дальше пол покрывала изумительно ровная сухая серая корка. Я выдернул из-за себя тяжеленный транс и с силой опустил его за камень. На сухое место.

– *Надо-ли говорить, что под миллиметровой коркой пыли была идеально грязная смесь глубиной около полуметра???*

Так что до грота пребывания ни я, ни Барон в сухом виде не дошли. Хотя за десятичасовой транспортировочный подвиг практически высохли.

Первую неделю мы занимались топосъёмкой Никит; вторую копали. Проверая предположения ЮДА о проходе за ЖБК.

Что ж, ЮДА не сильно ошибся. Следуя его указаниям “при помощи лома и эвы-матери” мы вышли в продолжение Футбольных Полей – где обнаружили орты, в точности соответствующие описанию ЮДА. В крайней из них по его сообщению должен был находиться проход к неведомой нашему поколению части Системы –

: Тектоническая трещина с заполняющей её центр обводнённой.

: Одна беда – эта орта оказалась рухнувшей. После внимательного осмотра Барон сделал вывод: рухнула не сама по себе.

В принципе, осмотрев внимательно любой завал, опытный спелестолог легко восстановит картину и причину обвала. Именно потому мы с Сергеем не спешили приступать к раскопкам. Ибо прежде чем копать, нужно в деталях и красках представить себе структуру завала – в том числе невидимую для глаз, – а для этого необходимо установить его причину.

: Тем не менее, мы попробовали её вскрыть. И это была первая такой сложности работа в моей жизни.

Нам удалось проложить вдоль бывшей стены рухнувшей тектонической трещины ход длиной около пяти метров. Под постоянной каплей сверху, лёжа на боку, выгребали из завала острые, кристаллизованные булыганы – и перекачивали их мимо себя назад. Если бы не плотные сварочные рукавицы – наверняка остались без пальцев. И кожи на кистях.

Сейчас, конечно, я сделал бы больше. Как и мои современные партнёры по Никитам.

Тогда казалось: совершаем невозможное.

Изорвав комбезы, рукавицы – и просто озверев – на пятый день решили прекратить раскопки. Просто лежали в спальниках в гроте и молчали. Магнитофона с собой не было. Через какое-то время Барон нарушил тишину:

– Знаешь, что у меня сейчас звучит в голове?

– Салчак, – сказал я.

– Да, – ответил Сергей.

Я прочитал вслух строчку, что звучала в этот момент у самого:

– «Пещерное ходосплетение кукишем тебе в нос!...»

– Она самая.

Следующий день также отдыхали, лёжа в спальниках. Иногда переговаривались; стихи и музыка, что возникали в голове, звучали строго в унисон. Будто воспроизводились на невидимом нам стороннем магнитофоне. Барон по натуре скептик и упёртый материалист. Его объяснение подобных моментов: “БЫВАЕТ”.

В субботу накануне выхода устроили “прощальный пир” – разнообразили стол сэкономленными сыром, колбасой и баночкой шпрот. Я рассундучился на “НЗ-шную” шоколадку; Барон на маленькую флажечку коньячка. Настоящего дагестанского розлива.

Перед праздничным ужином просто прогулялись по ЖБК: неторопливо шли и разглядывали ленты глиняных прослоев, дивные формы обрушений и чередования пластов. Думали, за две недели удовольствие это надоест –

Оказалось: НЕ НАДОЕЛО. И если б не мысли о жене и дочке – да о тёплой многочасовой ванне под какой-нибудь соответствующий Пинк Флойд с книжицей поинтересней – ...

– Решили: во всех следующих пребываниях баня строго обязательна. Проблемы подземной санитарии и гигиены – важнейшие; “парторг, то есть Гном, был прав”.

И не менее важны магнитофон и книги. Какие бы цели пребывания ни ставились, какой бы дополнительный вес эта роскошь ни имела.

На выход положили пять часов.

Думали: в результате усталости от нашей геморройской работы не уложимся – а потому вышли с утра пораньше. Чтоб до темноты осталось время привести себя в порядок на поверхности.

: Вышли за час. И столько сил и энергии оставалось у нас, что, пользуясь осенней прозрачностью леса, сделали точную топосъёмку поверхности. Тщательно зафиксировав местонахождение провальных воронок, овражного озера и свежепоставленных опор ЛЭП.

При камералке с ужасом обнаружили: *угловая, поворотная опора ЛЭП – на которую приходится максимальная нагрузка – находится точно над нашим любимым Островом Сокровищ.*

У которого мы изволили пребывать две недели и два дня. Если быть точным.

Но с нескрываемой радостью также увидели: ЖБК своим левым крылом уходит за овраг; орта и трещина, что мы копали, лежат под соседним полем. Что давало *не просто надежду* на возможное развитие Системы в этом направлении — уверенность, что Система разрабатывалась и туда.

Что бы нам ни говорили в городе скептики от спелестологии – трендившие, что, мол, каменоломни никогда не проходили под оврагами...

: исключения из правил, оказывается, бывают. И довольно приятные.

В этом пребывании мы не занимались медициной и физиологией; важнее было испытать себя. Просто посмотреть: не сдвинемся-ли во времени, как Сифр?

: Отчего-то не сдвинулись.

Взятые средства освещения показали себя с самой лучшей стороны; составленная раскладка продуктов тоже. Не подвёл топосъёмочный и копательный инструмент; психологической усталости друг от друга за 16 дней не испытали ни на гран. Идеальной же работы от совдеповского примуса никто не ждал “по определению”.

– По вечерам я рассказывал Сергею о методиках снятия параметрии. Делился своим малаховским опытом, — о котором теперь, по прошествии времени, смог вспоминать без дрожи. Без излишних матюков в адрес спелеосволочи, по милости которой эта дрожь случалась.

Сергей сказал, что теперь он полностью представляет себе, чем и как мы должны заниматься под землёй.

В общем-то, это и было главной целью нашего Пребывания.

По окончании которого мой суммарный срок подземных пребываний вырос до 64 “вполне сифровских” спелеодней, — к сожалению, подсчитанных оптом. А не по итогам одного пребывания. Но это дело было легко поправимое.

: Главное, чтобы стояли пещеры. И удалось отмазаться от работы на весь намечтанный срок.

И никто не мешал.

: Вот, собственно, и всё, что было нам нужно.

А теперь — “философический комментарий”, необходимый для хоть какого-то осознания всего, что произошло далее:

*... В ноябре 1984 года фирма “Дрейфус” выпустила самый значительный и сложный альбом Жана-Мишеля: «ZOOLOOK».*⁸⁶

⁸⁶ В отношении правильного произношения фамилии Jarre могу заметить следующее: это слово образовано от французского “сосуд” и в каноне современного французского произносится со второй “r”, но без финальной “e” (так, например, произносится фамилия отца Жана-Мишеля, известного французского композитора Мориса Жарра — автора музыки к кинофильму «Доктор Живаго»). В начале своей музыкальной карьеры Жан-Мишель акцентировал “e” наперекор традиции, двойное “r” сокращая до одиночного, — возможно, тем дистанцируясь от музыкального эстрадно-классического мейнстрима отца — и меломаны, в отличие от радетелей “чистого французского”, до сих пор так и произносят его фамилию. Поскольку меня познакомил с творчеством Жана-Мишеля человек, десять лет проживший (именно в те годы) во Франции, я произносил эту фамилию так, как он говорил. И от него знал, что все названия первых альбомов Жаре — латинские. Но в начале восьмидесятых годов сам Жан-Мишель “смирился с мейнстримом” и стал произносить свою фамилию без буквы “e”. Так что в моих строках, в зависимости от года, который я описываю, могут встретиться оба эти произношения. Что же до произношения по-русски «Zoolook» — тут каждый волен делать, что хочет.

Наверное – подлинную Вершину его творчества.

‘Ж-М-Ж’ мы в Никитах очень любили; каждый новый год наступал у нас не под совковые ‘кремлёвские обскуранты’, но под светлую и печально-сказочную мелодию его Шарманщика. С альбома «EQUINOXE», что по латыни значит – Равноденствие, Равновесие. < Саша Ткачёв написал в 1980 году удивительную для мира авторской песни переключку с Жаном-Мишелем — «Что за крюк с петлёй? Опрокинут стул – кто-то потерял равновесие...» >

: Считали, что лучший альбом ‘Ж-М-Ж’ – “Эквинокс”. Обожают слушать его под землёй. “Магнитные Поля”, что продолжили в 1981 году космическую тематику “Оксигена” и “Эквинокса”, были на порядок легче (не значит, что хуже: творчество не описывается спортивными категориями),– удивительных образов-ассоциаций, что дарили под землёй “Оксиген” и “Эквинокс”, они не вызывали.

“Концерт в Китае”, вышедший в 1982 году, воспринимался, скорее, как явление политическое — нежели музыкальное.

В 1983 году нового альбома не последовало. Мэтр рассекал по странам и континентам с гастрольными поездками – избегая даже косого взгляда на одну шестую, парализованную маразмом часть суши. Очевидно, именно потому в совковой печати промелькнуло несколько на редкость злобных сообщений, охаивающих Жана-Мишеля и его творчество⁸⁷. Только в противовес им не решались открыто говорить о том, что наш подземный кумир “немного исписался”.

Даже “виртуальной поддержки” его ради выпустили очередную маразматку под названием «ЖАЛЬ МИШЕНЬ ЖАРРЕ!..»

— И вдруг в ноябре 1984 выходит “Зоолок”. Взгляд на жизнь. Названный в традиции всех предидущее-стоящих альбомов Жана-Мишеля по-латыни.

: Через две недели я держал в руках свежий виниловый диск. Просто фантастически оформленный,–

: сколько стоила эта покупка, умолчу. Но скажу, что

Ибо в самой основе этого альбома *игровая лингвистическая, этнографическая и музыкальная синестезия* (кто держал в руках “родной винил”, знает, что я имею в виду; слово “Зоолок” там ясно написано и по-русски, причём все четыре “о” заменены на астрономический символ Солнца). Можно произносить «Зулук» – как делают англичане. Можно – «Зоолук», как говорят чаще всего. А можно говорить «альбом 1984 года» — и наверняка не ошибиться. [«Пиши, Петька: собрание будет в среду!»]

⁸⁷ По рукам ходили цитаты из интервью совкового музыкодела Артемьева, в которых он поливал Жара чуть-ли не площадной бранью, перемежаемой фразами типа “на волне захлестнувшей западный мир электронной развлекательной музыки, как грибы после дождя...” – и так далее. Досталось и Фроссу, и Вангелису, и Шульцу. Очевидно, музыка товарища Артемьева была и менее попсовой, и более прогрессивной. А уж о красоте, величии, гениальности и значимости для всего музыкального мира говорить не приходится.

культовый “двойник” Лед Зеппелин «Physical Graffiti» стоил тогда ровно столько же.

Прослушав «ZOOLOOK», понял: даже если б он стоил в десять раз больше – я бы не выдержал. Купил.

: Это было нечто, словами абсолютно невыразимое. Фантастически-прекрасное, сказочное, жёстко-логичное — и гениальное. По самым низким оценкам.

Мы слушали его у меня дома вместе с Димой Веселиным – замечательным физиком, с которым меня свела совместная работа в НИКИМПе. Дима имел два полноценных высших образования + мигдаловский инженерный поток-семинар, – профессионально занимался физикой ТМЛ и матричной теорией мира... И, естественно, экстрасенсорикой.⁸⁸

Он слушал этот альбом с “рамкой” в руке — рамка на звуки “Зоолока” реагировала, как на живого человека.

Прослушав альбом, Дима высказал мнение, что “мировая музыка подошла к своему логическому концу”. Всё, что будет написано дальше – бессмысленно.

: Хмырь, Барон, Сапиенс, Зелёный Змей и Мамонт в один голос запретили приносить его в Никиты. “Во избежании”. По крайней мере, ни в коем случае не брать на предстоящий Новый год – подготовкой к которому мы были в те дни весьма озабочены.

Но я взял. В общем-то, практически случайно – во время сборов перепутав пару кассет. Ибо сборы, как обычно, были весьма судорожными.

И вот что из этого вышло⁸⁹:

«НА КАРАЧКАХ ЛЮДИ РАСПОЛЗАЮТСЯ,
СОТРЯСАЕТ УЖАС ХЛИПКИЙ СВОД —
ВОТ КАКИЕ ВЕЩИ ПОЛУЧАЮТСЯ,
ЕСЛИ С ЖАРОМ ВСТРЕТИТЬ НОВЫЙ ГОД!..»

: Было написано в нашей новогодней газете.

: Думали — шутка.

Но “в каждой шутке есть доля шутки”...

: Даже букв переправлять не пришлось – всё было написано заглавными, и поди теперь разбери, что имелось в виду: с “жаром”, с настроением, – или...

... А мы потом месяц ещё не могли нормально музыку слушать: **никакую**. Если под “слушаньем”, конечно, не подразумевать дрыгалки — а под “музы-

⁸⁸ В НИКИМПе Дима подрабатывал программистом. В 1991 ÷ 1993 гг. мы с ним разработали и провели ряд закрытых пребываний спелеоэкстрасенсорной направленности; они легли в основу почти документальной повести «Злаки Воздуха».

⁸⁹ Цитирую по своей повести «Долгая Ночь у Костра» – в качестве акта исторической справедливости вернув персонажам и гротам их подлинные имена и названия.

кой” что-нибудь вроде “Высоцкого для бедных” — Розенбаума. (Или “Розенбаума для нищих”: Митяева...)

— Или ‘массового лая’.

А было так:

: Перед входом я встретил Хмыря. Он одевался — уезжал в город. У Хмыря редкостная интуиция, и если он уезжает...

— Ты чего?.. — говорю.

— Да так, — отвечает, — тухло там чего-то.

: Было это уже 31-ого числа, до Нового года оставались считанные часы — а встречать его мы договаривались вместе: под землёй, в гроте Зелёного Змея «У трёх охотников». В Бородинских Полях.

— Чего “тухло”? — переспрашиваю я. Потому что странно это было: вдруг так бросить всё и уехать. Ведь Хмырь был в числе наших квартирьеров — то есть тех, кто ещё вчера затащил в Бородинские Поля всю аппаратуру, питание к ней, ёлку...

— Да я и сам не пойму, что, — говорит он, — только не по душе мне это. Уеду в город. Что-то там не так — под землёй...

И уехал.

: Жалко, конечно, — да что поделаешь? Мало-ли какие у человека фантазии...

— Хотя: Хмырь и фантазии... Малость несовместимо.

Я, конечно, удивился: готовили всё вместе — а теперь...

— Переодеваюсь, спускаюсь вниз, читаю Журнал; выясняю, сколько народу уже пришло, кто где стоит — и иду первым делом к “Трёх охотникам”. А там...

: Это всё “зелёно-змеевско-мамонтские инициативы” — пустили козлов сторожить капусту...

— Н-еее, — изрекает Мамонт, с трудом отрывая голову от чьего-то спального, — м-мы йшо н-ня сегодня оставили.

: “Н-ня сегодня”. Встречать 1985 Новый год в Никиты приехало больше 40 человек — а оставили они нам на всех, включая себя, болезных, 2 бутылки водки, 1 шампанского и всего одну — вина. Совершенно сухого.

— *Чтоб я ещё хоть раз в жизни согласился, чтобы ква- (именно “ква”) -ртирьерями у нас были Мамонт, Зелёный Змей и венец нашего гитарного пещерного психodela Асисяй!..*

: Квартирьеры и Гланды. А также бессмертный “Кафказ”, —

: Компания та ещё. Решил, что Хмырь из-за этого ушёл — из-за пьянки ихней, или из-за того, что они весь официально заготовленный спиртовой запас прикончили.

Оказалось — нет.

— Но это только потом оказалось.

Собственно, основное они ещё вчера всё-таки подготовили — даже непонятно, *как* — учитывая их сегодняшнее sos-стояние,— правда, ёлку Вася Тихонов с Довеском притащили не ахти какую и игрушек было не больно много — но всё ж достаточно. И не в количестве игрушек праздник.

: От аккумуляторов мы на этот раз отказались — решили попробовать работать на смотках батареек. С усилителем и магнитофоном тоже решили попроще: всё в моно было, только колонки две штуки — сверив фазы, наши радиозатейники колонки к усилителю параллельно подсоединили: провод в провод.

Газеты ребята доставили в целости — шесть полноформатных ватманских листов — и, по-моему, очень удачные они у нас в этот раз получились; ещё бы — целая бригада “малеров” две ночи подряд у меня дома трудилась: Хмырь, Наш Главный Господин Оформитель и восходящая звезда в жанре никитской карикатуры Юра Кирик; часть приколов, рифмовок и хохм была моего традиционного творчества,— а ещё Иван Рыбаков со своим убойным чёрным юмором, Джонни из Оренбурга с Лешим и наши чешские друзья: Карел и Франта. А также сестрица Карела, от которой не отлипал Пюля — чем, по-моему, только мешал производственному процессу. Хорошо ещё, что жёны наши привычны к таким ночным сборищам — Ольга заранее отвезла Иришку на эти дни к своей маме. Так что газеты просто не могли не получиться. И за аппаратуру я, в общем, тоже был спокоен < аппаратурой, состоявшей из магнитофона, усилителя, колонок и цветомузыкальной установки, в эти же дни, то есть ночи, занималась на Юго-Западной дома у Киры наша электронная бригада — Барон, Вася Тихонов и собственно Длинный Кира > —

— *Вот только стишок о ЖАРЕ...* Явно хмырёвского авторства и ближе к четырём часам утра, чем, скажем, к полуночи,—

...: Нарядили ёлку, развесили газеты по гроту — новые и несколько старых, что пользуются в Никитском Кругу немеркнувшей популярностью,—

Девчёнки начали колдовать на будущем праздничным столом, электронщики настраивать аппаратуру.

Я с супругой, чехами и оренбуржцами отправился в Девятку: её мы предоставили в качестве гостевого грота.

— Зелёный Змей с Мамонтом и Асисяем, и с ними Катерина Михална из Зеленограда в группу встречающих организовались: все в костюмах, в масках — Катерина, естественно, Снегурченко вырядилась; Асисяй, что для него характерно — весь в чёрном с головы до ног, только в маске три дыры для глаз и сигары,— Зелёный Змей, соответственно, Белого изображал.

И дубины здоровенные из крепей местных в руках — у всех троих. Стоят в Акульем, Катерину посередине держат — проход на Централку перегораживают, дань животворящую к новогоднему столу с гостей собирают: ханью, жратвой, выпивкой для общего стола и своего опохмела,— а также песнями и анекдотами

с приходящими обмениваются.

Мамонт перед ними у Журнала Пёр-Ноэля играл: в соответствующем карнавальном костюме сидел по-турецки на большом канцелярском столе, красной скатертью крытом — как они его только в Систему затащили?! — и патефон заводил, как только во входе свет вновь пришедших показывался: “у самовара я и моя Маша”, “Рио-Риту” и прочее — всего пластинок десять было,— их Ванька вместе с патефоном у какой-то своей дальней бабушки в чулане на чердаке конфисковал.

: В общем, насобирали они на Общий Стол целое изобилие. Только выпивки всё ж маловато оказалось — ну да это к лучшему было: кто хотел ‘укушаться’, ‘накушался’ вчера.

А мы для другого собрались.

Причём в таком суммарном кличестве, что миниатюрно-камерный “У трёх охотников” по размерам своим просто не мг вместить — однако...

: кроме постоянной змеёвской команды ещё чуть-ли не 40 человеко/гостей влезло,— демократы/буржуины наши — чешские трампы-спелеологи Карел, Франта и Янка с примкнувшим к ним, то есть, к ней, Пюлей-перебежчиком < + пюлин дружбан из ФРГ — безработный разгильдяй-автостопщик Томас, что к своим 23-м уже успел объездить “стопом” полмира: паспорт читался, как малый географический атлас — и вот занесла его нелёгкая в совок под Новый год,— уж не знаю, каким макаром он пересёк в 1984 году на замок запертую советскую границу и на какой трассе познакомился с Пюлей (знаю только, что мимо ближайшего кабака она промахнуться не могла) — окончилось это знакомство в Никитах: просидел бедняга Томас весь вечер, забившись в спальный уголок грота, и только испуганно глазами от ужаса распахнутыми на наше, не снившееся ему в кошмарном немецком сне, веселье позыркивал — да прикладывался периодически к персонально предложенной ему фляжечке с чем-то душегреющим >; это почётные гости были, дополнял когорту которых Джонни из Оренбурга с другом Лешим; далее шли “почти свои” — из Балашихи, Зеленограда, Жуковского и Фрязино — ну и те москвичи, что постоянно ходили в Никиты, в том числе и (к моему несказанному изумлению) КрАкодил: столько лет о нём ничего не было слышно — как ободранный, в сопровождении Базы из Чаши выкинулся — и вдруг заявился: прямо под Новый год, ровно в без-пяти-двенадцать...

— *Как только мы все друг друга на радостях не раздавили???*

: Не понимаю.

А ведь ещё аппаратура была: колонки, мигалка с гирляндами, магнитофон, усилитель и блоки питания на всё это — длинные смотки батареек, которых лучше было не касаться... + Ёлка, газеты и кухня — примуса, вода, бензин, суeta и неразбериха,—

— Но всё это только антураж был. Декор.

: ПРЕАМБУЛА.

Потому что **самое важное** — то, из-за чего я это рассказываю — началось

после, когда мы сам Новый год встретили.

: когда программа, подготовленная заранее, исчерпалась и все наелись, напились — в основном, по милости квартирьеров, чая — напелись и наорались песен (‘потому что грот без песен тесен’) и даже *наплясались*,—

— Да! Мы ещё умудрились сплясать вокруг стола под псевдобитловские вариации “Stars on ’45”,— только для этого пришлось всем одновременно встать и одновременно садиться потом, по возможности не обращая внимания на отдавленные руки, ноги и головы,—

— и народ начал потихоньку расходиться: по своим гротам или по Системе в новогоднюю ночь погулять, с глюками пообщаться,— и по иным гостям: слава Богу, Бородинские Поля не центр Никитской Системы и свет на них клином не сошёлся — многие из тех, кто прибыли в эту ночь в Никиты, стояли в своих традиционных гротах и также приглашали к себе,—

: ВОТ ТУТ ВСЁ И ПРОИЗОШЛО.

... Нас осталось “У трёх охотников” несколько человек: я, Довесок, моя жена Ольга,— ещё Джонни из Оренбурга и Саша Никольский. Они с Джонни никуда гулять не пошли, потому что затеяли ритуальный трёп о тупиках развития отечественной фантастики в свете зоркой десницы “Молодой Г.”: ‘перпетуум-тема’... Только скучновата для новогодней ночи. И приелась порядком: за ‘ляди, жопы, жизни’ в этой стране. Но что делать? Гитаристов в гроте тоже не осталось: Президент, Мамонт и Асисяй со своими бандурами в новогоднее турне по системе отправились. И в “Трёх охотниках” стало немного скучно.

Смотрю — Индикатор с Томасом⁹⁰, подводя окончательные итоги второй мировой войны, накрылись спальничком на спальном полке и потихоньку начали издавать характерные звуки: один на немецком, другой на нашем языке. Типа “хррр-пшш”.

В соседнем спальнике Барон прикорнул: незаметно-тихо.

— А тут Вася Тихонов, наш главный радиозатейник, с Катериной Михалной и Франтой с гулянок вернулись. И я говорю Васе:

— Поставь новый блок батареек, а то те, небось, уже сели.

: Говорю это, а сам кассету в руке кручу — я её случайно из общей стопки взял и вертел в руках машинально.

: Есть у меня такая привычка — когда в разговоре или действиях пауза возникает, что-то в руки взять; наверное, от курения трубки.

— Что слушать будем? — любопытствует Вася.

— Да,— говорю ему,— что-нибудь тихое, фоновое: чтоб soldaten на нарах не разбудить. Пусть их немного поспят, значит.

— Ладно,— говорит Вася свою любимую фразу — и соединяет последовательно с блоком батареек, что уже часов шесть отработал, новый блок. То есть

⁹⁰ Которого к этому моменту шаловливые на язык никитяне звали исключительно Тормансом — намекая сразу на многое.

напряжение на усилитель чуть-ли не в два раза больше подаёт — а оно и от одного блока вольт 20 было, не меньше.

— Что ты делаешь,— говорю,— вдруг “выходные” полетят?

: я транзисторы выходные в усилителе имел в виду — мощность-то при таком подключении чуть-ли не в четыре раза возрастает...

— И чёрт с ними,— отвечает он мне,— плевать. Программу всю откатали.

«Да,— думаю,— может вообще не надо больше никакой музыки: не один же магнитофон слушать. Да и эти на нарах...»

— По-моему, этих потомков недовоевавших ветеранов⁹¹ ничем не разбудишь,— говорит Катерина Михална,— так что врубайте, как хотите.

И я — чтоб паузу случайно-неловкую как-то занять,— гитаристов-то нет, а мне после Асися и Президента лучше никаких инструментов не касаться, кроме шанцевых,— чтоб заполнить возникшую паузу, начинаю рассказывать им про то, как нас с КрАкодилем привалило. Когда Свеча у Шагала погасла.

: Рождественский ужастик. А главное — в самое время.

— Да только не собирался я его никому рассказывать: не люблю я этого. А тут словно нашло что-то... Может — потому, что КрАкодил вернулся?..

: Тогда я не успел об этом подумать — начал рассказывать, как автомат, будто кто извне включил меня... И не знаю до сих пор: то-ли от моего рассказа всё получилось,— ведь я как бы *набрал Её код, позвал Её*,— хоть и не досказал до конца... Но мысленно-то *всё вспомнил* —

— А может, нечто *извне* так сложило: меня, запись ‘Ж-М-Ж’, КрАкодила и ту историю. И нас всех. В четыре часа утра новогодней ночи.

Рассказываю — и вдруг посреди рассказа в грот Рыбаков вваливается, уже изрядно навеселе. Ну, думаю, всё. Сейчас ляпнет на брудершафт с другом Тихоновым — «вот так и рождаются нездоровые сенсуации!!!» [далее уничижительный гогот арпеджио] — или типа того. Они же не могут без подковырок —

— Но оба молчат.

Я останавливаюсь, смотрю на них — жду, что будет...

: Молчат. Только по карманам курево шарят,—

— И в гроте вновь *пауза*:

: *все смотрят на кассету, что я в руках держу. И я на неё смотрю.*

— Тут в грот вваливаются Карел с Мамонтом в обнимку, а за ними одновременно Асися с Президентом со своими бандурами наперевес — нагулялись, значит. И Пюля с Янкой и Зелёным Змеем. И Валька

⁹¹ Во время подготовки новогоднего стола выяснилось: дед Томаса остался под Сталинградом, дед Индикатора — под Кенигсбергом. Соответственно, неискушённый в совковой топономике Томас всё допытывался у нас, “как проехать до Сталинграда”,— я порекомендовал ему “машинцайт”.

Шапиро.

: Вваливаются — и тоже молчат. Никто ничего не говорит: все смотрят на меня, а я стою столбом в центре грота. Как крепь — только до потолка не дотягиваю.

— Ну, **давай**,— хрипло вдруг говорит Рыбаков,— ставь её. Чего тянешь?..

— И я втыкаю свою кассету в мафон и нажимаю “вкл”.

И только тут соображаю, что это — “ZOOLOOK”.

: И тут кто-то ещё протискивается в грот.

— И ещё...

И снова почти все — в Бородинских Полях. “У трёх охотников”.

И музыка гремит на полную громкость. Не знаю, сколько там ватт получилось... Да не в них дело,—

— *Это была **вовсе не та** музыка.*

Точнее — не та, что я слушал дома с диска и с той же самой кассеты. Хотя и очень похожа,— но будто скорость иная, или инструменты иные, звучащие по-иному, и странно иначе звучащая мелодия —

Поначалу решил: у аппарата питание село,— он отдельно от усилителя, от своих батареек питался,— смотрю на индикатор — всё в норме. А музыка продолжает играть: та и не та одновременно.

: В гроте темнота — кто-то погасил свечи и плекс — только сигареты красными светлячками в темноте парят и так слабо шевелятся,—

— И постепенно я начинаю понимать, *что же это мы слышим:*

— Да, это был “ZOOLOOK” ‘J-M-J’; он — но и ещё *что-то*:

: ***Нечто, чему никто из нас названия не знал.*** И это неведомое нам подземное *нечто* словно переговаривалось с музыкой ‘Ж-М-Ж’:

: Из одной колонки был ясно слышен “ZOOLOOK”, а из другой совсем иная музыка, иной звук — будто ответ на то, что было в музыке ‘Ж-М-Ж’. А я сижу меж колонок, меж этой странной — и страшной, и одновременно прекрасной музыкой — дурак дураком меж двух гениев, говорящих через меня, словно по телефонному аппарату, на своём великом языке — и ничего не понимаю.

: Колонки были соединены параллельно.

: Провод-в-провод, строго в фазу — и запись была *моно*.

— Как и магнитофон с усилителем.

— Тут КрАкодил показывает мне в темноте свою руку:

А рука его светится.

: Светится мягким зеленоватым светом перчатка, надетая на неё.

: *ГНИЛУШКА* —

— Он вымазался в светящейся трухе, ко-

гда переползал через старую крепь.

Только гниль, что размазана у него по ладони, светится в такт музыке.

— И я уже совсем перестаю что-либо понимать.

Лишь слушаю. И всё.

А потом запись кончилась —

— *‘И НАЧАЛОСЬ КИНО’*:

: Все разом кинулись из грота.

— Выход из “трёх охотников” один, узкий; возникла давка...

Этот момент я очень плохо помню. Помню только — огромное, безмерное *чувство страха, что знало нас,— куда?..*

: *ПРОЧЬ-ПРОЧЬ-ПРОЧЬ-ПРОЧЬ-ПРОЧЬ-ПРОЧЬ...*

< ... >

: **ЛАКУНА.**

...: пришёл в себя вместе с

Васей Тихоновым в Бородинских Полях. Примерно посередине системы — как представлялось. В голове одна мысль: *дойти до Белой Колокольни.*

Там натёки очень красивые; никитяне их Белой Бородой называют. Карстоведы — “мундмилхен”, лунное молоко. Место для всего никитского народа почти культовое — как Сумасшедший Барабанщик в ЖБК или места гибели Шагала и Шкварина. Специалисты по карсту, споря о происхождении этих натёков, полагают их весьма целебными < достоверно известно лишь, что к собственно карсту они имеют отдалённое отношение — причём, в отличие от сталактитовых образований, называемых карстоведами и спелеологами “натёками” и натёками вовсе не являющихся, а являющихся продуктами явной кристаллизации — мундмилхен *именно натёки* — и это всё, что про них толком известно >,—

— *НО ПОЧЕМУ ИМЕННО ТУДА???*

: Не знаю. Но мысль «мы должны дойти до Белой Бороды» звучит у меня и у Васи в полный унисон. Как диктовка, не терпящая возражений.

— Идём. Точнее, *пытаемся идти.*

Дорогу до Колокольни знаем, как свои пять пальцев — с закрытыми глазами бы дошли, и без света,—

: *как от Журнала до выхода —*

— *НО ПОЧЕМУ-ТО МЫ НЕ МОЖЕМ ТУДА ДОЙТИ.*

: Всё кружим, кружим, кружим... Как чайники, путаемся меж плит, щелей, шкурников, крепей, поворотов, развилок...

— **И не узнаём ничего вокруг:**

: *Другая Система. НЕ НИКИТЫ.*

На алкогольное опьянение потерю ориентации не списать — “чего не было, того не было”. По поведенным выше причинам. Да и не случалось ещё ни разу такого в Никитах — чтоб пьяный заблудился. Отчего-то под землёй как раз с

пьяными ничего чрезвычайного не происходит —

: *то-ли Контакт у них с Дзуликой плотнее, чем у замороженных суетной вербалкой трезвячков,—*

... То-ли ещё что. Нам не ведомое.

Мы же, к сожалению — трезвые. И оттого вдвойне страшнее и непонятней: как можно ползать по чуть-ли не на ощупь известным камням — и не признавать их?..

Измученные и осатаневшие от этой мистической круговерти, мы с Васей буквально падаем на какую-то большую треугольную плиту — каждый у одного из её углов.

: Третьим своим углом плита упирается в стык потолка и стены.

— Всё,— говорит Тихонов,— давай бросать монету: идём дальше — или пытаемся вернуться.

: Монеты у нас нет.

И мы не представляем, где находимся.

— Абсолютно. В родных до дрожи Никитах...

В очень маленькой их системе, в которой суммарная длина ходов — какие-то 300 метров.

С максимальной фантазией — 500.

Тогда мы решаем бросить перчатку. Загадываем: упадёт ладонью вверх — ищем Белую Колокольню; если ладонью на камень — ищем дорогу обратно. До грота.

: Бросаем...

Она падает ровно посередине этой плиты.

: В самом центре.

— И одновременно на том конце плиты, что был пустой и как бы упирался в свод, возникает Совершенно-Очумелый Сусанин.

: Полная симметрия.

Мы сидим молча в вершинах этого многотонного треугольника [картина психоделическая: «Три известных никитских спелестолога в совершенно-очумелом состоянии после встречи Нового года под музыку французского композитора Жана-Мишеля Жаре не знают, что им делать»] и смотрим на пустую перчатку.

Которая лежит на боку точно посреди между нами — *и показывает нам фигу.*

: Так у неё сложились пустые пальцы.

— Где “Три Охотника”? — наконец спрашиваю я у Сусанина.

— Там,— отвечает он, немного заикаясь — вместо того, чтоб, как обычно, среагировать: «нашёл, у кого спрашивать»,— *я пока упираюсь в них своей ж...*

— *МЫ С ВАСЕЙ БУКВАЛЬНО СМЕТАЕМ ЕГО С ЭТОЙ ПЛИТЫ:*

... а потом долго, долго — очень долго — приходим в себя.

: ПОТОМУ ЧТО У ДРУГИХ БЫЛО

ЕЩЁ ХУЖЕ.

Кроме безмятежно проспавших Индикатора, Барона и Томаса.

Утром Томас начинает рассказывать всем, какой ему дивный сон снился. Пюля переводит. В дивном сне фигурируют некое божество, подземное царство, каким-то образом ассоциирующееся с мирами иными — и райская музыка.

Индикатор слово-в-слово пытается рассказать тоже самое, не прибегая к помощи переводчиков.

Барон свои сновидения описал так:

— Ну, хорошая музыка снилась. Настоящая. Зримая. Как фильм. И что?..

: для него такой отзыв — что другому полгода без остановки нахваливать и нахваливать.

Конечно, ни о чём ином в ближайшие месяцы в Никитах не говорили.

И не только в Никитах.

Мы с Веселиным, Гномом, Бароном, Вале́й Шапиро и Сапиенсом обсудили наше новогоднее “зоологическое” приключение. И решили поставить ключевой эксперимент. Независимо друг от друга.

Сапиенс провёл свой в Силикатах. Специально выбрав наиболее “мёртвую”, по общераспространённому в спелестологической среде мнению, подмосковную каменоломню. За десятилетия перманентной химической войны насквозь протравленную волоками и ‘убитую’ пьянством,—

: Как казалось нам. Из никитских ‘тонко эстетствующих’ окоёмов.

Мы с Веселиным и Шапиро задумали иное.

Чтоб не ‘сглазить’ результаты друг друга и избежать возможного влияния, даты своих экспериментов держали в тайне. Как и методики.

При этом Сапиенс задумал однодневное пребывание — я решил уходить на месяц. По Москве прошёл “день донора” — разменял свою кровь на три отгула; ещё несколько заработал, по вечерам дежуря в ДНД. В хулиганско-лимитном квартале Бирюлёво. < За дежурства там не отгулы — отпуска давать надо. >

Но хватило и отгулов: вместе с отпуском, который я к радости начальства изволил взять зимой, как раз получался месяц. Времени на релаксацию, правда, не оставалось — ну да не беда. Полагал, что не особо в ней буду нуждаться:

Российский спелестолог — не какой-то там избалованный западный Сифр.

Тем не менее: как мы ни скрывали друг от друга даты наших экспериментов — получилось, что провели их в результате день-в-день.

: Я в Никитах.

— Сапиенс в Силикатах.

: Объяснения этому нет.

И поскольку рассказ Сапиенса об его опыте короче — вначале слово ему⁹²:

«... Слушать решили в Обвальном — есть в Силикатах такой зал, не сильно далеко от входа. Пол с наклоном, нечто вроде амфитеатра. То есть для

⁹² Цитирую в том виде, как он изложен в повести «Долгая ночь у Костра».

наших концертно-испытательных целей Обвальный был самым подходящим местом: магнитофон у монолитной стены по центру грота расположили, колоночки отстегнули и в стороны разнесли — и расселись на пенках на наклонной осыпи вокруг. Было нас 8 человек, и все 8 — в смысле музыкальных вкусов — были один на другого не похожи: КСП, джаз, панк, классика, металл... А один даже вовсе глухонемой был — для контроля. Всё, что он мог — видеть. И чувствовать, если что “изнутри прибудет”. Но большего от него не требовалось. Кстати, замечу, что люди, ущербные в отношении каких-либо чувств, часто имеют против прочих огромную фору в области иных сенсорных восприятий Мира; так что в этом смысле мы на него очень надеялись: ведь коль приходит изнутри, не через слух — а звуком лишь кажется...

: В общем, надеюсь, понятно.

Аппаратура у нас была — замечательный “Шарп” хай-фай с двумя колонками комбинированными по 45 ватт на канал. В общем, получше, чем на Новый год в Никитах. На пару порядков.

— А идея такая была: как эта музыка будет восприниматься просто под землёй — но на качественной аппаратуре и разными, заранее не подготовленными людьми? **То есть в чём же действительно было дело: в Никитах, в музыке, в пещере — или в людях?..**

— И ПОЛУЧИЛИ ОТВЕТ:

: Грубо говоря, так на < ... > меня ещё ни разу в жизни не посылали.

... Начали слушать — и сразу все в восьмиром отрубилась: начисто, даже контрольный глухонемой кролик ушами хлопнуть не успел в знак внимания — что, мол, слышит-чуёт нечто своё, нам не ведомое. Хотя и — между прочим — все трезвые были. Абсолютно.

А как пришли в себя, смотрим — кассета доиграла, аппарат выключенный стоит, — и весь дальний конец грота под обвалом.

: Тонн на сто “чемодан” рухнул — и раскололся на части... А мы ничего не помним. Никто ничего не видел, не слышал, не заметил...

— Закутали “виновника торжества” в одеяла, в спальники, — и на выход.

Вынесли его на поверхность аккуратно — на руках выносили, ни стеночки, ни единого камушка не задели, — с этим-то в Силикатах коридорных много проще, чем в Никитах, —

...: Привожу домой, включаю — **не работает.**

: Ничего не напишешь — вначале внимательно осматриваю снаружи на предмет повреждений корпуса, — не обнаружась ни царапинки, открываю заднюю крышку. Разбираться и ущерб прикидывать. Ибо если “вылетела” какая-нибудь подло-уникальная микруха — считай, не было у меня никакого “шарпа”. А был лишь расход финансов в немыслимых нормальному человеку размерах.

Открываю крышку, лезу внутрь — вижу: в плате дыра рваная, как от удара.

И корпус совершенно цел.

: Вот тебе “мёртвая пещера”...

: Вот тебе “просто музыка”. А люди...»

: Люди, наверное, ни при чём. Достаточно одного Контактёра среди присутствующих. И резонанс с энергетической подпиткой окружающих – обеспечен.

– Как выяснили мы с Веселиным.

25-ого января, в день рождения В. С. Высоцкого я погрузился в Никиты. Стоять решил в излюбленной Девятке. Шапиро с Президентом, Бароном и Зелёным Змеем помогли с заброской; договорились, что через две недели состоится контрольная экспедиция посещения – ребята принесут свежий хлеб, запасные батарейки (если мои сядут) и бензин. Заодно Шапиро должен был провести полное тестирование моей физиологии по своим методикам. < Все необходимые приборы контроля я брал с собой и должен был каждый день тестироваться самостоятельно — но есть исследования, которые может провести на тебе только посторонний человек. Причём обладающий должным профессиональным опытом. >

Из приборов у меня были измеритель тремора, датчик кожно-гальванической реакции, измеритель мышечной реакции, пьезодинамический датчик развиваемого усилия, офтальмологический тестер, звуковой генератор эталонных частот для проверки слуха,— другие приборы были вполне общепринятыми в медицине: аппарат измерения давления в комплекте со стетоскопом, чувствительные термометры и так далее. “+” была кое-какая специальная аппаратура ‘от Веселина’ – поскольку она является диминим научным “ноу-хау”, от описания уклонюсь.

И сразу замечу: *параметрические данные, получаемые в ходе любого спелеонавтического (сурдокамерного, физиологического или иного) исследования, являются достоянием и научной собственностью добывшего их исследователя. До специальной публикации разглашению не подлежат.*

Ибо до фига вокруг любопытствующих хамоватых субъектов, что сидя в уютных креслах, ни копейки не желают выделить на проводимые энтузиастами исследования. Однако результаты им “вынь да положь”. Особенно – таблицы параметрии. Которые они, палец о палец не ударивши для твоего исследования, вольны будут интерпретировать, как им хочется. И подгонять под свои кабинетные домыслы.

— Нет, ребята-дармоеды. “Утром деньги – результаты исследований вечером”.

Или – строго в обмен на равнозначную информацию, скреплённое соответствующим договором участие в следующих проектах. Ибо исследователь, который не ценит результатов своего труда – не ценит ничьих результатов исследований.

: Я равно уважаю свой труд и труд своих коллег. Никогда не скрывал наработанных знаний от тех, кому было со мной по пути. Пусть и не вместе. Гном платил мне тем же. После смерти Саши его архив перешёл ко мне – ибо пока он был жив, мы не скрывали своих результатов друг от друга.

Желающий может всем этим воспользоваться. Если идти ему по той дороге, которой не дошли мы. Праздно любопытствующий потребитель не получит ничего. Потому что слишком дорогой ценой было оплачено наше Знание.

: Читатель этой книги прочтёт о том, что было главным в моих пребываниях. И пребываниях моих друзей. Узнает о наших выводах — ибо из этого секрета я делать не собираюсь. А потому следуем дальше.

: Конечно, среди прочей аппаратуры был магнитофон. Не столь роскошный, как у Сапиенса — но вполне достаточный для заявленных целей.

К нему было около 20 кассет — Лорес, Луферов, Мирзаян, Бережков, Высоцкий, любимые чимганские записи, — Маккартни, Юрай Хип, Пинк Флойд, Слэйд и Пёрпл. И Битлз.

И, конечно, ‘Ж-М-Ж’. На одной кассете “Оксиген” и “Эквинокс”. На другой “Зоолоок”. С одной стороны.

Другая была пустая.

Этикеток и иных опознавательных символов на кассетных плоскостях не было. Я не знал, какой стороной в кассете стоит лента. Веселин несколько раз перемотал её,—

: специально. Я должен был угадать, когда придёт время.

Угадать само время — и сторону его.

В терминологии Веселина это называлось “выбор МЛ”. Её верхней — белой, нечётной — или нижней: чёрной, чётной энергетической составляющей.

: Такая вот спелеоэкстрасенсорика. В сочетании с новейшими физическими представлениями. Ибо всё гениальное — действительно просто.

“Пробовать звук” и потом перематывать — коль выяснилось бы, что “выпало пусто” — было запрещено. Можно было либо включить без предварительной перемотки, либо перемотать и включить потом.

Попытайся я нарушить это условие — всё равно б ничего не получилось.

: Экстрасенсорные эксперименты делаются один раз, без дублей, без игры и лажи — и публичным повторам не подлежат.

: либо одно, либо другое. Разделение проходит каждый хронон ветвящейся Мировой Линии.

— “и хватит об этом”. В качестве киота, в котором происходило действие, приведу несколько фрагментов из своего Дневника Пребывания:

«25.01.85. Как и в 79-м, я в Никитах на две недели.⁹³ Должен был залезть раньше, но из-за болезни дата передвинулась и вместо намеченного 8-ого залез под землю 25-ого. Уже перед самым выходом из дома вспомнил, что в 79-м я залезал под землю тоже 25-ого января, и накануне также был болен. Совпадение символично.

⁹³ Планировалось, что после двух дней “с сопровождением” две недели я одиночно нахожусь под землёй; затем ставлю задуманный мной и Веселиным эксперимент. Если всё проходит успешно — остаюсь ещё на две недели.

: Тогда я впервые увидел Свечение Свода. Цель теперь – такая, что писать о ней не хочется. Чтобы не сглазить.

Стою в Девятке; в 79-м стояли в Чаше. [Левая / Правая системы. Время. Сравнение.⁹⁴] Еды, света, бензина – в обрез; из-за болезни и кучи дел в городе не сумел как следует подготовиться. Одна надежда: на экспедицию посещения, что по плану должна подытожить первые мои две недели. На этот раз – одиночного пребывания. Как зимой/весной 82-ого, – в этом отличие от 79-ого года. Но начинается, похоже, почти, как тогда.

Приехали с Бароном, его подругой Ленкой и Мраком на предпоследнем автобусе. Закинули вещи; я сбегал на водокап за водой, приготовили чай. В 21.30 от моста пешком пришли Президент, Змей, Крыса, Довесок и Валентин. Принесли недостающую часть приборов, батареек, продукты. Крыса – как в 79-м. < Но нет уж с нами Виталика... Впрочем, на пребывании 79-ого его тоже не было. Ещё. >

Президент ехать вначале не собирался, – его уломал Змей. Ромка во всём цивилизованном – как я в Володарах в 79-м.

[Ассоциации, память.]

Отмечали день рождения В.С.В. (Представляю, что сейчас творится на Ваганьково...) У нас в Девятке было хорошо. Барон принёс фотографию Высоцкого; повесили её в самом уютном уголке над столом. Слушали “Натянутый Канат” и второй французский альбом RCA 37029 – в просторечии “Аисты”. Под периодические взгляды на фотографию.

Обговорили планы на Пребывание и на завтрашний день; завтра – день рожденья Президента. [...]

27.01.85, воскресенье. [...] Барон с Ленкой отправились ставить Свечу Шкварину, – вернулись через 5 часов со стороны Шагала. Кремни! Из Системы все уходят, только у нас в Девятке остаются Барон и Шапиро (до вторника) и Президент, Ника и Рудик из Домодедово (до завтра).

Зримо ощущается, как в Системе становится пусто, тепло и уютно. Удивительное чувство.

Ужинали тихо и спокойно; слушали У. Н., Р. Мс., Р. Ф. – дожигали старые батарейки. Рудик их кипятил в кане, стучал друг о друга, мял, – в общем, совершил массу ворожащих действий. Зрелище было сильнее любого цирка. (Магнитофон ему послушать хотелось, но я сказал, что новых батареек вставлять не буду: мне на Пребывании будут нужнее.) После ужина застелили стол красной скатертью, играли в шашки. Президент выиграл у всех.

⁹⁴ Чаша – первый оборудованный мной и моей тогдашней группой “Уэм” (в 1976 году) стояночный грот в Никитах. Находится на левом краю Ближней системы Никит. Девятка находится на правом краю той же Ближней системы. (Была оборудована нами осенью 1982 года.) То есть относительно условного центра Никит эти гроты расположены достаточно симметрично, один на краю левого поля, другой на краю правого. Как представлялось мне в 1985 году, эта “перемена обитаемых мест” отражала наше движение в Никитах не только в географическом, но в моральном, социальном и эзотерическом планах также.

Красивая картина: чистая красная скатерть; на ней лишь шашечное поле, магнитофон на подушечке и светильник-лампадка (подарок на пребывание от Зелёного Змея).

28.01.85, понедельник. День в основном провели в гроте. Я адаптируюсь к Подземле; сегодня третий, последний день адаптации. По опыту знаю, что уже к вечеру буду по Системе порхать летучей мышкой... Впрочем, порхать не в чем. Совершенно развалились проклятые модернистские 'дуноходы', — а ведь Пребывание толком не началось... «Что же дальше будет, Вондервуд?..»

Встали в 11.30; эти разгильдяи (Рудик, Ника и Президент) в конечном итоге умудрились опоздать на все никитские автобусы. (С рефреном сборов: “на этот автобус мы уже явно опаздываем, а на следующий собираться пока рано” — и так до самого вечера.) На это тоже талант нужен...

Хорошо позавтракали — вкусно, сытно и в самый раз. После завтрака я зашивал развалившиеся сапоги и вкладыши; Барон и Валька ходили наверх в магазин за сахаром и хлебом. < Сахара и хлеба в гроте нет — в субботу их перевёл Вася. Просто сидел и жрал сахар с хлебом, говорил, что без этого не может. Клятвенно обещался привести сегодня — да так, паразит, и не приехал. Коль не можешь без хлеба с сахаром — что ж не носишь с собой?.. >

Магазин был закрыт на некий “учёт” — в силу чего Васе хочется набить морду.

Мы с Бароном ходили за водой к Шкварину; поставили Свечу. Валька с ребятами в это время осмотрели гроты, где в воскресенье стоял народ — на предмет остатков еды и света. Всё, что нашли, притащили в Девятку. Даже старые батарейки. Которые Рудик снова кипятил, мямлил и так далее. Очень ему хочется послушать чимганские записи. Ужинали славно — Президент сварил трофейную пищённую кашу, — к моему удивлению, весьма вкусно. Первый раз в жизни ел “проклятую с армии пищёнку” с таким удовольствием.

К ужину поставил на реанимированных Рудиком батарейках Стрижа. Слушал — и был там: на Чимгане.

Снова — память, ассоциации...

: Я живу Прошлым?.. Похоже на то. Но — в настоящем.

У ребят не только иссяк свет, но и курево. Президент долго сидел, смотрел на мусорницу — куда кидают всякий мелкий мусор, бычки и прочее. Затем в глазах его оформилась конкретная мысль — и одновременно к “кормушке”, как её называет Ромка, с той же мыслью кинулся Рудик. Они сцепились и покатались по штреку к туалету, посылая дорогу бычками. Мы принципиально не стали светить, — пришлось им ползать в темноте и искать бычки на ощупь. Или по запаху.

Даже не хочется, чтоб уходили ребята.

... написал эту мысль — и избавился от неё. Вроде бы.

29.01.85, вторник. Утром удалось отправить Президента, Нику и Рудика по домам. (Это мы с Бароном так думали.) После их ухода с часик доспали недоспанное; затем встали, привели себя в порядок и занялись делами. Первичная адаптация моя завершилась (на полную, согласно могофковским исследо-

ваниям, уйдёт две недели),– а потому Валька приступил к моему тестированию “по полной программе”. < Контрольное было проведено в четверг в городе у меня дома – Гномом и Валькой совместно. > Барон взял канистру для воды и отправился в магазин за продуктами.

Тестирование отняло около двух часов – радуется, что ежедневные мои тесты примерно в два раза короче.

К его окончанию вернулся Барон. Обрадовал нас следующими известиями:

а) на улице – благодать; вчера, кстати, была тоже, но совсем иного рода. Вчера все тона были мягкие, глубокие – сегодня всё ярко, всё блестит, всё контрастно – и небо, и солнце, и снег... < Известие воспринято с интересом, не более. >

б) В магазине Барон встретил наших орлов – их историю уже можно “продавать за стакан”. Конечно, они опоздали на все утренние автобусы; конечно, замёрзли, испытали тьму приключений... А может, Никиты не отпускают?.. Небось, завидуют мне...

И мне их жалко. В свою очередь.

Барон купил молоко, халву, сахар, хлеб, мясо, суп в банке – из немногих съедобных.

Сделали лёгкий завтрак: молоко, халва, хлеб, колбаса, сыр, чай, финский маргарин; к завтраку слушали Мишу Басина: записи, сделанные мной на Чимгане.

Валентин уехал в город; мы с Бароном ходили в ЖБК, к моему месту работы – здоровенному разлому, уходящему вверх по осыпи чёрной глины. Называется по стеклянной табличке «Комната женской гигиены». Отнесли туда снарягу, по дороге поставили Свечу Виктору Шагалу.

Я полчаса поработал, примериваясь к месту – Барон осваивал окрестности. Работать ужасно мерзко; на склоне не удержаться, глина почти не поддаётся – с одного удара кайло вырывает кусочек не больше половины спичечного коробка. Лопатой и ломом работать не легче. Замучился, спустился вниз. Тяги нет; до поверхности, возможно, ещё очень далеко.

По нашей с Бароном⁹⁵ съёмке высота хода до купола (относительно пола) + 8 м. Высоту холма мы не измеряли – привязки к низу выполнили по известным воронкам: у места гибели В. Шагала и около места гибели И. Шкварина. Барон полагает, что холм не выше 10 ÷ 12 м.

– Сколько ещё копать? [Барон считает, что ~ 2 м. Тогда, может, проще сверху попрыгать, а?..]

Вернулись в Девятку через центр Системы – Сейсмозона, Сетка < Сосед – Чайник – Б-Чердак >. Весьма удобная дорога. Обрато возвращаться было легко – сказывается адаптация.

По дороге осмотрели все стояночные гроты; в Соседе я нашёл отвёртку, в Подарке забрал оставленные Тимуром свечи. В брошенном Чайнике среди разной дряни и мусора отыскивали удобную жестяную флягу под бензин, сковородочку и в коробочке пряности к супу, которых мне так не хватало.

⁹⁵ Выполненной на осеннем двухнедельном пребывании.

< Ура! >

В Девятке перекусили, послушали “London town” Поля Мс. До чего славный альбом!..

Барон уехал на последнем автобусе. По-моему, ему тоже не хотелось уезжать.

Сессия кончилась, и он с удовольствием бы остался...

: Ага. И никаких экспериментов. По крайней мере, Главного.

Я поужинал; слушал “Оксиген”. Как мы его слушали в Чаше!

Почему-то здесь, под землёй, Прошлое такой явью обступает меня...

Под звуки Жана-Мишеля приходит множество мыслей – плавно от того, что было шесть лет назад (половина двенадцатилетнего цикла!) повернулся к тому, что предстоит. Не в ближайшие дни – в отношении своей писанины. Приходят темы, каждая из которых, как роман. Свет под землёй: во всех своих вариантах и методиках пользования, экономии < “борьба за огонь” >. Батарейки и аккумуляторы – отдельная тема. < Как с ними мудрил Славка! “Борьба за напряжение...” > Вода на пребывании: экономия, готовка пищи, гигиена. Оборудование водокапов. Музыка – что слушаем и как. Тема еды; приготовление пищи под землёй – священодейство. Одна из важнейших эстетических сторон человеческого бытия – как и любовь, получившая природный биохимический импульс, – но Разумом превращённая в одно из мерил и граней ощущения Мира... Тема: род деятельности под землёй. Сифр, имея чёткую программу исследований, просто умирал от безделья. А я думаю: хватило бы мне времени на всё... И писать хочется, и читать, и попробовать пробиться наверх из “Гигиены”; в гроте тоже, в принципе, много работы, ведь до бесконечности можно его благоустраивать, – а ещё гуляние по Системе: по старым местам, где давно не был – и поиск новых... Очевидно: даже я не знаю Никиты больше, чем наполовину. И то в лучшем случае, –

А тут ещё это тестирование.

И предстоящая “проба крестом”.

: Как на всё это может хватить времени?..

На ночь читал “Историю Греции”. Ужасает преклонение перед Спартой – по сути, первым фашистским государством. Статьи про Афины какие-то безъязыкие, корявые. А ведь только о киниках и орфиках можно было столько написать!

: Читал, пока книга не выпала из рук.

30. 01. 85, среда. С утра – радостное и светлое чувство: наконец-то. Первое моё настоящее одиночное пребывание.

– ДОРВАЛСЯ!!!»

: началась работа, в которой посторонним не было места.

Утро открывалось тестированием. Затем завтрак; одна сторона любой касеты. Как правило, к завтраку слушал авторскую песню. Затем обязательное гуляние по Системе – чередующееся с раскопочными работами. Возвращение в грот; снова тестирование. ‘Обедужин’, музыка (арт-рок); чтение. Сидя у стола в свете свечи – или лёжа в спальнике. Затем тестирование, чай, сон.

: Каждый день. И уверяю, двух одинаковых дней не было. Предо мной сейчас лежит дневник этого Пребывания; рядом – таблицы полученных данных. Температура, тремор, реакция, пульс,–

– по странице на каждое тестирование. И по странице на каждый день дневниковых записей. Примерно.

Можно цитировать всё подряд < кому скучно, легко пропустит эти страницы > – но можно воздержаться.

Ибо, как я уже написал, каждый день любого Подземного Пребывания достоин книги.

А потому буду краток.

В выходные, согласно договорённости, народ в Никиты не пришёл; на всякий случай в Журнале было оставлено послание, чтоб в Девятку, если кто и придёт, не заглядывали.

Тем не менее я со своей стороны перекрыл плитой вход в грот со стороны Централки.

На второй неделе пребывания сделал “пренеприятное открытие”: во взятых совдеповских батарейках току оказалось в два раза меньше обещанного замечательной книгой-справочником «ХИТ».⁹⁶

: просто пиздец. Как ни экономил свои шестибатареечные блоки,– уж и по Системе гарцевал при самом тусклом свете, и на раскопках пользовал всевозможные найденные плексуальные огрызки — упёрся в не подлежащий сомнению факт: *до конца намеченного срока света не хватит.*

Печально также выглядела моя обувь. В которой предстояло по зимнему морозу по окончании Пребывания гарцевать до дому.

В остальном же всё было замечательно-радостно. Удивительно светлое и тёплое чувство не покидало ни на день,– даже тестирование, против ожиданий, не было в тягость.

Читал, гулял по Системе. Работал в “Гигиене” – каюсь, не столь активно, как планировал,– но в качестве компенсации оборудовал четыре новых водокапа и расчистил шкурник “Руки Вверх!”.

Также работал по гроту (памятуя старую истину, что максимального комфорта лагерь достигает к моменту своего сворачивания).

Вёл дневник; работал над повестью “Свободный Поиск”. Ещё не зная, что через несколько лет перепишу её заново, потом ещё и ещё – и она станет началом “Ильинского цикла”. С которым сольётся “Сказка для Робинзонов”, образовав начало “Робинзонов Миров”...

— Оборудуя водокапы, сделал нехитрое наблюдение: вне времени под землёй грамотный человек остаться не может. Ибо со школы известна масса капли воды; не так трудно замерить, с какой частотой падают капли. Ибо секундные интервалы отсчитываются просто –

Да и минутные отсчитать не проблематично. По крайней мере тому, кого Господь не обделил слухом и ритмом.

: Измерив, сколько воды набралось в ёмкость, получа-

⁹⁶ «Химические источники тока»,– “Энергоиздат”, Москва, 1982 г.

ещь время, прошедшее с её опустошения.

С точностью до полчасика время можно измерять и “по свече”, ибо время горения их хорошо известно.

Конечно: “всё относительно”, – и ритмика падающих капель, и время горения свеч [тем более в нашей стране], – но ритмику можно корректировать каждый день. И коль “прижало” – иметь хоть условные, но как бы успокаивающие хроноориентиры.

[“Бедный, бедный Сифр...”]

Далее – по Дневнику:

«7 февраля, четверг. [...] В грот повадилась бегать Устрица⁹⁷. Поймаю – пришибу. Изгрызла хлеб, печенье, насвинятничала на столе. Утром позавчера (во время тестирования) я её видел – но “прервать процесс” и начать охоту не мог. Кан с мясом приходится подвешивать на крючок. Сковородку с завтраком задвигать на “шкап”⁹⁸. Сумка с грудинкой болтается на палаточной растяжке над столом. Садирует боковое зрение. Которое у меня (если верить снимаемой параметрии) весьма обострилось и по верхней критической частоте различаемых импульсов, и по чувствительности. По крайней мере, в красной части спектра.⁹⁹ [...]

Удивительно, что правым, контуженным отитом ухом, я сейчас слышу почти также хорошо, как и левым – в левом верхний предел 18.000 Гц, в правом 14.000. < Против 8.500 накануне погружения. > Благотворное влияние Подземли. И, судя по всему, обострились не только зрение и слух.

После вечернего тестирования пошёл к Колесу Фортуны¹⁰⁰; едва отошёл за полиэтилен, прикрывающий проход в сторону туалета – испытал непонятное чувство страха/тревоги. Давящее. Ни на что не похожее. И воздух, и температура, и влажность, – ВСЁ ИНОЕ. Будто что-то грязное. < Грозное?.. Да, будто перед грозой. > Вернулся по окончании процесса в Девятку; задвинул

⁹⁷ В одних Системах доминируют летучие мыши; в других – мыши-полёвки, крысы. В Никитской Системе в восьмидесятые годы жили совершенно одичавшие спелеокошки. Через полгода Устрица на глазах у всех стащит из КД впечатляющую тушку копчёной горбуши – за что-таки будет убита.

⁹⁸ Специальная полка на отслоившейся от потолка плите; обычно мы держали на ней всякий рабочий инструмент... Пришлось наступить на горло Принципу Порядка.

⁹⁹ В 1985 году в нашей стране о цветных светодиодах речи идти не могло, – оттого пришлось довольствоваться проводимыми в красном свете измерениями. Потом, в 1993, удалось протестировать своё зрение в красном, зелёном и жёлтом; теперь, слава Богу, есть возможность делать это хоть в белом свете, хоть в любой его спектральной части.

¹⁰⁰ На стене девяткинского туалета на вбитом в стену шлямбуре мы повесили велосипедное колесо, по приколу затащенное в Систему Хмырём. Считалось обязательным в знак посещения туалета крутануть его пару раз, – название Колесо Фортуны прочно закрепилось за туалетом. Как и эвфемизм: “пойти покрутить Колесо...”

проход полиэтиленом – всё прошло. От Веселина знаю, что полиэтилен как-то экранирует экстрасенсорное воздействие, – вот бы узнать: чьё в данном случае?..

: Под землёй мы все сливаемся с Нею. Разница меж “внешним” и “внутренним” не просто тонка – отсутствует. Любой случайно прошедший через подсознание импульс воспринимается, как осознанно-оцувствованный; конечно, при такой гипертрофированной восприимчивости лезет в сознание много “сора”, что на поверхности за высоким шумовым порогом отсеивается, как не значащий. Услужливое правое (ассоциативное) полушарие трактует его, как некую информацию; прикольно-вербальное левое не менее услужливо выдаёт уже не то, что показалось органам чувств – а некий готовый блок-образ. Глюк.

Но может воспринять и правильно трактовать вполне конкретную информацию, на поверхности за эфемерностью своей недоступную для восприятия.

“Хороший вопрос”: что же здесь ощущаем/чувствуем мы – бездарные внутренние глюки, что порождаются банальным отсутствием привычных шумовых раздражителей, **или некую реальную информацию, на поверхности нам недоступную?..**

Безусловно, “и то”, “и это” имеют место быть. Ясно так же: любая информация о внешнем мире приходит к нам изнутри нас – “по определению”. Мы не слышим прямой звук, не видим прямое изображение. И для любого, даже самого случайного глюка, необходим какой-то внешний запуск.

На каком уровне он вершится – случайном, ассоциативно-синестезическом или конкретно оцувствованном – пока загадка. Но “из ничего ничего не возникает”. Даже у глюков, что наблюдаются при экспериментах “в башне”, есть запускающие, вполне конкретные процессы. Как внешние, так и внутренние.

К внешним “запускалочкам” относятся не только звук, свет, запах, вибрация, температура и прочее. Экстрасенсорное воздействие тоже. Пусть и стохастическое, случайное.

: Здесь нужно долго и вдумчиво разбираться.

В идеале, Двойное Пребывание даст возможный ключ. Не два человека в гроте (они будут мешать друг другу взаимными наводками и помехами на всех уровнях) – но раздельное одновременное Пребывание. То, что было задумано в МОГИФКе мной и Сергеем Брянкиным.

И которое нам так по-подлому сорвали.

Всё остальное менее критично. Даже то, что когда я пришёл в грот, почувствовал знакомую теплоту и уют (ещё задёргнув за собой полиэтиленовый занавес), можно объяснить на элементарном бытовом уровне.

“А хочется чего-то чистого”. Однозначного: на экспериментальном уровне.

: То, что задумали — удастся?..

По могофковским наработкам¹⁰¹ знаю: сегодня я должен был “полностью войти в Систему”.

8.02.85. Встал, по субъективной оценке, часов в 12. Часы не шли – хотя я ясно помнил, что заводил их накануне. Но даже если б и забыл – у них завод на двое суток!

Полез “разбираться” – и будто какая-то сила вдруг расшвыряла детали механизма в разные стороны.

: Полный ататуй. Нет у меня больше часов, – как проводить тестирование?.. Хорошо, что завтра Посещение. Кстати, света тоже практически нет. Бензина дня на три-четыре, – спасибо Зелёному Змею: презентовал запасную “пятёрку”.

Ночью снился очень неприятный сон про отца. Падение из окна, или из лоджии. [Если говорить точно – не вполне уверен, что это был отец. Ощущение: самый близкий мне человек. И родной, – “кровь” чувствовалась. Сейчас, когда пишу Дневник, снова и снова вспоминаю/переживаю, и понимаю: поначалу не было ощущения, что это отец. Я отождествил так образ максимально родного и близкого человека; что это не мама, ощущение было полное. Даже не ощущение – знание. А кто остаётся?..¹⁰²]

Отчётливо помню, что вчера боялся увидеть сон. Знал, что увижу его – и боялся. Оторопь была перед сном, засыпать не хотелось – читал, пока не заснул. Сны с четверга на пятницу сбываются. Предупредить отца возможности нет, если Ольга не догадается приехать. А было бы здорово, если б она приехала. Хотя бы на один день, ведь как раз предстоит Посещение. (Как “родительский день” в пионерском лагере.) В конце концов, ведь есть, с кем оставить Ирочку.

Конечно, после всего этого долго лежал, не вставал.

Ничего не хотелось делать.

Потом закурил.

Какое-то чувство пришло, шаловливо толкнуло под руку – провести тест

¹⁰¹ Не только по пребываниям, – те были слишком коротки, и их целью было (в основном) испытание аппаратуры. В Межкафедральной лаборатории весьма серьёзно и плотно исследовали проблемы “временных сдвигов” у спортсменов; я тестировал команды, прилетающие к нам на сборы из Новосибирска, Иркутска и Владивостока — и в этих исследованиях мы выяснили: *полная адаптация организма к новым условиям существования наступает на четырнадцатый день, за полупериод так называемого “эмоционального цикла”*. Единственное двухнедельное моё пребывание “со смещённым жизненным циклом” (на 12 часов) показало: лишь на 14-й день все мои физиологические параметры пришли в “новую норму”, хотя уже на четвёртый день пребывания я (внутренне) ощутил себя полностью адаптировавшимся. Но “физиологии не прикажешь”.

¹⁰² Есть мысли, которые никогда не могут прийти к нам в головы. Например, что мы можем пережить своих детей. А потому, коль получаем Предупреждение о смерти ближайшего родственника – естественно думаем о родителях.

на “вторую гармонику”. Раз с прочим тестированием облом.¹⁰³

: Описал сигаретой перед собой “восьмёрку” бесконечности —

И ясно увидел, как на некотором расстоянии за угольком моей сигареты следует его второе изображение. Взял его в контакт; нарисовал несколько тестовых узоров — понял, что это точно ОНА.

“Вторая гармоника”, — поскольку точного физиологического или иного объяснения этому эффекту не знаю (и не знает никто, что не мешает им пользоваться) — называю, как привык называть.

Свидетельствует о том, что ты вошёл с Миром в некий Контакт. И он отвечает тебе.

А значит, “пробу крестом” ставить сегодня.

Что ж — работаю “по полной программе”.

Встаю, тестирую то, что осталось тестировать, — завтракаю. Долго колеблюсь: какую музыку слушать.

Не выбираю никакой. Потому как не могу выбрать.

И боюсь, что батареек может не хватить на то, что задумано. Уж слишком быстро они садятся.

После завтрака совершаю променад по Системе; неожиданно прикалываюсь к уже расширенному мной проходу “Руки Вверх!” — выворачиваю чуть в стороне от него из стены одну глыбу, за ней вторую — и в ишурнике открывается двухстороннее движение. Довожу новую магистраль до полного транспортного удобства, — результат трудов называю “Руки Вниз!”. По-моему, новый проход раза в три шире старого.

Бегу к Журналу и оставляю о том радостную запись. Чтоб ребята, “визит посещения которых вот-вот”, не ломанулись по старой узости.

Потом обхожу водоканы и затариваю водой все свои канистры: “запас карман не тянет”. Особенно в предчувствии выходных — и возжеленной помойки.

По возвращении в грот перекусываю и делаю Баню. Три литра кипятка в чайнике и столько же холодной создают в сочетании с кусочком мыла такой кайф...

И так приятно ощутить себя чистым —

: Слов нет. Гном трижды был прав.

Затем обед; пока готовится пища, тестируюсь. Периодический взгляд на фотографию на стене — не выдерживаю, ставлю “Натянутый канат”.

Обедаю в компании Владимир Семёныча. Не знаю, был-ли у Сифра в жизни такой кайф. Наверное, были другие.

А вот ТАКОГО быть не могло по определению.

У меня же — случился. Спасибо Никитам.

Потом включаю сборную Битлз, — пью чай, пишу Дневник.

¹⁰³ Это я тогда с отчаяния написал. На самом деле я не мог выполнить только те тесты, что были связаны с точной хронометрией — мышечную реакцию, пульсометрию и т.п.

В гроте тепло и уютно.

И как-то торжественно-сказочно.

Влекомый ощущением красоты, извлекаю из заначки несколько свечных огарков и расставляю их на стенных полочках, прикрывая цветными стёклами. Поджигаю.

Устраиваюсь поудобнее за столом на мягком пенорезиновом сиденье (результат соседства с моим домом троллейбусного парка) – и тут с ужасом замечаю, что звук в магнитофоне поплыл.

«Вот тебе, бабушка, и проба крестом.»

: Последний комплект магнитофонных батареек.

– А-а, будь, что будет!!!

: Выключаю шарманку, с усмешкой извлекаю кассету и заменяю её на Ту, что до сих пор по условиям конвенции не трогал.

: Путь будет так, как будет.¹⁰⁴

Выпиваю положенное количество ‘кока’,–

Ставлю на стол и поджигаю Огарок, что в 1979 году мне презентовала Дзуликья.

: “Путь будет так, как будет”.

— ВКЛЮЧАЮ.

“И РАЗДАЁТСЯ ПРЕКРАСНАЯ НОВОГОДНЯЯ МУЗЫКА...”»

– Диалог с которой я описал в “Белом Камне”. Подарив/пожертвовав Питу.

И повторил в “Злаках Воздуха”.

: Всё было так, как описано там.

Слово в слово.

Уловив присутствие в гроте некой сущности – той, что отвечала музыке ‘Ж-М-Ж’ – задаю ей вопрос.

– Кто ты, что ты — ответь, дай знать.

Приходит не ответ, но понимание.

: Информация является не в вербальном виде – в чувственном.

Оттого, что вербалка – дитя конкретного языка.

Ощущение Мира, по-видимому, универсально.

МУЗЫКА – КЛЮЧ К ИНЫМ МИРАМ.

Мы рвёмся в космос, ловим сигналы других миров,– посылаем радиосообщения, космические аппараты и насилуем фантазию в тщетных потугах предсказать, предвидеть Контакт —

: Океан не переплыть даже самому лучшему пловцу.

: Самому мощному самолёту не оторваться от атмосферы.

¹⁰⁴ За “батареичным шоком” даже не успеваю подумать: а вдруг она стоит не той стороной?..

: То есть всё происходит так, как рассчитал Веселин. Начни я сомневаться, колебаться, задумываться – “а не перемотать-ли на всякий случай” – утонул бы в сомнениях. И только о них думал. Вместо того, о чём было надо.

И так далее.

: Ни в какой космос ломиться было не надо. Оказывается.

Потому что он – в нас.

Нужно было только найти передаточное звено.

Наверное, везде, где есть жизнь, есть известняки.

Есть миры, изолированные от всего внешнего и предоставленные лишь своей внутренней сущности:

ПЕЩЕРЫ.

Рукотворные или естественные – без разницы.

И, наверное, есть ходящие в них.

: такое можно дать объяснение. Теперь, годы спустя. После двух аналогичных экспериментов.

Тогда же, конечно, я многого не понимал.

Вступил в диалог. Сам не зная: с *чем* или с *кем*.

Но некоторое подобие беседы состоялось.

И казалось мне, я получил ответы на все свои вопросы. Было такое ощущение, что теперь я знаю ВСЁ; остаётся самая малость: ПОНЯТЬ.

Одного не понял: *там* было страшное неприятие этого моего вмешательства.

Парализованный мыслью о том, что общаюсь с Двумикой, задавал дурацкие, наивные вопросы. Один из которых был о том, как, мол, *ей* наше хождение под землю.

Никаких эмоций в ответ; ближайший аналог – “в лом”.

Нет там *наших* эмоций. Точнее — наших проблем.

Подчёркиваю – наших. Человеческих. Что лишь от наших чувств, да от нашей морали.

Да и спрашивал-то я не то и не о том. Как понимаю теперь.

И было чёткое ощущение, что Контакт той стороне в тягость. В насилие. От меня к Миру.

На “Этноколоре II” – чувствуя, как всё уходит и ухает куда-то, из последних сил буквально кричу, требую ответа на вопрос-не-вопрос, просьбу-не-просьбу...

Как тогда, в 1979.

– КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛА И ЧТО БЫ ТЫ НИ БЫЛО — ДАЙ ЗНАК, ЧТО ТЫ ЕСТЬ,– ОТКРОЙ ПРОХОД К ТЕБЕ...

: Такая примерно складывается фраза. Смотрю при этом в угол грота, *откуда как бы чувствую Звук*.

Возможно, просто потому, что так сию. Так складывается акустика грота.

И чувствую, что оттуда идёт не только Звук – энергия, движение, воздух... Пламя моего огарка будто ложится на бок.

Лента кончается. Одновременно догорает огарок.

Батарейки в магнитофоне на полном нуле. Даже тестер не в состоянии уловить признаков существования электронов.

Но это ерунда.

Хуже другое.

: Воздух из той части грота всё дует и дует.

Сижу какое-то время. Оторопь, восторг,— все чувства сразу.

Затем прикалываюсь к мысли, что неплохо было бы поставить чай.

Прогреваю примус.

Не разгорается.

Обливаю его бензином сверху до низу,— поджигаю...

Когда прогорает, пытаюсь открыть подачу горючего.

: Шиш. Никаких бензиновых паров. И бачок абсолютно холодный.

ЭНТРОПИЯ.

Грею примус довольно долго,— другой бы уже взорвался от такого издевательства —

: Эффект не отличается от достигнутого в предидущих попытках.

Хохочу — поскольку что остаётся?

Даже забываю о сквозняке.

: *Многовато чудес для одного Пребыва-*

ния...

И для меня одного — явно.

Тем не менее кажется, что реагирую на происходящее довольно здраво.

И тут в гроте появляется Мрак.

Перекачивается через входную плиту-ступеньку; тяжело бухает на пол металлическую “десятку”.

Почему-то совершенно без грохота, свойственного подобному движению.

Также отчего-то не было слышно, как он её волок по камням перед Девяткой. На весу такой груз пронести там проблематично.

Он что-то говорит, но я не понимаю ни слова. Потому как *ни фи́га не слышу*.

Паша орёт — и тут до меня начинает доходить звук.

Только тихо-тихо, будто сквозь вату.

— Я бензин тебе приволок! И сахар! И хлеб! И батарейки!!! — надрывается он.

Сообщаю ему, что, кажется, немножко оглох. < “И чуть ни охуел.” >

Паша кричит, что ещё успеет на предпоследний автобус: смотаться в Домодедово, позвонить Шапиро и Барону. Которые собирались приехать в воскресенье. Потому что завтра у Васи Тихонова свадьба, и все собираются быть там. Ему, мол, кстати, того же желали — так что он собирался сегодня же, оказав мне должную помощь, выкидываться. В крайнем случае — завтра с утра.

— Беги и звони.

Мрак исчезает.

Оставив в гроте транс, канистру и ещё один маленький свёрток — некий предмет в шерстяной шапке. Что он достал из-за пазухи и аккуратно положил на стол.

О назначении предмета догадаться не трудно.

Раскрываю, прикладываюсь.

Мир потихоньку возвращается на круги своя.

«Как же он без шапки-то – там, наверху?»

Ничего, скоро узнаю.

Даже есть, чем скоротать время.

: Собираю все запасные куски полиэтилена и заделываю ими угол грота, откуда сквозит. Уж больно холодно ногам. На грани терпимости – кажется, что дует прямо с поверхности. До которой по прямой около 100 м. *Сквозь монолит*, –

И какой бы леденящий мороз там ни был...

Края полиэтилена замазываю глиной.

В этом углу дальше проход; он не вполне тупиковый, так как имеет труднопроходимую сбойку с Бородинскими Полями.

От них до выхода рукой подать.

: Вполне может дуть. Только отчего-то раньше не дуло.

И вообще: для тяги воздуха нужно не только входное, но и выходное отверстие.

За девяточной стеной, в которую струится просто бешенный поток ледяного воздуха, центр Системы. Сетка. Стена не вполне герметичная – мы сами сложили её, когда строили грот.

Для хорошего сквозняка не помеха.

А сквозняк на диво хорош. Как ни затыкаю его полиэтиленом...

Через какое-то время возвращается Мрак.

«Как на входе, сильно дует?» – вопрошаю его.

– Как обычно.

– А в Бородинских Полях?

– Не знаю, не заглядывал. Ребята будут через два часа.

В ожидании народа заглядываем в Бородинские Поля – *никакой тяги*. Ни малейшего дуновения.

: Бред какой-то.

Обходим Девятку со всех сторон – и не можем понять: ни откуда берётся этот ветер, ни куда девается. После.

: М-да...

Впору не Шапиро звать – гномовских специалистов. Что пытали Мамонта по осени в любимых подольских тупиках своими хитрыми тестами. Да так, похоже, и не разобрались: кто над кем издевался.

Одна радость: примус-таки начинает работать нормально. Будто и не выпендривался три часа назад.

Делаем чаёк, ужин. Допиваем бутылочку.

Под весьма обильную и своевременную закуску – сальцо, маринованные огурчики...

И по полной миске каждому варёной картошки.

: Пир во время чумы.

К чаю является спаскоманда: Барон, Зелёный Змей, Обжора и Шапиро.

Остальные не могут оторваться от завтрашней свадьбы. Но в воскресенье, на выброску, приедут полным составом.

– Какая выброска? Мне ещё две недели!

– Не смей.

Валька осматривает меня и ставит диагноз, непогрешимый для всех присутствующих:

– Оглох, собака.

– Или охуел, – предлагает не столь альтернативную версию Зелёный Змей – народный никитский целитель. – Ничего, щас вылечим.

И ставит на стол бутылку лекарства.

Препираюсь-спору с Шапиро о причине своей глухоты. Довольно долго – Валька считает, что я оглох от пещерной тишины, от отсутствия посторонних звуков.

– Но я же слушал магнитофон!

– Те записи, что наизусть знаешь.

– Я же работал по камню, ходил, – слышал все звуки!

– Это были твои собственные звуки. Ты слышал их фантомно.

: У хорошего медика на всё есть ответ.

– Но я же тестировал себя!

– Ещё разберёшься, что ты там натестировал...

– Кончай базарить, давай за стол, – командует Змей.

– И включи какого-нибудь Стрижа. Или Басина, – требует Барон.

– После того, что было???

– Именно. Проверим твой слух...

Включаю чимганскую кассету.

Змей, как профессиональный повар, быстро накрывает стол и подаёт вторую перемену блюд. Отличающуюся от первой наличием тушёнки и раскрытой баночкой кильки в томате.

За ужином обсуждается “проклятый командоровский сквозняк”. Все приходят к мысли, что где-то в Сетке случился обвал и открылась вертикальная тяга воздуха. До вершины холма.

: Единственное нелажово-материалистическое объяснение случившемуся.

Чтоб разобраться с гидрогеологией, воду окрашивают.

: Чтоб разобраться с аэрологией, можно засандалить волок. Максимально “копотный” – он же, по определению, самый экологически чистый.

– Если не считать углекислотного, – ехидствует Обжора.

: Углекислотный экологический волок я в Никитах уже применял. Не так давно – а потому свежи мемуары.

– Нам нужен копотный! – строго указывает Обжоре Змей, – насрать на экологию.

То есть, конечно, никому не насрать. Но сейчас важнее другое.

Все присутствующие в гроте – специалисты в области ведения подземной химвойны. А потому волок удаётся на славу...

Одна беда: никак не хочет показать нам тягу воздуха.

Клубится под потолком Б-Чердака за Девяткой, – там, куда явно дует из грота, – клубится, расползается в разные стороны...

: СВОЛОЧЬ.

– Давай, отодвинемся, – предлагает Барон. – А то так и задохнуться не долго.

: Отодвигаемся на пяток метров. И дым определяется: смещается в нашу сторону.

Мы продолжаем движение от него в сторону Централки.

Дым – за нами.

Мы от него.

На Централке решаем разделиться: Мрак и Шапиро возвращаются в Девятку, Зелёный Змей с Обжорой ретируются в сторону Бородинских Полей. Мы с Бароном уходим по Централке в сторону водокапа.

Я указую Барону на явную мистичность действия.

Барон – упёртый материалист. А потому все мои доводы посылает в одно нехитрое место.

«Бывает...», –

— и вся философия. Как у любого упёртого материалиста.

Доходим до водокапа; перекуриваем.

Волок догоняет нас.

– Элементарно, Ватсон: по Централке от Эгипта в сторону МЖД8М зимой всегда тяга.

– Ага. Только какого же хрена он только что на Централку за нами против этой тяги ломанулся?

– Ещё горяч был, верхним противотоком под сводом шёл. За турбулентностью от нашего движения. Такое бывает. А теперь остыл и идёт по течению.

: Может, ему не электронщиком, а аэрологом нужно было стать?..

– Не знаю. Но полезно иметь в своей среде эдакого Китайгородского. Ибо если фантазёров и романтиков вовремя не заземлять...

– Значит, уходим с этого течения.

– Возражений нет. Сам сейчас увидишь, что мистика твоя ничего не стоит.

: Уходим с торных путей традиционной тяги воздуха в глубь Системы. В Сетку. У водокапа как раз шкуродёр – весьма известная в Никитах Форточка – туда отходит.

– Просачиваемся друг за другом, идём от Централки подальше. У Подарка передыхаем. Я вспоминаю, как Удав рубанул ножом банку сгущёнки – и как Роден после этого вылетел из Подарка...

– Вот он, – говорит Барон. И такое у меня ощущение, что говорит он это – и сам себе не верит.

Судя по интонациям.

: Волок показывается из прохода, откуда мы только что высочились. И кажется, ему это движение даётся много легче. Почти играючи.

– Санта-Маруся...

: объявляет Барон.

– Ну, что?

– Турбулентность. От нашего движения, да.

Не столь, впрочем, уверенно. Потому как всему есть предел. И чувство меры.

Особенно у правильных материалистов. Чей скептицизм не от дурацкой упёртости, а наоборот: от излишнего интеллекта.

Дураком Барона ещё никто не называл.

– Идём медленно, не спеша. Во избежании турбулентности.

– Согласен.

В принципе, подземная аэрология весьма загадочная штука. В “Катакомбном Мэйнстриме” я писал, что в Третьей системе Сьян есть широченный штрек, движение по которому даже одного человека вызывает *просто шквальный ветер* на некотором расстоянии от этого места. Так что бывает всякое.

Одного не может быть: нарушения теории вероятности. Ибо, по большому счёту, половина нашей “мистики” этими нарушениями и является.

Также ни при каких условиях волок не может переть за человеком против движения подземного воздуха.

: Это уж слишком.

...: Описываем неспешный полукруг по Сетке. Специально не идём прямым путём – проверки ради.

Эта *сволочь* следует за нами.

Вообще-то турбулентность турбулентностью, но ему давно пора рассосаться. Рассеяться, адсорбироваться на стены и камни,—

Упасть на пол. Ибо копоть – не самый лёгкий из аэрозолей.

И вообще: с аэрозолями у нас под землёй как-то не очень. Читайте Андрейчука: “Пещеры – лёгкие Земли”.

: *Если это, конечно, не Силикаты.*

— Мы, слава Дзуликой, пока в Никитах.

Вот только нравится нам это с каждой прожитой минутой всё меньше и меньше.

Барон мрачнеет.

Седая прядь у него появилась в эту ночь.

Мне после примусной энтропии было по барабану. Возможно потому, что рядом шёл Сергей. На фоне кого-то легко казаться героем. Особенно, когда этому кому-то явно не по себе. И ты думаешь о нём – а не о нежити, что гонит нас по Системе.

Проходим Сосед; поворачиваем к Обелиску – и стремительным движением ввинчиваемся в шкурник, ведущий в Чайник. Два зигзаговых поворота. Несколько развилок. Во все стороны уходят ходы –

: практически нет шансов, что он последует за нами. Против своего предидущего движения.

В Чайнике поднимаемся в спаленку – боковой грот, лежащий метрах в двух выше уровня Системы. Грот тупиковый “по определению”, к тому же верхний – остывший волок ни при каких условиях не может в него подняться.

Сидим на удобных камушках друг против друга, курим. Барона трясёт.

И видно, что это не страх. Это иное: когда рушится твоё *мира здание*.

: Через какое-то время дым показывается внизу. И начинает подниматься к нам —

: отступить некуда. Позади тупик.

Вспоминаю, как в 1980 году нырял в огненный штрек. А здесь — холодный дым. Углерод, основа живого.

Средь останков когда-то живого.

И, видимо, не вполне мёртвого — до сих пор.

Набираем полную грудь ещё чистого воздуха,— ныряем.

Сразу движение влево: в сторону Девятки.

Выскакиваем на Б-Чердаке.

Круг путешествия по Системе замкнут.

Впереди Девятка.

Волок показывается за нами, также замыкая маршрут.

: Приехали.

Честно говоря, я не знаю, что делать дальше. Изнутри плавно встаёт-поднимается СТРАХ.

— Пошли,— говорю Барону,— за водой к Шкварину.

: Наде-Крэйзи та система нравилась (чем, объяснить было сложно),— я всегда испытывал в ней странную оторопь. Возможно, дело в моей поисковке тела Шкварина. В информационных параллелях и связях, что пронзают и составляют наш мир.

От системы Шкварина дует лёгкий сквозняк. Он постоянен; никто из нас не знает его происхождения.¹⁰⁵

По идее, волок не может двигаться за нами навстречу этому ветру. *Ни при каких условиях* —

Хватаю в Девятке две освободившихся канистры; одну даю Барону — бегом бросаемся по Правой магистрали к системе Шкварина.

: Навстречу сквозняку. Якобы за водой.

Доходим до места гибели Шкварина. Ставим Свечу. Наполняем канистры. Не спеша. Курим.

Обратно возвращаться не хочется. *Что будет, если он и против ветра — за нами? ...*

Но дыма не видно.

Барон веселеет. И даже идёт первым. Весело прыгает по здоровенным булыганам Колизея,— помимо встречного сквозняка непреодолимого препятствия для любого рода волока,—

: перепады высот не менее 3,5 метров.

— поворачивает влево и резко останавливается.

Я налетаю на него.

¹⁰⁵ Не знали тогда. Теперь — знаем: дело в существовании обширнейшей 'зашкваринской системы' — Мартингала.

Конечно, он сильно рассеялся. Хотя должен был сделать это пару часов назад.

И против ветра он переть не мог. *Потому так отстал,* –
Так что физические законы на него всё-таки действовали.
Но одним материалистом в Никитах в эту ночь стало меньше.

... На другой день (в субботу) Шапиро тестирует меня по полной программе.

Кроме убитого слуха, – что-таки медленно восстанавливается – иных отклонений не находит. Даже ожидаемого после вчерашнего тремора. То есть какие-то проявления стресса присутствуют – но, к удивлению Вальки, “фантастически незначительные”.

– Дисер бы по тебе написать... – мечтает он. – Да ведь защитить всё равно не дадут, собаки.

Тем не менее, требует прекращения моего Пребывания.

Я отказываюсь. Барон вызывается побыть со мной под землёй ещё пару дней.

: Вернуться ему сейчас после всего, что было, в город ≡ признать поражение.

Мне тоже.

В разгар тестирования появляется Борода – приехавший в Никиты “на спелеошум”, чтобы лично убедиться: всё-ли со мной в порядке. Старый подземный боец и товарищ. С интересом внимает нашему спору, – по завершении его предлагает “проверить меня на вшивость”: то есть прямо сейчас пройти и прогуляться по Большому Кольцу Системы. После чего принять единственно верное решение. Дабы прогулка не была никчемной, по дороге “размотать леску” – то есть капроновую нить, что он специально привёз с собой. “Пропустив” её через Сейсмозону, по наиболее глючному и крутящему участку её. И по Дальней системе. К Шкварину. Интерес, как мы поведём себя в Сейсмозоне после вчерашнего, смыкается с интересом, как поведёт себя Система с нами. Тем более при попытке “окольцевать” и пробить “незаблуждаемым в принципе маршрутом” её самое экстрасенсорно-буйное место.

: Мы с Бароном, конечно же, соглашаемся. Валентин принимает решение сопровождать нас, чтобы лично убедиться в моей “нормальности”.

«... Света мало. Проходим Жопу Чайника, крысолоз в Сосед, – что мы замуровали во время Зелёной войны, и потом “в поте лица своего” открывали, воюя с поставленными нами же “убойными замками”. Борода с чувством пинает ногой плиту, что в те дни чуть не убила его дважды: при постановке завала и при его разборе. Нить начинаем разматывать от развилочной стелы за Соседом, на границе Сейсмозоны. Тянем её там, где когда-то “вандерерсы” протянули свою так называемую “малую леску” – уничтоженную нами во время Зелёной войны “для пуццей дезориентации противника”. (Возвращаем Системе долг.) Отдельные куски старой лески даже сохранились кое-где в щелях. Осматриваю их под рокот воспоминаний.

К моему удивлению, Сейсмозону проскакиваем, как по маслу. Не сделав ни

одного ложного поворота, вылетаем, один за другим, из плоского шкурника у Пробки: начала Дальней системы. Перекур, исполненный ощущения Победы. Мы с Бароном гордо взираем на Валентина с примкнувшей к нему женой. Борода с загадочной ухмылкой – на всех нас.

Двигаемся дальше. Нить попеременно разматываем мы с Бородой. Местами “прикола ради” пропускаем её через такие щели (идущие параллельно тальвегу севшего штрека вдоль стен), что Валентин только укоризненно вздыхает. На что Борода резонно замечает ему: “ориентация – это одно; спортивный маршрут – совсем другое”. Барон добавляет, что застрявшего в конкретной узости додика (при условии, что он в темноте нащупает леску и естественно потащится по ней) искать во всех случаях легче, чем бегающего вдоль неё подобно трамвайчику.

– И тут начинается кино. Все мы разом теряем словутую ориентацию. В пространстве, что столько лет на ощупь знакомо каждому из нас... Тем более – мне и Бороде.

: Ни Ямы, ни поворота на взорванный Пифом Сапфир, ни Солнечного Острова, – ничего знакомого. Будто попали в иную, неведомую часть Системы. А ведь наши тела должны физически помнить каждый сантиметр всех этих камней!.. Столько было по ним хождено “в годы былые”... да и мной не так давно. Мы же мечемся, тыркаемся в совершенно неузнаваемые плиты и щели, как слепые котята. В довершение всего у Валентина и его жены начинается садиться свет. (“Эмитрон” не самый лучший совдеповский фонарь. Хотя и самый огромный. Шесть своих батареек высасывает часа за три, не больше.) “До кучи” начинает капризничать фонарь Бороды. Лишь у Барона нормально работающий “коногон” с достаточно ярким светом; моя система “добывает” I позицию второй пары батареек. На I позицию третьей пары перейти не могу хотя бы из моральных соображений: мне здесь ещё неделю сидеть, как минимум. < Так искренне думается мне... >

Ничего не узнавая, кое-как тянем нитку, – куда, никто не понимает. После бесплодных попыток Бороды свериться с картографическим шедевром Мальцева/Вятчина < жанр: топокарикатура > просто двигаемся вперёд, доверившись судьбе. Конечно, можно вернуться по нитке назад, к Соседу, – “оттуда можно и без света”, – но повернуть ≡ признать поражение. Мне и Барону сей вариант не улыбается; характерные намёки Валентина и его жены пропускаем мимо ушей. Тупо прём вперёд.

И вдруг словно пелена спадает с глаз – всё становится на свои места. Грот, что казался полностью неузнаваемым и не топтанным никем из смертных – Синельниково. Со сложенными нами же камнями для комфортного отдыха. На радостях врубаю третью пару батареек; одновременно фонарь Бороды включается сам по себе. Барон и Валентин хмыкают. Очень по-разному.

Без каких-либо эксцессов доводим нитяной маршрут до места гибели Шкварина; вволю напившись воды из его кладбищенского водокапа, возвращаемся в Девятку.

: Там и выдыхаем.

Выдох оскверняется новыми требованиями Валентина и моим спором с ним. Перебиваемым подначиваниями Бороды и Барона. А также Зелёного Змея и Обжоры – уже поджидающих нас в Девятке ради Совместного Ужсиа.

Однако — в Девятке продолжается полный метеорологический кошмар. Пока мы ходили по Системе, Змей с Обжорой собрали весь полиэтилен из окрестных гротов и в два наката замуровали, зашторили Девятку со всех сторон; глиной замазали все возможные щели.

Тем не менее, в гроте явный сквозняк всё по той же линии – дует в никуда из ниоткуда. А потому Общее Мнение народного ‘хурала-конвульсиума’: мне нужно эвакуироваться.»

– Мы с Бароном настаиваем на своём праве распоряжаться собственным временем.

Продуктов и света ребята привезли достаточно.

Так что в воскресенье “спаскоманда” удаляется в златоглавую без меня.

Валентин увозит приборы; с ними “в комплекте” некую толику обиды.

Я объявил ему, что оставшиеся два дня (на больший срок Барон задержаться не мог, так как зимние студенческие каникулы закончились, один же я оставаться не хотел) намерен посвятить “послеэкспериментальной релаксации”. По месту проведения эксперимента.

: Вот такой выверт, Сифру не снившийся.

Два оставшихся дня: что могут дать? С точки зрения изучения биоритмов – ноль. Тем более без приборов. С точки зрения осознания того, что было – очень много.

И вообще: цель Пребывания достигнута; что же до биоритмики – давай-ка вначале в городе хорошенько подумаем, посидим над таблицами и справочниками и над полученными результатами — а потом будем бросаться голой пяткой на сверкающую экспериментальную шашку.

Ибо уже понял, что даже месяца для настоящего спелеонавтического Пребывания будет мало. Пресловутый физический ритм длится 23 дня; эмоциональный 28. Интеллектуальный – 33.

Теоретически предсказанный “пси-ритм” – около 40 дней.

Кроме них есть циркадианные и циркадные ритмы.

И много иных.

Чтоб разобраться во всей этой мешанине, нужно погружаться месяца на три – и вести параметрию практически непрерывно. Как это делал Сифр.

Двумя необщающимися группами в одной Системе, со сдвинутым относительно друг друга и поверхности “внутренним временем”. Как когда-то планировали в МОГИФКе.

: Есть-ли у нас силы на организацию подобного Пребывания?

Валентин не ответил.

... Понедельник мы с Бароном провели в гроте. Листали мой Дневник (параметрические таблицы увёз Валентин); я снова и снова рассказывал всё, что было.

Барон придиричиво склонял каждый мой посыл и положение.

– Ну и что ты хотел этим определить? < Варианты: “доказать”, “решить”, “добиться” не сильно разнились на слух – который возвращался с каждым часом. >

Было ясно: добившись многого, не добился большего. Замахнувшись на несколько целей сразу, толком ни одной не достиг.

И вообще действовал по-дилетантски.

Но в результате этого Пребывания понимание того, как нужно проводить биоритмологические и иные исследования не просто установилось – стало очевидным.

: Нарботана *реальная практика пребывания*, практика работы с аппаратурой.

Потому не бывает “провальных пребываний”. Из каждого, даже самого неудачного эксперимента можно сделать весьма полезные выводы.

Но точно так нет пребываний, которыми можно быть полностью довольным.

: Всегда что-то окажется несделанным, невыясненным и непонятым. Всегда после опробования какой-то методики приходит понимание, как её можно улучшить. Возможно – заменить на иную. Которая после своего испытания в реальных рабочих условиях повлечёт новый виток разработок,—

И поставит новые вопросы...

Я спросил Сергея, отличается-ли это моё Пребывание от нашего с ним.

– Как небо от земли!

– И следующее будет отличаться также. Для того и уходим под землю.

– Три месяца двумя группами не потянем. Даже если использовать летние студенческие каникулы – в которых всего-то два месяца... Одна заброска: представляешь во что выльется?..

– О трёхмесячном пока не думай. Прежде чем идти на него, нужно будет теми же группами три раза по месяцу высидеть. А до того каждому из участников по месяцу. И только потом... Кстати, на трёхмесячное нужно будет идти лишь для того, чтобы твёрдо подтвердить или опровергнуть данные, полученные ранее. А не для экспериментов в стиле: что получится, если эту крендюлину засунуть сюда, а не туда?

– Это ясно. Неясно одно: ты всерьёз это всё говоришь — или так... Мечтаешь. В НАШЕЙ СТРАНЕ...

: *Барон был прав.*

..: Во вторник мы с ним пошли в ЖБК забрать из недокопанной “Гигиены” оставленную там снарягу.

Проходили по штрекам и гротам – и брала оторопь: ощущение было, что вокруг *мёртвая, мёртвая, мёртвая Система*.

: *Будто ползёшь по кишкам разлагающегося трупа.*

От крепей – белые нити плесени.

Ощущение неживой пустоты.

– Энтропии.

: **НИКИТЫ...**

кондовым экстрасенсорным ‘подвигом’???

* * *

В городе проводим “разбор полёта спелеонавтической мысли”, –

Он же – Вторая Московская спелеонавтическая конференция: по мысли Сапиенса. Сергей докладывает об опыте в Силикатах; Гном и Мамонт о психологических тестах в подольских системках.

Я – о своём Пребывании, в результате которого моя суммарная спелеожизнь увеличилась до 82-х дней.

: Единственный итог, не подвергаемый сомнению присутствующими. Даже Бароном. < “Барометр – прибор для точного измерения нелажности любого эксперимента”, – записываем в резюме конференции. С подачи Мамонта. >

– Но, в общем, всё сходится. Психологические исследования Гнома и его товарищей подводят некую базу под мои авантюрные эксперименты – по крайней мере, уже отбраковано с десятков материалистическо-психиатрических “объяснений” наблюдаемых нами под землёй САЯ.¹⁰⁶

И предложено – с подачи Барона, Веселина и Сапиенса – не меньше 20 новых тестов-проверок. В том числе пара настолько экстремально-психопатических, что каждому ясно: предлагающие их явно не собираются воплощать свои идеи на практике, –

– А МЫ ПОПРОБУЕМ!!! – чуть-ли ни хором заявляют Зелёный Змей и Мамонт.

«Я никогда не буду отговаривать человека от попытки провести то или иное исследование: даже если он не откроет то, что ищет – быть может, найдёт нечто новое», – Рене Декарт.

Гном говорит, что нужно обратить внимание на суточные биоритмы – их исследования проводили в Дальневосточном филиале АН; по мнению Гнома, “результаты более, чем грязные”.

: суточные биоритмы не требуют длительных пребываний. Нам по плечу и по силам. Необходимые приборы есть, и прекрасно себя зарекомендовали.

Исследуя недельными пребываниями эти ритмы, накопим не только базовую параметрическую информацию – но и определим идеальное время, как и суточную частоту для тестирования на околосесячные ритмы.

¹⁰⁶ То есть поставленные психологами эксперименты не привели к ожидаемым результатам – кондовые объяснения “официальной науки” наблюдаемых нами САЯ рухнули. Естественный вывод: *пребывания “не удалась”*. Но! “Отрицательный результат – тоже результат”, и мы этому “отрицательному результату” откровенно радовались — поскольку ответ следовало искать “совсем в иной области”. Это к моим рассуждениям о том, что *нерезультативных пребываний НЕ БЫВАЕТ*.

: Хороший и уверенный шаг к мечтающемуся Большому Пребыванию.

Так что “ничто не было зря”. Забегая вперёд, скажу: каждое из первых наших Пребываний поднимало нас на очередную ступеньку познания. Каждое что-то давало – в бытовом, научном или творческом смысле.

И если б не череда этих полудилетантских исследований (оттого и рассказываю о них столь подробно) — никогда бы не смог осуществить свои пребывания девяностых годов. Без сомнения, более значительные и результативные:

В 1991 году – три месяца одиночного. С экспедициями посещения, ибо не рекорды сумасшедшего типа ставил я (вся информация, что можно вывести из пребываний такого рода, может быть любезно предоставлена тюремными психиатрами) – проводил параметрическое тестирование на околomesячные биоритмы; по наработкам Веселина изучал подземную экстрасенсорику.

В 1993 году – одиночное изолированное месячное пребывание. Цель: ури-нотерапия, как способ преодоления голодовки в экстремальных условиях. Из пяти недель пребывания три недели не принимал никакой пищи – и прекрасно себя чувствовал. Ежедневная параметрия подтвердила это. Как и дневник, что я вёл. Ибо есть характеристики чисто эмоциональные или психологические, – они не менее важны для оценки нашего состояния, но никакой прибор никогда не зафиксирует их. Только – постоянная внутренняя самооценка. Опирающаяся на известную “предварительную информацию” биоритмического рода.

1995 год – смешанное пребывание. Четыре недели изолированного одиночного и три недели группового. Цель: экстрасенсорика, восточные энергетические теории; циркадная биоритмика. Также – активное исследование новой части Системы.

1997 год – серия одиночных и смешанных пребываний с целью проверки определённых психологических и физиологических теорий. В частности, о биоритмической связи работы эндокринной системы с “космическими” ритмами.

Помимо полученных научных и “околонаучных” результатов из каждого Пребывания возвращался на поверхность с новой, написанной под землёй, рукописью. < Чем не Результат?.. > Ибо в условиях подземной изоляции от всех помех и “фонов” поверхности не только замечательно слушается музыка и читаются книги, – пишется не менее славно. Ничто не вырывает тебя из творимого Мира – ни телефонные звонки, ни телящик, ни незаконный шум и городские проблемы...

Кроме этого было проведено много подземных исследований геофизического, гидрогеологического и аэрологического рода. Были Пребывания, никаких медицинских или спелеогеофизических целей не ставящие –

: Месячные (групповые, неизолированные) Пребывания в 1989 году в Сьянах, в 1999 году в Никитах в ЖБК, в 2001 и 2003 годах в Никитах в Обитаемом Острове посвящались исключительно спелестологическим задачам — освоению и исследованию новых частей Систем, что было невозможно сделать за кратковременные выходные, – эти Пребывания включали в себя активную работу по прохождению завалов, оборудованию гротов, гидрологические исследования и топо съёмку. Кстати, подобного рода “немедицинские пребыва-

ния” практиковали многие мои знакомые – в 1996 году Склизский Змей и Олич прожили под землёй две недели; Дядя Коля в 1986 году жил в Силикатах месяц; Кисс и Шпиль в 1991 году в Бяках прожили столько же. *В каждом таком случае Пребывание завершалось не потому, что ребятам “надоело не видеть солнышка” – а потому, что на больший срок не хватало заготовленных припасов света, бензина или еды (в случае Склизского Змея и Олича вышло курево),– или “трубила” печальная необходимость возвращаться к наземной работе. Честно говоря, я сам до сих пор не знаю: какой же максимально возможный срок “вне поверхности” могут провести привычные к каменоломням спелестологи — коль снабдить их всем жизненно необходимым?..*

: Вопрос, волнующий каждого спелестолога. По крайней мере – из моего окружения. А потому не задавать его себе мы не могли. И каждый из нас понимал: *мы ходим под землю не ради какой-то “официальной науки”*. Если разобраться — так вообще не ради неё.

: Вся наша “подземная наука” – отходы. Почти случайные “бонусы” от удовлетворения своего личного любопытства – касающегося довольно вечных вопросов.

Ибо в каждом из нас – Вселенная. Постигание её вполне оправдывает наше земное существование.

В том числе задаваемый каждым “вопрос вопросов”:

– *Зачем вообще мы приходим под землю,– что зовёт нас туда???*

: **Никакой меркантильно-материалистический ответ не выдерживает критики.**

Кто в состоянии твёрдо ответить на данный вопрос в таком ключе – долго под землю не ходит. Или не принимается Миром Подземли.

И ДРУГИЕ СОВКОВЫЕ ИСТОРИИ

“Красное на чёрном...”

... Очередная экспедиция Гнома в Подолию была сорвана. Проводилась она силами нашего турклуба “Сокольники” (что приютил, с подачи Гнома, под своей крышей спелестологов из Никит и Силикат) и районного Краснопресненского клуба туристов. Точнее – его спелеологической секции.

В экспедиции этой Гном планировал заниматься пирометрией (многие подольские пещеры славятся весомым превышением в воздухе доли CO_2 ,– в пещере Золушка, например, она доходит до 2,5 %),– а также физиологической параметрией в условиях подземных стрессовых нагрузок.

Нашей команде “официальная московская крыша” для посещения подольских пещер была нужна, “как собаке пятая нога” — но поскольку Гном планировал после проведения исследований публикацию статьи в “Физиологическом вестнике” Первого ММИ, без оформленных должным образом бумаг от

московской МКК было (как он считал) не обойтись.

МКК навязало нам Краснопресненский клуб.

И ребята из этого клуба при поддержке той самой МКК сорвали исследования.

: Сказать, что Гном ставил на ту экспедицию все свои физиологические планы = ничего не сказать.

Посчитали срыв результатом “столкновений ведомственных интересов” — физиология и спелеонавтика были спортивно-туристическому руководству МКК по большому барабану, и по такому же предмету были исследования Гнома их спелео-протеже,—

— и должных выводов не сделали.

А надо было.

Ну, хотя бы задуматься.

: Вспомнить 1982 год...

* * *

В середине ноября 1985 года Зелёный Змей и Мока начали своё знаменитое Бессрочное Пребывание в Никитах.

Ушли со своих официальных работ — послав совок в места, с ним вполне ассоциировавшиеся.

Через месяц к ним присоединился Мамонт.

Никаких “строго научных” целей не ставилось. Главное было — жить под землёй, как мы живём на поверхности.

: Внутренняя эмиграция. Подполье. Андеграунд. Оно же — подземожителство по-русски и кейвлайвинг в английском прочтении.

Кто скажет, что *такое пребывание* ничего не даёт для понимания того, как жить и работать под землёй при проведении неких “серьёзных экспериментов” — будет по меньшей мере не искренен.

Кто скажет, что Велкович и Сифр уходили под землю лишь ради занятия “чистой наукой”, — потому, оттого и только для того,— тот по меньшей мере плохо информирован. Или не читал их книг.

: Учёных-биоритмологов в мире хватает. Работают себе в сурдокамерах и лабораториях, изучают статистику,— получают разной степени лажовости данные и делают из них некие выводы — *никто из них при этом под землю не рвётся*. Хотя именно под землёй, в условиях максимально возможной изоляции от всех влияний поверхности — включая информационно-энергетические — можно проводить наиболее чистые биоритмологические исследования.

: В каменоломнях, а не в вертикальных спортивных пещерах — удобнее всего.

— Это трудно не понимать. Тем не менее, отчего-то медики не рвутся в края, где возможно получение наиболее чистых, столь желанных для них результатов.

Очень симптоматично.

Сифр мог исследовать подземный ледник уикэндными наскоками — но рвался именно в подземожительство на оном.

Велкович рвался к своему рекордному подземожительству — причём не ради рекорда, как такового, и не ради подтверждения или опровержения каких-то научных идей: чего не было, того не было. И научные идеи, и рекорды пришли как бонусы подземожительства —

: при этом и Велкович, и Сифр пришли к медицинским и биоритмическим результатам своих подземных пребываний, не будучи медиками. Кабинетные светила — из тех, что оказались способны оценить и понять добытое ими Знание — с удовольствием пользовались оным. По итогам их пребываний придумали пару десятков новых интересных гипотез и теорий. Но чтоб самим устремиться для их проверки под землю — и в голову не пришло. Все дальнейшие рекордсмены подземных пребываний не медиками были, а спелеонавтами. Подземожителями.

: И Мерите, и Монтальбини, и прочие.

Археологов, копавших подземные ходы и изучавших тоннели пирамид, в мире всё-таки хватало. Худо-бедно — но им приходилось заниматься этой работой.

Нужен был Стеллецкий, чтоб заявить: подземная археология — отдельная, независимая отрасль Знания. Не археология, не спелеология, не туризм, — но всё это вместе взятое.

Археологу всё равно, что изучать — в том смысле, что он изучает-раскапывает нечто древнее; встретится подземный ход — заглянет в него. Раз так случилось. Неглубоко, непрофессионально — но заглянет. Из увиденного сделает какие-то выводы — нередко абсурдные, ибо плевать ему, по большому счёту, на то, пройден до конца открывшийся ход или нет — как не возникнет *желания*, преодолев встреченные трудности и завалы, до конца разобраться в сложной системе ходов. Составить их точную топосъёмку по всем правилам горного дела. Найти продолжение подземного хода там, где пасуют археологический “здравый смысл” и вербальная логика. Где *наземный исследователь*, сражённый конкретными подземными трудностями, в изнеможении и страхе ставит “неопровержимый” вердикт: далее исследовать невозможно.¹⁰⁷

— Как не рвались всерьёз исследовать подземные ходы археологи, отвечая Стеллецкому: «Вы дерзаете нас посылать туда, куда прежде лишь каторжников посылали!»

: Лишь спелестолог, одержимый Подземлёй, сможет провести это исследование толком. Археологом он может при этом и не быть — но только он обладает тем *пониманием (ощущением) Подземного Мира*, без которого данное исследование невозможно.

Саша Мишин [носивший в спелеосреде характерный ник Гном] — редкое

¹⁰⁷ Канонический пример из документального фильма BBC: раскапывая древнее городище, археологи встретили полузасыпанный колодец. Отступились, — и в голову не пришло начать подземные раскопки!..

исключение.

: он был профессиональным медиком. Но медиком стал из-за своей любви к Подземле.

Ибо, чтоб изучать под землёй физиологию, нужно обладать специальными знаниями. Без них ты – ноль, хуже Сифра. Часть данных которого была “в штыки” принята специалистами *именно из-за того, что у Сифра не было должного медицинского образования* – хотя, в принципе, неверной и не являлась.¹⁰⁸

Югославский спелеонавт Милутин Велкович не ставил специальных физиологических целей, но в сотрудничестве с другими исследователями – предпочитавшими оставаться в городских кабинетных креслах – занимался достаточно интересной научной программой. Главным же для него было — *собственно Пребывание*. Свой личный интерес к миру, что вовне и внутри каждого. “Kosmoment”, – как определил он это понятие. И это воистину замечательный интерес; он, один из немногих, отличает нас от животного.

Он, да Творчество.

: Очень многие спелеонавты на Западе уходили под землю “просто так”; причина их погружений скрывалась внутри каждого – повод был на уровне прикола. Или возможности “на относительную халяву” осуществить вожаемое Пребывание. Персональное, личное, не прерываемое никем общение с миром Белого Камня и Чёрной Ночи.

: не вижу в этом ничего плохого. Познание Мира не заключается в одной топосъёмке или физиологии; каждого притягивает под землёй свой интерес. И он достоин уважения.

Вне зависимости: нравится тебе или нет.

Ибо каждый человек имеет право на своё понимание Мира. Никто ещё не доказал, что понимание одного человека в чём-то более правильно, чем у другого.

Таких “доказательств” не может существовать по определению.

: *Занятие спелеонавтикой ничуть не менее важная часть спелестологии, чем топосъёмка или вскрышные работы. Иль некие архивно-исторические копания,* –

Познание внутреннего мира не менее “умно” и “интеллектуально”, чем физиологические экзерсизы.

¹⁰⁸ Здесь нужно отметить, что недоверие к *чужим данным* в медицинско-физиологической среде столь велико, что параметрическая информация, снятая в одной лаборатории, никогда не бывает “на веру” принята коллегами в соседней, того же профиля. Я столкнулся с этим печальным фактом, когда начал готовить свои Пребывания девяностых годов – выйдя на контакт с одним из заинтересованных в биоритмологических исследованиях физиологом в Первом Мединституте, сразу услышал вопрос: – А в системе *какой* научной школы ты собираешься проводить тестирование?.. Так что будь у Сифра хоть два медицинских образования — ворчания и неприятия коллегами его данных было не избежать.

: В Средние века “в научных кругах” господствовала гипотеза плоской Земли. Эти круги, как известно, не были правыми.

Ньютоновская модель мира прекрасно объясняла всё – до какого-то уровня. Как и теория относительности, всё более сдающая свои позиции. Не алхимии и астрологии, конечно – нет! – но Новой Физике, приходящей на смену.

Органично включающей в себя калибровочные теории, ньютоново тяготение, квантовую механику, теорию размерностей, ТМЛ и информационно-матричное строение Мира.

: Со временем что-то иное заменит или дополнит её, – это очевидно.

А потому “погоня за Дзуликой” и прочими подземными чудесами не менее важна, чем всё остальное.

— Стоять Змей и Мока решили в бывшем Чайнике, – к тому времени брошенном первыми обитателями и переименованном в Жопу за скандально-склочный характер свирепствовавшей в нём экстрасенсорики. Интересно, что *именно в сторону Жопы Чайника* дул воздушный поток в Девятке после моего эксперимента. Ровно на полпути как-то странно “рассеиваясь”. Возможно, это не совпадение.

: “Экстрасенсорные трудности” подземного бытия их не пугали. Даже наоборот. Ибо Сергея и Андрея интересовало в первую очередь то, что мы именуем Зовом Подземли. Возможность сколь угодно долгого бытия под землёй – как следствие – во вторую. И, конечно, любые проявления загадочных подземных взаимодействий.

То есть САЯ – спелеоаномальные явления.

Все эти цели прекрасно сочетались меж собой.

И неизбежно влекли психологические и прочие наблюдения, связанные с длительным пребыванием под землёй. Кто скажет, что “это не важно” — пусть первым бросит в меня камень.

Змей, Мока и Мамонт вели некий “официально общий дневник” – в котором вволю издевались над возможными читателями “в штацком”.

Каждый из них при этом вёл дневник персональный: в котором излагал “правду, правду, и ничего кроме правды”.

: Эти записи легли в основу моей повести «Долгая Ночь у Костра».

Их Пребывание не было абсолютно изолированным – без нашей постоянной помощи оно было невыносимо. Хотя бы потому, что срок окончания Пребывания был отодвинут в необозримое будущее.

: Весь Никитский Круг три с половиной месяца с удовольствием работал на этот проект. Никому не было в тягость – каждую неделю очередные добровольцы ГО приносили под землю продукты и свет; вместе встретили Новый год. С шестьюдесятью гостями-никитянами и театром-студией МГУ “под управлением Иващенко-и-Васильева” — что через полгода, отпочковавшись от именитых рок-бардовских руководителей, стали называться командой “Несча-

стный Случай”. (О, какой новогодний концерт они подарили нам – и пребывающим бессрочно в Никитах Моке, Змею и Мамонту!..) Около месяца ребят сопровождала Алина Дементьева; несколько раз по неделе подземное бытие наших “бессрочных спелеонавтов” разделил Валя Шапиро. С понятными медицинско-физиологическими целями.

— *На четвёртом месяце Пребывание было сорвано. Официальные “спасатели” под руководством ‘специалистов по спелестологии в серых шинелях’ при помощи первоодков из спелеосекции МГУ силой вытащили ребят из-под земли. На поверхность. Против их воли.*

– Стрельни, стрельни,— сказал Змей историческую фразу, когда ворвавшийся в Жопу мент навёл на него пушку,— **это будет последний выстрел в твоей паскудной жизни.**

: Человек четвёртый месяц находится под землёй, и многие вещи, что волнуют нас на поверхности, были ему “по барабану”.

Кроме одной — возможного обвала в гроте.

: Послепребывальную релаксацию ребята проходили в КПЗ Домодедовского УВД. Сроком чуть более месяца. За это время им пытались “пришить” все имеющиеся в районе “незавершёнки”,—

“Пришить” не удалось. Хотя, конечно, “органы” старались изо всех сил и нервов ребятам попортили изрядно. < Как годы спустя мне поведал один хороший человек из Домодедовского УВД, полковником ушедший на пенсию и занявшийся частным сыском, «не лежала у нас к этому душа, Сергей, понимаешь – не лежала. Знали мы, что ребята ваши ни в чём не виноваты — но сверху, из старшей конторы, такое распряжение пришло: сажать, и точка. Хорошо, что они ничего на себя так и не взяли.» Человек этот начинал свою карьеру участковым в Никитском, и жизнь несколько раз сталкивала меня с ним. Это действительно хороший и честный мент; его словам я не могу не верить. >

Когда выяснилось, что уголовное дело на наших спелеонавтов ни по одному из предъявленных им эпизодов возбудить невозможно, пригрозили последним оружием: “злостной тунеядкой”. Была такая статья в совковом уголовном кодексе. Поскольку ребята уж четвёртый месяц пребывали под землёй — естественно, нигде официально не работали. Чем, с точки зрения совкового ‘гос-ударства’, наносили ему просто офигительный вред.

Но применить данную статью (в её максимально карательном варианте с лишением московской прописки и двухгодичной ссылкой в места принудительной трудовой деятельности) можно было лишь после полугода отсутствия должных штампов в “трудовой книжке” —

: поторопились, однако, с выемкой. На том и облажались.

— Однако: Сифру такой вариант развития событий не мог прийти в голову и в кошмарном сне...

В отечественной спелеонавтике запросто и неизбежно случился в реальной жизни.

А привёл незваных ментов-спасателей в Жопу Боря-Сапёр, воспитанник Андрея Вятчина. Незадолго до того пригретый нами в Никитах и вызвавшийся принимать самое горячее участие в работе Группы Обеспечения. Очень старательный был мальчик.

Сам Вятчин на тех ментовских “широко необъявленных спасях” замечен не был. Ограничился идеей и организацией – как положено настоящему и законченному подонку.

Хотя понятно: *что до идеи* – был таким же исполнителем, как Сапёр и домододовские менты. Просто на своём уровне. Возможно даже, искренне верил: благое дело совершает, очищает советскую спелеологию от алкогольно-диссидентской скверны и накипи.

* * *

26 апреля 1986 года взорвался реактор на Чернобыльской АЭС. «И теперь наш мирный атом вся Европа кроет матом...»

: Мы в этот день ехали в Ходжикент на очередные “поминки по Чимгану”. Очень большой и представительной частью Никитского Круга: что-то около 15 человек. В поезде дорисовывали традиционную “газету-маразматку”, полную совершенно-чёрного подземного и антисовеЦкого юмора, – отмечали день рождения Чебрикова, тогдашнего главы КГБ.

По возвращении в Москву узнали страшную новость.

Через полтора месяца на нас вышли сотрудники одного из “ящиков” – так называемого “Института Биологии и Микрорадиации”. Как вышли – понятно. Всесильная организация, без сомнения, была в курсе нашей деятельности; кровь нам, конечно, портила – но потихоньку. Видимо, просто давали понять, “чтоб мы сильно не рыпались” – в тоже время осознавая, что “можем ещё пригодиться”.

И мы пригодились.

Думаю, никакого криминала не будет, если я подотрусь далёкой данной мной “подпиской о неразглашении”.

Нам предложили провести полномасштабное обследование каменоломен Подмосковья и Старицы на предмет изучения уровня радиации. Во всех её формах и видах.

: Провели. В данном случае не жалею о случившемся сотрудничестве с властью – ибо не с властью было это сотрудничество, но с учёными, работавшими на неё. < Если у *них* возникали какие “моральные проблемы” – это было *их* проблемы. Не наши. Так решили в Никитском Кругу. >

В принципе, мы всегда были открыты для сотрудничества с “официальной наукой” – беда заключалась в том, что наука была закрыта для подобного сотрудничества. Но прижало — сами нашли нас. И обратились за помощью без всякой спеси.

“Над этим стоит задуматься”.

... При обследовании выяснились очень интересные вещи: на гранях плит

радиационный фон выше, чем в условном центре плоскости. На углах плит он ещё выше.¹⁰⁹ Более плотный (доломитизированный) известняк жёлтого цвета радирует сильнее. Кристаллизованный ещё сильнее. По спилам сталактитов, изучив их изотопный состав, можно восстановить картину радиационного фона поверхности за весь период роста натёчного образования; период роста каждого конкретного сталактита определяется весьма уверенно с помощью перекрёстного сравнения нескольких методик (палеомагнетизм, палеоклимат, калий-аргоновый и углеродный изотопный анализ,— также пыльца и сравнение разных натёков в соседних пещерах).

В Никитах радиационный фон повышен в то лето не был. На поверхности — был, и весьма значительно.

Что в пещерах можно пересидеть ядерную зиму, догадывались многие.

Мы подтвердили это своими исследованиями.

Заражённый воздух с поверхности теряет свой “грязный фон” уже на расстоянии 50 метров от входа. В пещере с сильной вентиляцией — на ста. Ибо излучает не сам воздух,— радиоактивные изотопы, находящиеся в нём. В аэрозольного вида включениях и в виде пыли.

: Аэрозольная адсорбция известняковыми стенами и бутом — вполне исследованное “явление породы”.¹¹⁰ Чем извилистей и уже ходы, чем больше бутового камня — тем сильнее очистка.

Но самые интересные данные мы получили в том году в Старице, в пещере Лисья.

Оказалось, что в этой Системе можно ориентироваться по двум приборам: компасу и дозиметру.

Но если компас показывал “тупо на север” — сиречь, некое абстрактное направление — *то дозиметр строго на выход из пещеры.*

: Волга была просто страшно заражена радиацией. Ни купаться в ней, ни пить из неё воду было нельзя. Однако эти данные власть держала в

¹⁰⁹ Для сравнения: при обычном суммарном уровне естественной радиации на поверхности для Подмосковья в $5 \div 10$ мкР/ч, средний уровень α -излучения в Никитской пещере, измеренный нами в июле 1986 года на расстоянии $100 \div 500$ м от входа в основных разрабатываемых слоях известняка составлял $1 \div 7$ Бк/кг (в зависимости от типа известняка и процента кремниевых включений — те радируют сильнее,— но даже максимальное измеренное значение было в десять раз ниже “нормы поверхности”); уровень β -излучения колебался от 0,1 до 2 частиц / (см² х мин) < центр плиты — грань — угол; опять же, норма поверхности в десять раз выше >; γ -излучение было в пределах $0,1 \div 0,2$ мкР/ч в центре плиты, $0,3 \div 0,5$ мкР/ч на грани и $0,6 \div 0,9$ мкР/ч на остром угле. Фон поверхности в районе Никитского был тогда около 50 мкР/ч; Волга в районе Старицы радировала В СОТНЮ РАЗ БОЛЬШЕ. *Помните, как в 1986 году из продажи вдруг исчезли огурцы — точнее, они просто не вызрели даже в личных теплицах?.. Причина проста. Она — в поведанных мной числах.*

¹¹⁰ См., например, «Естественные предпосылки самоочищения подземной атмосферы» — В. Н. Андрейчук, В. С. Лукин [“Свет”, №1 (21) , 2000 г.].

глубочайшем секрете.

В той поездке мы нарекли Волгу Голубой Змеей. По имени заражённой реки из “Обитаемого Острова” Стругацких. Но не одна Голубая Змея стала предметом наших разговоров в то дивное лето:

: Образ башен из той же повести довлел в подсознании. Ибо знал из проведённых с Димой Веселиным экспериментов: *экстрасенсорика – не миф.*

Дима – уникальный носитель двух высших образований (кибернетика и радиофизика); помимо этого окончил мигдаловский “инженерный поток”. Работал на кафедре СВЧ физфака МГУ и по совместительству обслуживал “ёзски” НИКИМПа – “взвешивательной конторы” Среднего Машиностроения, где я тогда работал.

: В 1985 году ему предложили возглавить экстрасенсорную лабораторию МВД –

Даже менты тянули свои дубинки к психотронному оружию.

Мы долго спорили с Димой. Дал ему прочитать “Обитаемый остров” Стругацких.

Дима прочитал его за ночь – после чего заломил у будущих работодателей *такую зарплату* – что на него посмотрели, как на сумасшедшего. И командировали в менее секретные области науки.

Конечно, ему было очень трудно отказаться от возможности “на халяву” возглавить такого рода лабораторию. Как учёному.

Как человек, он согласиться не мог. Ибо знал, к чему это может привести.

Наверное, я помог ему сделать нужный выбор. Но если б он не был готов к нему внутренне — каких бы речей я ни произносил, каких бы книг ни давал...

: Возможно – помогли Никиты. Наша совместная работа в них. Ибо уже тогда, тестируя знакомых экстрасенсов (в том числе знаменитого Бориса Узунова, о котором писали Игорь Винокуров и Георгий Гуртовой¹¹¹), выяснили: *Подземля настолько сильно блокирует любой эниологический фон Поверхности, что именно в ней и можно ставить самые чистые эксперименты в области экстрасенсорики,*—

— И Диму, и меня влекло к необъяснимым загадкам СпелеоАномальных Явлений. Поставив несколько подземных опытов на ‘сенсах’, уже протестированных Димой в физфаковской лаборатории и его коллегами в Институте Рефракции Атмосферы (в этом “ящике” вполне официально изучали НЛО и и прочие аномальные явления природы), поняли: надо готовиться к серьёзным эниологическим исследованиям Подземли.

Неотделимых от длительных Пребываний.

Дима с головой ушёл в разработку исследовательских программ; мы с Сапиенсом начали паять приборы, что были необходимы для таких исследований, и достать-купить которые при совке было немыслимо.

Постепенно программа предстоящего Пребывания обростала деталями и

¹¹¹ И. Винокуров, Г. Гуртовой, “Психотропная война: от мифов к реалиям”, — “Мистерия”, Москва, 1993.

параметрическими методиками. Стало ясно, что для получения максимально чистых данных пребывать под землёй нужно двумя отдельными группами. То есть примерно так, как я планировал в 1982 году – да не вышло.

И хоть виток нашего противостояния власти начал раскручиваться с какой-то удурчающей быстротой, казалось: теперь, когда ставку мы делали лишь на свои собственные силы и ни с какими “официальными конторами” завязываться не собирались — задуманное получится.

А почему бы и нет?

: Такие наивные были мальчики...

* * *

— В конце ноября я принёс в Никиты комплект созданной нами геофизической, медицинской и аэрологической аппаратуры.

Планировалось, что каждые выходные будем приходить туда и проверять приборы на предмет надёжности (сомнение было по поводу длительного пребывания рулонов бумаги самописцев в нашей подземной влажности, — как и в отношении длительного хранения в этой влажности электрических схем — часть из которых мы герметизировали лаком, часть залили парафином: для сравнения). В комплексе были чувствительный магнитометр, барограф, термограф, психрограф (все с недельным заводом), радиометр, счётчик аэроионов, фотометр и медицинская тестирующая аппаратура — датчики КГР, тремора, зрительной и акустической параметрии.

Плюс несколько разработок ‘от Веселина’. Которые в наземной лаборатории показали себя с самой лучшей стороны — но как поведут себя под землёй?

“Кэйв-Лэб” оборудовали в Дальней системе Никит, в одном из тамошних малоизвестных гротов с ощутимой тягой воздуха — тягой, вызывавшей у нас ряд вопросов, — но, как мы ни пытались пробиться через завалы и тупики в направлении этой тяги, никуда пробиться не удалось. Тем не менее, поток воздуха имел место — что было удобно для измерения его параметров. А заодно для проверки аппаратуры.

Подход к гроту я замаскировал парой плит (на тяге это не отразилось, но случайного чайника должно было остановить) — кроме того, в Журнале была сделана надпись, что в Системе находится группа на Пребывании, которая не желает с собой никаких контактов.

: на всякий случай.

На студенческие каникулы назначили двухнедельную репетицию Раздельного Пребывания — что было удобно для шести участников нашего эксперимента. Да и нам с Сапиенсом: у него должен был начаться отпуск; меня на моём новом месте работы — в звуковом цехе театра Наталии Сац раньше середины февраля не ждали.

Летом, по итогам этого испытательного Пребывания, думали уйти под землю на два месяца. С лагерем ГО наверху над пещерой, телефонной связью с обеими группами – и прочим. Как мечталось все эти годы.

Но Подземля настолько сильно звала, притягивала – что, думал, не удержусь: декабрь был у меня свободным (с предидущей официальной работы я уже ушёл; семьи к этому печальному моменту также не стало) — что мешало мне залезть в родные Никиты в порядке “частного пребывания”?

Тем более, что в городе ничто не удерживало во всех смыслах. Более того: сходил по вечерам с ума в городских стенах. И от случившегося одиночества, и от того, что привело к нему.

Под землёй было легче. Под землёй была бы Работа. И родные, добрые стены.

Запланировал погрузиться 5 декабря – но не успел создать нужного запаса продуктов.

: Совок издыхал, – призрак голодного коммунизма всё отчётливее наполнял оголяющиеся витрины магазинов. А потому с едой было туго.

Погружение перенёс на девятое.

Восьмого, накануне, ко мне приехал Сапиенс.

“Сверить наши параметрические песни”.

В разгар сверки раздался телефонный звонок.

: Звонил Гриша Чёрт. Тот, что в 1981 году вскрыл ЖБК и вообще проявил себя в Никитах на редкость замечательно.

Он сказал, что только что имел телефонный разговор со Старым.

Старый – один из никитян генерации осени 1981 года. После окончательного разгрома “Сокольников” прибил к спелеосекции МГУ, чтобы не терять связи с “вертикалками”. Параллельно продолжал никитское хождение.

В выемке Зелёного Змея он не участвовал – повезло: именно в эти дни штурмовал хребет Алек. Так что отношения я с ним сохранил “условно нормальные”. Ибо не знал, как он повёл бы себя, коль в те дни не оказался “вдали от Москвы”: клубная дисциплина сродни армейской.

В любом случае человек, продолжающий общаться и здороваться за руку с теми, кто вытаскивал Змея и Моку из Никит, “любви не вызывал”. А потому известие, что Гриша Чёрт “только что общался со Старым” не отозвалось во мне ни на сколько.

– Ну и что? – машинально спрашиваю я — сам тем временем находясь, – точнее, *уже пребывая* в родной Системе.

– Старый сказал, чтоб я срочно позвонил тебе. Потому что их вызывают на прочёсывание Никит – власти завтра будут взрывать Систему.

: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Отпробывался. Почему-то мгновенно подумал об оставленной в Системе аппаратуре —

: вполне нормальная, между прочим, реакция. Ибо стоил мне этот комплект, если и не в деньгах (“хотя и в них, конечно, тоже”) –

... .

Вообще-то слухи о готовящемся взрыве Никит, как говорится, носились в воздухе – время, опять же было такое, и ничего иного мы от власти не ждали —

разве что переедут меня, Змея или Мамонта каким-нибудь случайным гавновозом, или шпана в Домодедово (то есть “якобы шпана”) ножик под ребро сунет,—

: были попытки ликвидировать наши входы ранее — но ни к чему не привели. Однажды подошли ко входу МЖД8М — мать честная, перед ним явный кузов бутового камня пирамидой хеопса высится. Ну да: наши входы не в воронках, как в Володарах, Сьянах, Силикатах и Киселях располагаются — в Никитах всё неправильно, всё не так,— и внутренний ландшафт Системы не соответствует “коридорно-бутовым пейзажам” прочих каменоломен, и мыши наши летучие, что в зимнюю хрестоматийную спячку впадать отказываются,— да и мы сами, если уж на то пошло,—

: так и со входами: высятся себе посреди крутого склона холма — ни подъехать к ним < «пещера считается труднодоступной, если к ней нельзя подъехать на автомобиле» — из У. (В.) Холидея >,— ни кишку бетономешалки на высоту такую не задрать, для залития Системы бетоном¹¹² —

: Хорошо, одним словом, расположены наши входы. Стратегически верно. Оттого они и не смогли, как сгоряча в кабинетах запланировали, бутом привезённым вход завалить. Ну мы, несколько подтужившись и выстроившись цепочкой — народ прибывал группа за группой с каждым приходящим автобусом — весь этот бут в Рожайку перекидали. А когда последний камень в воду летел, возопил Мамонт:

— Эх, козлы мы, козлы!!! Вынимай всё обратно на хуй — а я в деревню побежал.

— Зачем?

— Как это “зачем”??? БУТ ПРОДАВАТЬ!!!

: Вот так. “С песнями и плясками”. Но не успел Мамонт как следует отпереживать о судьбе бесплатно утопленного бута¹¹³ — видим, самосвал через привходовые гавнищи пробирается. Гружёный белым камнем. Значит, про нашу честь. А за рулём — один водила без всякого пинджачного сопровождения. Мамонт, понятное дело, ликом воспрянул — рванул к водителю и с ходу орёт:

— Эй, мужик, тебе не всё равно, куда его вываливать? Я тебе сейчас на него такого покупателя найду! Бухло пополам, согласен? Давай со мной в деревню!

: Продал. За четыре бутылки водки. Наверно, не сильно продешевил.

Две выпили мы тем же славным вечером. У нас в Девятке.

¹¹² Это сейчас на стройплощадках с непрерывным циклом отливки здания можно увидеть хоботы бетонных компрессоров, загоняющих раствор аж на высоту десятиэтажного дома. В те годы о подобной технике в нашей стране если кто и мечтал — то только специалисты-строители (а не уничтожители пещер),— да и то “не очень громко”.

¹¹³ Кстати: так и не понимаю, на чём собирался Мамонт тащить эту здоровенную кучу камня в деревню. Ведь не на себе? А значит, как обычно, прикалывался. Но приколы — Великая Штука.

Две водитель. Где-нибудь у себя в Домодедово.

Более куч бута мы перед входом не наблюдали — очевидно, водителю идея понравилась. Да и ехать много ближе.

Были и иные попытки уничтожения наших входов — однажды даже Склизкий Змей с Малым Хенком и Мамонтом разыграли целую “детективно-спасательную историю”, отвлекая официальный “спасотряд” от намеченного действия: вместо “прочёсывания Никит” вся официальная спасательская шобла ломанулась, по ложному вызову наших друзей, в Старицу, — соответственно, запланированная операция по ликвидации никитских входов была сорвана. А через неделю “партии стало не до того” — ибо даже взрывные работы, оказываясь, строго подчинялись плановому хозяйству.

В общем, ничего принципиально нового в уничтожении наших входов не было. И раз ни бут, ни бетон не подходят — выход остаётся один.

: ВЗРЫВАТЬ.

Но процесс этот столь бюрократически-долгий, что — честно говоря — на скорую его реализацию мы не сильно рассчитывали.

Тем не менее, летом 1986 года тайно сделали в Никиты ещё один вход — и замаскировали его на поверхности. Вход назвали Старьёвщик, и информацией о нём ни с кем не делились. Знали о нём лишь его непосредственные создатели — я, Сап, Хмырь и Мамонт.

— Что ты предлагаешь?

— Ты ДОЛЖЕН как-то помешать.

: Ни больше, ни меньше.

Но — зачем? “Запасной вход” вскроем минут за 20, — в крайнем случае, за час. Если земля над ним достаточно смёрзлась.

Так стоит-ли — рыпаться? Пусть их, балуются.

Посмотрим со стороны. А потом, когда всё уляжется и горком отрапортует *наверх* об успешно проведённой акции, вскроем заначенный вход и “отыграем своё”.

Главное, чтоб от их поганных взрывов вся Система не рухнула. Вместе с заначенным входом и нашей аппаратурой.

А вот за эту идею побороться стоит...

: Сап протягивает руку пальчиком вниз. И очевидная мысль посещает меня.

— Чёрт! Передай Старому, что у меня там группа на Пребывании!

: Записи в Журнале соответствует. А что?

Чёрт прощается. Мы с Сапом смотрим друг на друга.

: Отступать, как говорится, некуда. И Чёрт меня потянул за язык... То есть — Сап.

— «Поручик, от чего пала эта лошадь?» — «От Сапа.» — «Классмэн, классмэн, — восторженно цокали чайники...», — изрекаю я.

Памятуя, что квартира может прослушиваться, на всякий случай врубаю музыку. “АССЕРТ-85”, “Metal Heart”. Пусть просвещаются. Но Сапиенс успевает довольно громко пробормотать — то есть озвучить на всякий случай Идею:

– А когда они должны выйти?

– 25 января, – как ни в чём ни бывало отвечаю я. Очень люблю я эту дату. Как-никак – Татьянин день. И день рождения Высоцкого.

– И вообще: в новом году, как известно, у партии и планы новые. А кто старое помянет...

: Тому и вход — выход.

– Слушай, но как же ты собирался завтра – им-то не помешал бы?

– Ха, – хмыкаю я, заправляя ленту в приёмную катушку, – я-то знаю, где они стоят и работают. Наши приборы в другой стороне. Так что я бы не пересёкся. Мне моя Ж. дорога, как “Память”.

Пока проматывается ракорд, Сапиенс успевает вбить последний виртуальный гвоздь в голову возможной прослушки:

– М-да... Не завидую я завтра этим МГУ-шным “спасателям”... Столкнуться с тренирующимся под землёй грушным спецназом ...

– Тс-с! – говорю я. Под самые первые звуки. “Тайна военная, трендежу без сильной надобности не подлежащая.”

И не сказуемая.

Мы пока ещё не знаем, что будет дальше – но поиздеваться хочется вволю.

— а Вам, уважаемый Читатель, разве не захотелось бы?

Тем более, что при любом исходе мы ничего не теряем: главное, чтоб от их поганых взрывов не легло пол-Системы.

Не за официально существующий вход — за эту светлую мысль стоит побороться.

И мы боремся. Поскольку общаемся много лет, и общаемся плотно – на звукозаписывающей фронде подпольной авторской песни, и в Никитах, и в Старице, и “просто по жизни” – понимаем друг друга не с полуслова.

: Вообще без слов.

Так что музыка нам не сильно нужна. Особенно Сапиенсу, что металлу предпочитает хороший блюз. А потому отслушав Первую композицию и вполне насладившись просто офигительным извратом на нестареющую тему Бетховена, включаем Эрика Клэптона.

: Надеюсь, мембраны в возможных микрофонах разорвало в клочья.

— А дальше разворачивается настоящий голливудовский триллер (для нас с Сапиенсом не более, чем прикольно-игровой перформанс – местами, правда, достаточно головобольный и по понятным причинам рискованный), – в результате которого в Международный День Защиты Прав Человека, то есть 10 декабря 1986 года агонизирующая совдеповская власть взрывает все известные им входы в Никиты. И даже лисьи и кротовые норы в районе оных. В том числе и один действительно настоящий никитский вход – которым нам с Сапом пришлось “тактически пожертвовать”. Дабы, сделав вид, что проиграли сражение, выиграть войну. Потому что главное: в результате своих ночных телефонно-партизанских действий (что последовали за звонком Чёрта и были не просто наглой импровизацией с нашей стороны – полной мистификацией и мальцевского “спасотряда”, и их гэбэшного руково-

дства) мы проникаем в самый “штаб уничтожения Никит”, переигрывая гэбэшных дуболомов и всех их спасательских прихвостней по полной программе — и лично руководим процессом уничтожения родной Системы. Ни больше, ни меньше. Ясное дело: в результате нашего руководства страдают лишь перечисленные выше объекты. Но никак не значенный нами “аварийный вход” — и сами Никиты.

Подробности этого прикольно-невесёлого перформанса сполна поведаны мной в документальном “романе со спелестологией” “Катакомбный Мэйнстрим” и в повести “Последняя Капля Сталактита”. Повторяться — тем более на этих страницах — не хочется.

По вполне понятной причине.

* * *

: Какое-то время решили переждать.

Запланированное зимнее Пребывание перенесли в Старицу, в пещеру Лисья — открытую нашей группой за пару лет до того.

За исключением огромного расстояния от Москвы (около 240 км — или, что было тогда гораздо более важно, трёх-с-половиной часов езды на электричке; затем двух, а то и трёх часов ожидания автобуса “Тверь-Старица”, полтора часов в оном и шести километров снежно-ледового пещедрала), во всём остальном эта красивейшая Система для задуманного Пребывания подходила даже больше, чем Никиты.

После Нового года привезли в неё запасы бензина, примуса, свечи, базовый набор продуктов — всё в двойном комплекте, ибо стоять предстояло двумя отдельными группами. В разных частях трёхкилометрового лабиринта.

Так же привезли пенки и спальники, наборы кухонной посуды.

Я договорился с одной из старушек, зимующей в расположенной у Лисьей деревне Калошино, о двухнедельном пребывании под её кровом нашей ГО. Протянули по заснеженному полю километр “полёвки” — армейского телефонного кабеля — от гротов Пребывания до её избы.

Приборы, одной из ночей незаметно вытащенные из Никит через Старьёвщик, пока оставили в городе.

Это их и спасло.

Но ещё перед этим, в декабре, мне позвонили из театра и сказали, что нужно срочно выходить на работу. Коль я не раздумал.

: Я не раздумал — было лишь обидно, что не смогу принять участие в предстоящем Пребывании.

А буквально на другой день после заброски в Лисью двух ПБЛов у Сапиенса возник срочный заказ на работе, и его тоже не отпускали.

Посоветовавшись, подвели следующий неутешительный итог:

Мы с Сапом принимать участие в эксперименте не можем. Добро б он ещё проводился в Никитах — можно было бы, как-то чередуясь, приезжать для контроля. Хотя проблема организации ГО в Никитах зимой — Проблема. Прямо над дырой можно стоять в нашем лесу — но лишь в палатках. Для организации

контрольного поста в деревенской избе нужно было не только везти из Старицы уже проложенный там километр телефонного провода и двойной комплект ПБЛов,— доставленный в Старицу силами всей нашей никитской команды —

— нужно вести переговоры с никитскими местными. Но главное, *открывать вход*. И работать под носом у ментов и горкома. С кабелем, демонстративно выходящем из дыры в деревню.

Да местный участковый на следующий же день на этот кабель сделает стойку, как лайка на белку!..

Потому Никиты отпадали. По крайней мере, до лета.

Из шести участников Пребывания двое лежали с гриппом,— о какой “параметрии”, даже если и выздоровят, можно говорить?

: Пребывание отменялось.

Теперь нужно было забрать из Старицы уже привезённые туда бензин, продукты и снаряжение. Но это было не к спеху. Тем более, что ударили просто жуткие морозы — мы решили подождать две недели.

Приехали за вещами к началу февраля. И увидели:

: *Спальники, разорванные и с выпоротыми молниями, лежали под водокапками. Лагерное снаряжение разгромлено, приведено в полную негодность. Примусов, свеч и бензина не было; консервы также исчезли — крупы и макароны с сахаром и чаем были рассыпаны по всей Системе. И на снегу перед входом в неё.*

Оборудованные гроты — спальные места, сложенные из камней сиденья и столы — развалены.

И так далее, включая по куче человеческого дерьма на обеденных столах в обоих гротах.

: Шок был столь неопишущим, что никаких слов для его обозначения не было.

Руки не просто опустились — казалось, *больше заниматься спелеонавтикой в этой стране НЕТ НИКАКОГО СМЫСЛА. “Раз оно так”. Даже в Старице.*

В двухста сорока километрах от Москвы.

Сап сказал:

— Хватит, отзанимались. Сколько можно плевать против ветра???

* * *

После неудачи в Подолии Гном сказал, что больше заниматься спелеофизиологией не будет. Потому что в нашей стране *это немыслимо*.

: Теперь к аналогичным выводам пришли мы с Сапиенсом.

По “примерно тем же причинам”.

* * *

Конечно, мы пытались провести доступное нам расследование. Выяснили: в январе лишь одна группа после нашей заброски посетила Старицу. Систему Сельцо – но, несмотря на мороз, прогулялась и до Лисьей. Всех, кто был в ней, мы прекрасно знали. Заподозрить в случившемся вандализме никак не могли. Оба наши ПБЛ они, конечно же, видели – но подтвердили, что когда уходили из Системы, всё оставили нетронутым.

Однако, среди прочих в поездке принимал участие Боря-Сапёр. Он и предложил ребятам посетить Лисью.

: “Не пойман – не вор”. Да, он навёл ментов на грот пребывания Змея с Мокой. Да, был неоднократно уличён в “крысятничестве”, то есть воровстве туристического снаряжения как под землёй, так и на слётах.

А ещё он был близким другом Андрея Вятчина. Вполне мог приехать с ним на следующей неделе...

Да только это — не доказательства.

Это предположение, и не более.

Доказательство было получено через два года.

— После вскрытия Съян я близко сошёлся с Мишей Плаховым – живущим в Съянах спелестологом “первого поколения”.

В одном из разговоров поведал ему о том, как нам обломили наше несостоявшееся Пребывание.

– Не знаю, Командор... Может, тебе это интересно. А может – уже нет. За давностью, – сказал он. – Только приехал ко мне как-то Андрюша Вятчин и сказал: не хочешь на халяву прокатиться в Старицу? «Зачем?» «А там в одной Системе просто куча всякой халявной снаряги, – наверно, какие-то чайники бросили...»

– Когда это было? – тут же спросил я.

– А в аккурат, когда ты рассказываешь. В январе 87-ого, в самые морозы. Да мне не досуг было, я не поехал.

В моей статье, вышедшей в альманахе РОСС под редакцией Юры Долотова, те события были названы “вандализмом”.

Юра тактичный человек. Альманах издание официальное, от лица всего нашего спелеообщества. Редакция несёт ответственность за каждое напечатанное слово.

: Первоначально в моём варианте статьи стояло иное определение. И фраз было несколько больше. Но поскольку документально я доказать ничего не мог, Юра сократил статью и убрал резкие выражения.

— *ЕСЛИ БЫ МЫ НЕ ПЕРЕНЕСЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ, ПОЕХАЛИ, КАК СОБИРАЛИСЬ, ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО...*

: Может, погрома бы не случилось?

Кто знает. А может – узнали бы месяц местного КПЗ.

Как Змей с Мокой.

– Интересный факт: в 1989 году г. Кунгур состоялась “конференция по карсту и спелеологии” – и А. Вятчин делал на ней даже некое сообщение: какую-то своеобразную бредятину о топосъёмке. На той же конференции К. А. Горбунова представила свой замечательный доклад “Пещеры и космос”. *Вот бы узнать, с какими чувствами заслушивал Андрей рассказ о пребывании Милутина Велковича и Мишеля Сифра — после того, как оборвал в Никитах наши спелеонавтические эксперименты и разгромил кейв-лэб в Старице?..*

Отчего-то до сих пор остро хочется встретиться с ним. Под землёй. Желательно – в родных Никитах.

: У меня есть, что сказать Андрею.

Остальное в компетенции Бога.

ПРЕБЫВАНИЕ-91: БЫТИЕ

*Всё, что было: отдано. Да не взято.
Наше время легло кирпичом в строение.
Как случилось выжить, мне непонятно
до сих пор. Вероятно — везение.
Дни весьма похожи на фильм про рыбу,
вытащенную на воздух —
не могу
относиться вполне серьёзно
ко всему,
что тут происходит:
ПОЗДНО.
В странном городе
творятся странные вещи:
Подготовка к Рынку идёт злоеже,
Шаг чеканя по площадям и скверам
Марширует нежить — и дело скверно:
Все настолько зависимы друг от друга...
Кто трясётся от Зависти; кто — с Испуга, —
: времена безвластия. Рук не крутят —
(Наверху поминают о Марке Бруте)
— впрочем, кое-кто в золотых погонах
ввёл бы в город парочку легионов...
Но: даст Господь — обойдётся. Хотя и это
слишком скушно, чтобы читать газету.*

: тёплый подземный февраль 1991 года –

: «ВРЕМЕНА БЕЗВЛАСТИЯ. РУК НЕ КРУТЯТ...»

– Хотя, конечно, в душно-
вато запутанном мареве Державы сгущается *нечто* – чёрное, злобно-
агрессивное...

— Ну да Бог с ним. Вся эта нежить и по-
гань *там*,– я ЗДЕСЬ. В надёжных белокаменных стенах. Столь, кажется,
живых,–

: сижу себе в славном подземном уюте – работаю. Снимаю должную пара-
метрическую стружку со своего организма, одновременно доверяя шариковой
ручкой тетрадному листу некий эпизод: что привязался, увиденный во сне на
третью мою “одиночную ночь”,–

: По опыту знаю — избавиться можно лишь одним
способом. Ещё не владея сюжетом, не зная, что к чему придёт и откуда тот или
иной сюжетный поворот, событие вынырнут,– в какой связи выстроятся и что
поведают мне самому,– записываю звучащую в голове строку.

Хочется верить – от Бога. Или от Общего Информационного Поля: в са-
мом простом и неторжественном варианте.

На пятую ночь новый сон будоражит меня – просыпаюсь во власти уви-
денного фильма-сюжета,– после чего пятнадцать минут, отодвинув не только
должное Первое Тестирование, но и пробормотав утреннюю молитву с такой
скоростью, что молитвой она считаться не может (одновременно зажигая
свечу и нашаривая тетрадь и ручку), лихорадочно покрываю бумагу каракуля-
ми конспективной стенографии. Чтоб ничего не забыть, не упустить. Явный
скачок через пару глав, “а то и больше” –

– плевать. Недостающее прозвучит/представится само собой. Когда придёт время.

По окончании кроя бумаги значками, что столь удивительным образом
есть наши мысли и чувства, выдыхаю — собственно, не по окончании, а когда
понимаю, что не записываю уже – *пишу дальше*,– резко останавливаюсь,
мысленно “отматывая своё состояние назад”, до как бы момента пробуждения:

: остановившись и действительно сосредоточившись, творю утреннюю мо-
литву о сиянии этого нового дня. Затем молитву о родителях, детях, наших
близких – живых и ушедших,– и моление о Призвании: «... сердце пречистое
сотвори во мне, Господи, дабы в сердце своём услышал я Голос Твой – когда
последует Он».

И тянусь к коробам с приборами и датчиками. В уже привычном порядке.
[Полагаю, что параметрия, снятая через пять минут после подъёма и через
двадцать качественно не отличаются,– тем не менее данные, снятые с пятна-
дцатиминутным, не предусмотренным программой сдвигом, записываю в таких
квадратненьких скобках – с соответствующей сноской-комментарием. В
котором в ‘достат. кол.’ присутствуют и ирония, и самоиздѣв: примерно, как
“шарм и очарование”.]

Настроение = Радость = Свет.

Затем приступаю к разминке. В естественно-обнажённом виде,–

– тоже Сказочное Ощущение: абсолютно-твёрдая уверенность, что кроме меня в Системе никого нет и быть не может.

– А что у нас: праздник?..

: И никто не дразнит?...

: строки Юры Устинова, с которых начался разгром Чимганского фестиваля в 1982 году...

— Ну просто удивительно, с какой силой Прошлое обступает нас под землёй!

... Собственно, объяснение простое. Ибо под землёй ты не только оказываешься ближе к Богу (“хочешь ты того или нет”),—

: в мире, вырванном из текущего на поверхности Времени, Прошлое неизбежно сливается с настоящим,— с невысказанной явью замещая своими миражами-видениями, ощущениями и чувствами то, что “как бы отсутствует”. По определению.

При теоретическом равенстве в информационном своём аспекте с предчувствием будущего — именно оно, родимое. Прожитое-пережитое, сгинувшее в безвозвратной, как кажется лете,—

: В отличие от будущих вариантов-развилочек твоих Мировых Линий, оно однозначно определено. Неизменимо и чётко, раз и навсегда.

Реально до боли — коль было светлым и радостным. Коль значило для тебя — Всё. Ибо, по сути, сделало тебя Тобой.

: экстрасенсорная чувствительность в условиях Подземли обостряется до беспредела. Информация не ведает знака времени,—

: Чувство-ассоциация со случайно пришедшей строкой, запахом, движением, мыслью, рождает абсолютно реальные фантомы былого. От голосов и света которых некуда деться. Слава Богу, что фантомы эти — добрые и приходят из доброго мира нашей памяти.

: Таково её свойство — не держать зла.

Плохо, что это добрые и светлые воспоминания. О временах, что канули в лету — и никогда не повторятся. Как бы ты этого ни желал.

До животной тоски, до нестерпимой боли.

Кажется, иронично это называется “тоска по ностальгии”.

Только кьеркегоровская “ирония, как способ” не помогает.

: Хоть вешайся.

* * *

...: вспоминаю в порядке “иронитерапии”, как вспоминал на Пребывании 85-го года Первой своё Пребывание,—

* * *

: НЕ ПОМОГАЕТ.

* * *

Потом, на “Пребывании’95” – одиночном в месяц длиной, перешедшем в четырёхнедельное групповое со Склизским Змеем, он мне раздражённо кинет:

– Ну что ты шизуешь по своему прошлому? Здоровское было, в кайф?.. Так радуйся, дурак, ЧТО БЫЛО!!! Ведь могло и не быть – по ряду причин, да. И, не дай Бог, этот момент будешь когда-нибудь вспоминать, как самый светлый... к сожалению.

: Змей – даос. Во многом прообраз моего любимого героя Пита. В данный, не самый светлый “по ряду причин”, момент, мы оба сидим за столом в гроте Обитаемый Остров, и в поте лица своего, чередуя брань в адрес вчера открытой нами новой части Системы с бранью в адрес впивающихся в пальцы иголок, штопаем остатки своих комбезов. *Просто разорванных в клочья на кораллитовых плитах тамошней естественной полости,*–

: *никогда не думал, что буду крыть самым отборным матом столь желанное и красивое под землёй ‘явление породы’...*

— самое интересное: даосское отношение к миру помогает. И всё становится на свои места.

: Ведь это действительно непередаваемо-здорово – здесь, в наших каменных стенах, мне дано заново пережить то, что, казалось, никогда не вернётся.

– Действительно здорово.

По самому большому счёту.

* * *

Но в девяносто первом мне ещё страшно далеко до столь мудрого обораживания ложки дёгтя в бочку мёда.¹¹⁴

: Как до будущей почти обрётённой радости настоящей подземной работы — обернувшейся очередной катастрофой.

— В девяносто первом всё выглядело для меня примерно так:

«25.02.91. Понедельник. РОВНО МЕСЯЦ, КАК Я ПОД ЗЕМЛЁЙ. Встал рановато – в 11.00. Возможно потому, что идёт явный “физический плюс”. < Вчера вечером, в некоторой тоске подводя итог “неприбытия” ГО, что обещалась подкинуть мне свежего хлеба, уселся за стол в гроте и часа три

¹¹⁴ Ну как тут не вспомнить *просто кайфное* стихотворение Сергея Калугина о селёдке — “конкретную инструкцию по переходу из ада в рай здесь и сейчас”?..

усреднял данные на каждый день по пяти дневным измерениям; затем рискнул начертать первые девять графиков... Интересные, чёрт побери, кривые! То-ли реадаптация на четвёртой неделе пребывания (после перенесённого почечного приступа), – то-ли пресловутый “физический плюс” — наконец-то пойманная математическая реальность. >

: Утренняя молитва, первое тестирование, разминка в “естественно-обнажённом” виде (форма одежды “0”); второе тестирование. Завтрак: макароны и ½ банки тушёнки, чай. Без хлеба. < Сухарики пока не трогаю: “экономика должна быть...” > Завтрак “по определению” простой, быстрый и скучный — чтоб не расслаживаться. После него сразу за Рукопись. Шкрябаю, пытаюсь связать сюжетные нити, – ощущение, что не связываю, а рву. В 15.00 дневное тестирование. Затем, в качестве разминки и чтоб не зажиреть без физической работы (по опыту знаю, что это время суток для меня творчески-бессмысленное) — работаю молотком и зубилом по стене грота за столом, выгрызая в её каменной плоти удобное место для сиденья. Медленно, но верно. Каждое движение почти ничего не даёт – но к “файф-о-клоку” зримо видно Продвижение. После чая и пары бутербродов с колбасой и сыром шествую в сторону Выхода. К Журналу, проверить был-ли кто на выходных и не оставили-ли мне послания. Так же проверить работу барографа, термографа и психрографа, подтянуть пружины на следующую неделю измерений, сменить рулоны бумаги и “умаслить” механику.

: В Журнале обнаруживаю запись, что был Хмырь со своей командой – Пит, Ильич и Феликс. Стояли в Геошизике, ко мне не ходили, чтоб не мешать.

Становится почему-то обидно.

И очень тоскливо.

Могли б и зайти (ведь я так ждал!..), – мне их посещение ничем бы не мешало. Всё равно не сижу “вне времени”. Они оставили в Геошизике небольшую передачу – хлеб, консервы, десяток свечей. И бутылку портвейна в честь прошедшего “антипраздника”. Портвейн нычу “до случая”, – надеюсь, что оный не представится. Ибо общаться с народом можно – пить ни в коем случае. (Чтобы не сбить параметрию.) Да и не хочется. Видимо, я так себя настроил.

По возвращении долго колеблюсь, не зная что предпринять. Ставлю кассету Вангелиса. Тестирую себя. Приходит время ужина; готовлю его. То есть разогреваю сваренные утром “с запасом” макароны и вторую половинку ‘тушки’.

Затем возвращаюсь к рукописи. Под мысли о друзьях, что могли бы зайти – но не зашли. Обида на них за это уступает благодарности за заботу и мыслям, что я очень плохой, в сущности, человек. Чем обижаться с разгона, сразу нужно было подумать, что за этим “неприходом в гости” – забота.

В полночь последнее тестирование. На ночь читаю Финнея, «Меж двух времён».

26.02.91, вторник. Подъём в 12, утреннее тестирование, разминка, сопровождающаяся активной долбёжкой мешающейся плиты в предбаннике; второе тестирование, завтрак (гречка и сайра, изготовленная явно из иваси).

Удивительным образом связывается Сюжет — до слёз на глазах, до щемящего придыхания. И как же я вчера этого не видел!.. Пишу стремительно, быстро,— почерк... Слова наполовину сокращаю. Разберусь-ли потом, в городе?

: Придётся. Ко времени дневного тестирования (сегодня, соответственно, в 16.00), кисть болит, как после вывиха. Стержень кончился; следующий лишь царапает бумагу. Извлекаю пассатижами головку хорошо расписанного предидущего и втыкаю в новый. Пальцы в пасте. Жалко, что не в томатной — не оближешь. < Из томатной пасты я варганю свой любимый томатный сок. >

После тестирования марширую с двумя канистрами за водой. Водокан даёт в сутки 6 литров: ровно мои дневные потребности. Удивительно быстро здесь пачкаются руки: всё время в какой-то пыли. Перед каждым тестированием приходится умыться. До вечернего тестирования продолжаю работы по стене грота.¹¹⁵

По завершению параметрии — ужин. Затем вновь пишу,— медленно-вяло. Откладываю писанину: пусть рука отдохнёт,— и внимаю Финнею. Похоже, его тоже мучила добрая память о Прошлом — как мучает постоянно меня. Здесь, под землёй, кажется, дня не проходит без мыслей об уехавших навсегда в никуда (для нас, оставшихся здесь) ташкентцах.

: Так до истоши хочется увидеть их всех,— бездонное синее небо Чимгана, белое солнце, серый изгиб горы,— наши палатки, костры и песни...

Раньше не было даже смысла думать об этом. Не писали писем и почти не перезванивались. Было ни к чему. Гарантированно, раз в год, а то и чаще — Встреча на Лысой чимганской горе. После — на славно-уютной ходжикентской поляне.

: Вполне хватало. Как и ваших командировочных приездов с неизбежным ночным концертированием у меня дома,—

— за чаем, вином, байками и разговорами до “проклятого совкового рассвета”...

А теперь — такая тоска. Наверное, от мысли, что всё. Больше — никогда. “NEVERMORE: чугунное слово”.

— Саша, Илюша, Игорь и Мишель, Кот и Стриж,— увижу-ли я вас когда?..

: Нет ответа. Обрываю чтение Финнея, ибо ловлю себя на том, что не думаю о буквах пред глазами. Взгляд скользит, слова называются — и проходят насквозь, мимо.

¹¹⁵ Пещерный воздух практически лишён пыли — единственным её источником (и порой довольно мощным) является сам человек: я постоянно “работал по гроту” зубилом и молотком; ходил-гулял-ползал по Системе — естественно, поначалу влажный слой грязи на комбезе по приходу в грот неизбежно подсыхал, внося в запыление атмосферы свою весомую долю. К этому, конечно, можно прибавить копоть от свечей и от плекса при прогреве головки примуса. Ну и такой у меня рок (подаренный в прозе персонажу Егорову): *стоит мне вымыть руки, как я их тут же о что-нибудь сываю.*

*Ставлю вторую сторону кассеты, что слушал за ужином.
«Чимган-82». Тот, что разогнался “бактериологическим оружием”.*

Да так и не разогнался.

В моей душе, в памяти.

И в памяти моих далёких, но близких друзей. Знаю это доподлинно, — без сомнений и колебаний: ибо откуда тогда такая меж нас связь, такая привязанность?..

— Хочется в это верить.

А значит, колебания-таки есть. Но касаются они другого: нашей перемены со временем. Что неотвратима, как выбор Мировой Линии.

“Каравай, каравай...”

= “Ну что же; каждый выбрал веру по себе...”

< За вас — уехавших, ушедших — стаканчик ‘томатерного срока’. >

В час ночи последнее тестирование, записи в дневнике за день, — Финней, сон.

: “Так славно провожу я зимний отпуск”...

27.02.91, среда. “По определению” — как заметил ещё лет десять назад — день для меня “не самый лучший”. Даже не знаю, отчего. Может быть потому, что “эмоциональный цикл” критическими точками падает у меня на среду. Ибо равняется “лунному месяцу” — 28 дням, — то есть четырём неделям. Я родился во вторник; соответственно, каждый следующий день после экстремума эмоциональной кривой или смены ей положительной ориентации на отрицательную (как и наоборот) падает у меня на среду. Согласно биоритмическим представлениям апологетов этого цикла, в такой день человеку крайне трудно соблюдать “эмоциональный баланс” с миром и с самим собой. То есть — адекватно реагировать как на всё, что его окружает, так и на чисто внутренние позывы и желания.

: Вполне разумное объяснение. Всё ж лучше никакого.

Утро проходит по привычному графику. После завтрака, направляясь в туалет, вдруг ощущаю сильнейшее нежелание выходить сегодня из грота. На уровне страха-оторопи. Будто предупреждает что: не ходи, дурашка — козлёночком станешь...

— А если останусь, проторчу в гроте весь день, — не стану?

: очень может быть... А может, наоборот. Чёртова “весовщина” моего ‘задо-икального злака’...

Проверить можно одним способом: остаться и не ходить. Или плюнуть на всё — и пойти. Куда глаза глядят, система светит, — без всякой цели. Чтобы в обоих случаях убедиться в правильности Предчувствия.

Но отрицательный результат в такой ситуации предпочтительней. А потому принимаю стоическое решение: так как два дня в неделю всё равно должен вести непрерывное круговое тестирование (повторять цикл параметрических измерений каждый час ради уловления тонких и эфемерных суточных ритмов), — значит, этот день будет сегодня. И, соответственно,

завтра.

: Кручусь весь день этой параметрической белкой. В колесе измерений “температура – АД – пульс – тремор – мышечная реакция – зрение – слух – ЭКГ – КГР – прочее”.

Больше писать не о чем. Кроме, разве что, скверного настроения.

Чтоб не было “самонаведёнки”, в зараевские и прочие, взятые с собой гороскопы (для их проверки на действие под землёй) принципиально не заглядываю. Потом посмотрим: как это моё настроение совпадало с гарантированным от астрологии, – “наука” та ещё...

Спать ложусь с уже почти устоявшимся дневным часовым сдвигом.

28.02.91. ‘Чуть вверх’. И последний день зимы. С утра, после молитвы, продолжение Непрерывной Параметрии. С антрактами на завтрак и посещение сортира. С радостью думаю о предстоящем завтрашнем дне – как о банном с неизбежным дневным хаджем по Системе (пока никто не пришёл, ибо одно дело встреча со случайными чайниками; другое – вполне оговоренные в городе возможные экспедиции посещения своих: Хмыря, Гарри, Глаши, Кузи и Сапа), – гулянии, совмещённом с проверкой моих барографов и термографов (раз уж вырвусь из грота) и неизбежном сливании воды со всех ближайших водокапов: 12 литров, что должна дать ванна в гроте Че-Гевары, установленная мной и Глашей, и примерно такого же количества с водокапа на Централке. Так же радость от того, что завтра – Первый День Весны. А значит, есть повод испечь блинчиков.

Из принесённого водяного изобилия около 10 литров уйдёт “на помойку”. То есть предстоящую баню.

Рукописи из-за практически непрерывных измерений не касаюсь второй день, – ловлю себя на том, что от этого потихоньку впадаю в состояние, аналогичное стрессовому:

— У Мариенгофа замечательно сказано:

“писатель подобен неразродившейся кошке...”

: завтра разрожусь. И нагуляюсь. И вымоюсь. И устрою Праздничный Послепомоечный Ужин –

: столько планов, – а ведь ещё неизбежная параметрия, пять сеансов по 45 минут каждый...

Ясно, что всё не успеть. Удивительная мысль приходит в голову: было бы славно, чтоб на эти выходные меня никто не потревожил. Чтоб два дня подряд – субботу и пятницу – только писать, писать...

С антрактами на измерения. Да на еду. И больше — ни на что.

Настроение, в предвкушении всего этого, праздничное. Как ни странно, тестирование ни сколечко не злит и не раздражает – так интересно час за часом заполнять таблицу... Чем хороша непрерывная параметрия — практически сразу видны некие изменения снимаемых параметров. Даже без обсчёта ошибок и усреднений ясно: внутренние (а не внешне-наведённые) циркадианные ритмы у человека “имеют место быть”.

– Впрочем: кто сомневался?.. Вопрос в следующем: соответствуют-ли они тем, что получали мои виртуальные коллеги в назем-

ных лабораториях?

В то же время в непрерывном тестировании беспокоит невозможность отвлекаться на что-либо иное. Например, на рукопись. < “А ты её не чеши!!!” >

... ладно. Завтра начешусь. А также в субботу и в воскресенье, — только бы никто не пришёл!..»

* * *

— Случайно или нет Сифр назвал наши подземные пребывания “спелеонавтикой”?.. Как представлялось мне, термин сей к нашим подземным занятиям имеет весьма отдалённое отношение. Ибо переводится с греческого дословно, как “подземное плавание” —

: Наверное Сифр, не зная греческого, поступил по аналогии с модными в то время “акванавтикой” и “астронавтикой”. Не потрудившись раскрыть словарь.

: Слово “спелестология” во всех отношениях точнее и ближе, ибо означает именно Пребывание в пещере; также — осмысление этого пребывания и самой пещеры.

: Вполне замечательное слово.

Но вот в чём фокус: ***одиночная спелеонавтика по психологической сути своей тоже самое, что одиночное мореплавание.*** Подобно яхтсмену, спелеонавт в своём путешествии не покидает палубы грота — лишь изредка позволяя себе “купание” в окружающей пещере.

: летит по волнам яхта, влекомая ветром — и летит по космической орбите корабль Земли с каютой-пещерой.

Палубные пассажиры озирают морскую пустыню и томятся бездельем.

Обитатели кубрика и машинного отделения ведут корабль вперёд.

И, соответственно, знают о корабле много больше случайных пассажиров.

— Совместное пребывание трёх или четырёх спелеонавтов *почти* тоже самое, что “путешествие в прошлое” команды Тура Хейердала.

В этом “почти” очень много всего —

* * *

“Тут можно долго философствовать...”

* * *

... валяться в спальнике в гроте

– сигарета, плэер –
и не смотреть на часы

* * *

– Кофе глоток; сигарета. И снова кофе глоток.
: Так всеобъемлюща тишь этого утра в пещере —
– Как тьма за порогом грота.

* * *

... и снова о пресловутом “стрессе”, что, якобы, должно испытывать под землёй. Конечно, случается иной раз приступ *беспричинного страха*, – явление загадочное и не вполне объяснимое. Случается и вполне реальное опасение обрушения свода – порою в гроте, где до того спокойно простоял 10 лет. Случается во время одиночного подземного Пребывания, и при посещении его с друзьями. В этом случае, подобно собаке-ищейке, начинаешь крайне придирчиво изучать-осматривать всё его пространство — откуда энтропией повеяло, почему?..

: Найдя причину, устраняешь её тем или иным способом. Коль причина не обнаруживается, или после возведённой крепёжно-опорной кладки мандраж не уходит – ясно: причина его вне реальной опасности обвала. Переключаешься на что-то иное, – и ощущаешь/выдыхаешь через пару минут с благостью: *ушло окаянное чувство...*

Повторяю, это очень редкое явление. И справляешься с ним “на раз”.

— Недавно ехал в Никиты с Кирой Длинным на его “москвиче”. При выезде на МКАД Кира внезапно сообщает:

– Вот сегодня асфальт — одно удовольствие. А вчера полчаса после работы в ванне отмокал, тряся и стресс снимал...

– Какой стресс, Кира?

: Кириллу по роду работы полдня приходится проводить за рулём. Ибо работает он в фирме, занимающейся установкой стеклопакетов; соответственно, мотается от заказчика к заказчику и от рынка к рынку.

– Так вчера был день жестянщика...

: Не вполне понимаю, что это за день. < Первая ассоциация приходит из Гаррисона, – жестянщики и корчевщики Пирра... > Но Кира объясняет:

– Не асфальт был — сплошной лёд. Непрерывной чередой битые машины вдоль дороги стояли... Потому и решил в Никиты вырваться, отдохнуть от пережитого.

: В Никитах, под землёй ему – **отдых**.
После стресса, полученного на дороге. В городе.

...: Считается, что спелеонавт постоянно находится в точно такой же стрессовой обстановке, как космонавт или подводник. Мол, у одного непрерывная

опасность обрушения свода, остаться без света; у двух других – разгерметизация, отказ оборудования... Что, в общем-то, сходно.

– Что стресс под землёй, по сути, фикция, придуманная журналистами — написал. Ни один спелеолог ещё не попадал “под обвал” случайно. Добавлю о свете: в своём уверен “на 100 %”. Хотя бы потому, что всегда есть запаска.

Думается, у подводников и космонавтов профессиональное ощущение стресса не больше. Потому как *не идут в космонавты и подводники лица, склонные к беспричинной суеде по поводу некой “профессиональной фобии”*. По той же причине клаустрофобики не занимаются спелеологией и никогда не ездят в метро – против нормальных людей, что пользуются метрополитеном без страха и упрёка.

Агорофобики не ходят в горы, не летают на самолётах. Против, опять же, нормальных обывателей – к “стрессам” (точнее, фобиям) такого рода не склонным.

: шансы современного самолёта не долететь до аэропорта назначения значительно выше, чем мои сгинуть в пещере. Но люди летают на самолётах, – и пользуются автотранспортом, не в пример более опасным.

: *Люди, лишённые соответствующей психической патологии.*

От 30.000 до 40.000 человек гибнет ежегодно под колёсами автомобилей и в разного рода иных ДТП только в одной России – как вам такая статистика, уважаемый читатель?.. Разделите количество автомобилей на наших дорогах на это количество трупов. Затем разделите количество российских кейверов на единицы смертельных случаев под землёй. И сравните. А потом рассуждайте о “подземном стрессе” и прочих изобретениях журналистики.

— в тоже время сходство пребывания под землёй с космонавтикой или акванавтикой не просто огромно. Оно – определяюще.

: Ясно, что дорога клаустрофобикам в космос закрыта.

Долгое время считалось, что “это не лечится”. Опять же, с лёгких языков журналистов, шкрябающих о Подземле.

Мы знаем два способа лечения клаустрофобии. Каждый излечивает её раз и навсегда, даже во время острого приступа.

Оба были открыты в Никитах, и там испытаны.

В нашей группе, на “гостевых чайниках”. Столкнувшись с клаустрофобией в первый раз, были крепко озадачены – а потому не могли не найти способа. И нашли. Успешно испытав его уже на специально приведённых пациентах.

: *Клаустрофобия¹¹⁶ однозначно лечится водкой и/или половым актом. Прямо в момент и по месту проявления. Желательно, на первой стадии – когда клаустрофобик впадает в нечто, сходное с кататонией. Но можно вылечить и острую фазу: когда по выходу из кататонии он начинает всеми*

¹¹⁶ Точнее – клаустрофобический психоз. Подробнее об этом в главе “Стресс как норма жизни”.

силами, не взирая на направления ходов и наличие света, “рваться на выход”.

Желающих отправиться в космос или под воду вопреки рекомендациям психиатров — милости просим под наши каменные своды.

: Это наш скромный подарок миру Поверхности. Простой и доступный каждому.

Как неизбежные полёты к звёздам.

В будущем.

... Тем не менее считается, что есть одно космическое обстоятельство, в принципе не моделируемое на земле и под землёй.

: *НЕВЕСОМОСТЬ.*

— Но кому нужно её “моделировать”?..

Ясно, что длительные космические перелёты будут проходить при почти земной силе тяжести — уже сейчас этому ничего не мешает. Способ №1: постоянное ускорение ракеты. Дорого, но даёт выигрыш в скорости путешествия. Способ №2: центробежная сила. Кстати, корабль, раскрученный по оси движения, удобнее и проще ориентировать на цель полёта, — скажем, на какую-то звёздочку, выбранную ориентиром. Ибо лишь она одна должна быть неподвижной при таком полёте; все остальные — описывать круги вокруг неё.

Странное желание “победить невесомость” путём принятия химических препаратов (а невесомость, поверьте, оказывает разрушительное влияние и на психику, и на физиологию человека) сродни желанию обучить спелеолога видеть в темноте — вместо того, чтоб оснастить его надёжным источником света.

РИТМИКА В НЕДРАХ ЗЕМЛИ

“Земля помогает нам понять самих себя.”

...: Есть научные эксперименты и опыты, в которых присутствие человека не просто нежелательно — невозможно. Ибо за нано-и-пикосекунды, что длится ядерная реакция, человек у пульта установки уместен настолько, насколько в эпицентре ядерного взрыва в качестве независимого наблюдателя от “Гринписа”.

— Есть опыты, в которых без участия человека вполне можно обойтись.

: Изучай себе потом диаграммы и схемы, интерпретируй компьютерные распечатки...

: Есть опыты, где человека можно заменить лабораторным животным.

В опытах иного рода без него, как без добровольца, исследователю не обойтись.

И есть категория исследований, где последней инстанцией могут быть лишь мнение и чувства самого испытуемого.

: лабораторная мышь никогда не сможет поведать резвящемуся фармацевту-исследователю о своих ощущениях и эмоциях по приёму какого-нибудь сомнительного препарата; крыска – каким именно образом ей удаётся ориентироваться в лабиринте.

И даже самый вдумчивый и сосредоточенный испытуемый никогда не сообщит психологу или физиологу, исследующим эмоциональное состояние подопытного, о всех тонкостях своих переживаний; никогда не сможет поведать об испытанных ощущениях “в рамках” принятых теорий. Ну попробуйте представить себе, в каких математически-точных единицах поведать врачу или психологу о своей боли, о радости, о душевной тоске или анемии, – при том, что это не только “не измеряется” — у каждого человека отношение что к боли, что к восторгу или радости строго индивидуально, – как и исключительно индивидуально мышление и представление о том, какими словами и что можно говорить о своих чувствах постороннему, а что – НИКОГДА.¹¹⁷

: Наиболее точную и правдивую информацию исследователь может получить только в том случае, когда проводит требуемый эксперимент на себе.

Причём мнение это широко распространено в науке. По крайней мере среди тех её представителей, что полагают себя подлинными естествопытателями мира.

: Широко известны случаи, когда медики прививали себе болезни, чтобы доподлинно знать об ощущениях больных; также многие из них предлагаемые лекарства испытывали вначале на себе – и лишь потом на пациентах.

Один из величайших биофизиков XX века Дж. Б. С. Холдейн¹¹⁸ издал замечательную книгу «Сам себе кролик», в которой обобщил результаты опытов такого рода.

¹¹⁷ Иной с удовольствием вещает налево и направо о своём что подростковым, что так и не изжитом по достижении реальной половой зрелости онанизме; иной “не расколется” и на приёме у психоаналитика. Третьему же настолько *внутренне противны* подобного рода развлечения, что если он поведает тестирующему его специалисту-сексопатологу, что в течение трёх месяцев подземного пребывания без всяких проблем “руками к себе не прикасался” — будет “уличён” во вранье.

¹¹⁸ Автор столь революционных работ, как «Неравенство человека», «Возможные миры», «Электроэнцефалограммы и мистицизм», «Четвёртое состояние сознания и метаболизм углекислого газа», «Исследование применения восемнадцатимерного пространства к основным проблемам генетики». В равной мере познавший и славу, и остракизм что “упёрто-марксисткой”, что ортодоксальной европейской науки, что сторонников парапсихологии и оккультизма, в ответ на все их нападки Холдейн говорил: «Я изучаю то, что действительно странно в химии и физике, но не пренебрегаю и ничем иным». Именно Холдейну принадлежит приоритет исследования концентрации углекислоты в воздухе и связанной с ней интеллектуальной активностью мозга.

Если отвлечься от анекдотичных и полуанекдотичных случаев – навряд ли того, что первооткрыватель цианидов успел описать их вкус, а знаменитый Кирхгоф, попробовав сильный алкалоид, подвергся некому “озарению” (которое, ясно дело, не смог выразить вербально по приходу в сознание), в результате чего потерял сон и покой и, не взирая на явную опасность повторного принятия этого препарата, принял его, обложившись карандашами и бумагами – и перед тем, как впасть в окончательную нирвану, успел записать крайне гениальную мысль, которая, как показалось ему, с успехом объясняла картину мироздания¹¹⁹, —

— если отвлечься от этих забавных (а иногда совсем не забавных, ибо летальных) примеров, из книги Холдейна следует вполне здравая мысль:

: *Только тот экспериментатор истинен, как учёный, кто не чурается лично принимать участие во всех своих опытах.*

В этом смысле биоритмология в сочетании со спелеонавтикой — ну просто “идеальный холдейновский случай”.

Ибо лишь тот исследователь психического состояния спелеологов имеет право делать какие-то выводы как об их мышлении, так и о наблюдаемых под землёй “чудесах” — кто прекрасно разбирается в самом Море Подземли, не мысля своего существования вне оно.

: Прочие попытки будут похожи на мазню слепого художника.

И только сам пребывающий на эксперименте может подлинно разобраться во всех своих чувствах и ощущениях, ибо, в отличие от лабораторного внешнего исследователя, не только знает себя с рождения, но и окружающий подземный мир — а потому в состоянии понять и оценить, чем могла быть вызвана та или иная его эмоция.

: Попытки проанализировать наши чувства посторонними близки к профанации. В результате которой появляются душещипательные рассуждения о “подземном стрессе”.

Аналогично смешны бывают попытки изучить *подлинные* суточные биоритмы человеческого организма в городских лабораториях, вне отрыва от биоритмических влияний поверхности.

— Учёные ДО АН СССР в восьмидесятых годах обследовали сотни добровольцев и в результате своих исследований определили:

«У человека в течение суток наблюдается пять двухчасовых “взлётов” и пять соответствующих “минусов”».

: замечательный результат весомой научной работы. Непонятно только, куда они дели ещё четыре часа — и в чём проявляются эти “плюсы” и “минусы”.

¹¹⁹ На бумаге осталась корявая запись: «маленькие зелёные бананы лучше квадратных жёлтых». ... Что ещё раз говорит: не фиг путать *настоящее* *Прозрение* с химозно-галлюциногенными костылями. Сиречь, бредовыми заморочками.

сы”: в умственной или в физической работоспособности? А может, в ритмах неокортекса? Или в работе эндокринной системы?..

То, что огласили они свои блестящие результаты в одной из центральных совковых газет — уже настораживало. Ибо НИКОГДА учёный не будет связываться с прессой. Если, конечно, он настоящий учёный — и если ему дорога его репутация. Так же “под страхом потерять лицо” ни в одной своей работе никогда не сошлётся на газетную статью, ибо ясно: даже если она написана не трендилой-журналной без высшего специального образования — маститым академиком — в любом случае, согласно уровню издания, писана для кухарок, менеджеров домашнего хозяйства. И тех, что читают ровно столько, сколько оторвут.

: Вообще не хочется ухлопывать годы работы лишь на то, чтоб некий Вася подтёрся твоей публикацией.

А потому газетные выступления в науке, как правило, лишь средство вне-научными методами добиться популярности у парторга института.¹²⁰ Коль на учёном совете приходится молчать в тряпочку.

Гном тогда сразу сказал: — Фуфел. Знаю я, *какая* у них “физиология”...

Но проверить захотелось. Ибо чувствовалось, ощущалось всем жизненным опытом — есть циркадианные ритмы у человека. Но откуда они, где их причина: внутри нашего организма — или вовне?..

: Начал опрашивать всех знакомых подряд. Ибо метод социального опроса — тоже метод. Конечно, “по статистике” 100 % людей, что погибли в ДТП, ели хоть раз в своей жизни огурцы, —

— и всё же...

Постепенно накопился некий материал. Кто как себя чувствует в разное время суток, кому какая длительность их удобней. Сравнил с данными по спортсменам, что мы получили в Малаховке.

“Нагрузил” ушедших на бессрочное Пребывание Змея, Моку и Мамонта с Алиной, парой исследований. Вместе с Валей Шапиро тестировал их три раза. Совместил данные с теми, что получил во время двухнедельного пребывания в 1982 году, когда, по сути, лишь испытывал свою самодельную аппаратуру, — и с теми, что наснимал за двухнедельное Пребывание зимой 1985.

На Пребывании 1991 года получил данные непрерывного тестирования по 15 разным параметрам за 22 дня, снятые так, что они полностью перекрывали земные сутки. Да ещё “размазанные” по трём месяцам.

В результате всего этого выяснилось: да, у человека действительно наблюдаются двухчасовые периоды активности и спада. Интеллектуальные “плюсы и минусы” несколько сдвинуты по отношению к соответствующим “плюсам” и “минусам” работоспособности. У каждого человека — по-своему.

Мало того: абсолютно эти пики у людей не совпадают; расхождение достигает часа, а то и полутора. Наверное, сие зависит от конкретного времени рождения.

Причём эти пики, по сути, не циркадианные — привязки к земным суткам

¹²⁰ Теперь — у потенциального спонсора.

никакой не обнаруживают. “Совы” сдвигаются под землёй на более подходящий им 28 или 32, 36-часовой день (иногда на значительно больший – при сочетании “физического плюса”, но “под физический минус” возвращаются к более кратким). “Жаворонки” предпочитают 20-часовые сутки. Точно подсчитать процентное их соотношение пока не представляется возможным — ибо в городе все подобного рода исследования неизбежно “смазаны” доминирующим влиянием солнечных суток и многих иных причин; также есть люди, которым длина суток “по барабану”. Она зависит у них от степени личной усталости, от иных ритмов. Или от возраста: “сов” больше среди молодых, “жаворонков” — среди пожилых людей.

Было бы славно проверить корреляцию меж возрастом родителей (а также их “совностью” и “жаворонковостью”) и “совностью” и “жаворонковостью” детей. Поскольку устойчивые пары образуют, как правило, люди со сходной темпоральной ориентацией, при общей генетической передаче свойств темпоральная спринтерность или стайерность должны наследоваться. Возможно – в случае темпоральных аритмиков – их родители обладали разными темпоральными ориентациями; возможно, “жаворонки” чаще рождаются у пожилых, “совы” у молодых родителей. Как я уже дал понять, темпоральная стайерность и спринтерность напрямую зависят от уставаемости организма. Кстати, эти слова имеют не только переносное значение: все спортсмены-спринтеры – “жаворонки”; все стайеры – “совы”. В какой бы режим дня их ни загоняли тренеры согласно своим представлениям о “здоровом спортивном образе жизни”: данный факт был выяснен ещё в МОГИФКе.

Понятно, что многое определяет социальный и творческий срез выборки: писателей, музыкантов, поэтов и художников явно больше среди “сов”. И зависимость эта не однозначная, то есть причину и следствие установить достаточно сложно. Если возможно вообще: человек легко изменяет свои внутренние сутки в силу “заикленности” на работе, которую просто невозможно прервать, дабы “отправиться баиньки”; может стать “жаворонком” из “совы” в результате общего ослабления организма. Например, по болезни. Или по возрасту.

Может начать “плавать” в отсутствии часов и светового ритма, — как наблюдается в экспериментах под землёй, проводимых “вне времени”.

Но двухчасовое чередование “плюсов и “минусов” строго обязательно для каждого. На протяжении любого периода времени.

— Отчего же четыре часа были “потеряны” при обследовании добровольцев в Дальневосточном Отделении АН СССР?

: Ответ я нашёл, когда вспомнил, как сам тестировал в МОГИФКе “панов спортсменов” — и перед тем студентов-медиков I ММИ, что приходили в мою лабораторию в качестве “добровольных кроликов” — лишь бы не сдавать зачёты.

∴ Рабочий день в НИИ начинается, как известно, в девять часов утра. Любой поставленный опыт, эксперимент — в это же время. Может начаться и позже, — но никак не раньше. Просто “по условиям работы”. Окончится по исчерпанию программы исследований.

Мне нередко приходилось заканчивать протяжённое исследование и в десять часов вечера, и в час ночи. Коль до дому было не добраться – спал до открытия метро на кушетке; на следующий день получал отгул. Мои “подопытные” – тоже.

В экспериментах дальневосточных физиологов всё шло нормально до тех пор, пока добровольцы не начинали “вырубаться” от общей усталости ближе к пяти часам утра. Ибо на каждое исследование, когда бы оно ни начиналось (представим, что и в пять часов вечера) приходили, встав в привычное утреннее время суток. Насильно спать себя днём не заставишь, – как нельзя принудительно не спать накануне такого исследования: в лаборатории не состояние “кемара” изучают, а биоритмы.

“Сдвинуться” же заранее на 12 часов в городе *физически невозможно* – для этого подопытного нужно на две недели перед исследованием сажать в сурдокамеру и принудительно каждый день давать ему отбой на час позже или раньше. (“Жаворонки”, естественно, легко поддаются укорачиванию земных суток; “совы” удлинению, – это мы выяснили ещё в МОГИФКе, когда готовили спортсменов к принудительной смене часового пояса на соревнованиях.)

— Вот и получили *поверхностные физиологи* Дальнего Востока замечательную биоритмическую картину: двадцать часов неких ритмов, потом – кемар и вырубка подопытного.

: *По их выводам, в интервале от четырёх до восьми часов утра никаких биоритмов не наблюдалось.*

: “Что естественно – то не стыдно”. Но к науке отношения не имеет.

Очень может быть, что всем иным биоритмам, обнаруженным в городских (клинических) исследованиях, примерно та же цена.

По крайней мере тем, что исследователи именуют “циркадными”. Дабы не показаться голословным, перечислю несколько надёжно зафиксированных в клиниках таких ритмов:

Частота сердечных сокращений достигает максимума в $15 \div 16$ часов.

Частота дыхания – в $13 \div 16$.

Уровень систолического АД – в $15 \div 18$ часов.

Количество лейкоцитов в крови – в $21 \div 23$ часа.

Гормонов в плазме крови (АКТГ, кортизол, 17-гидрокортикостерон) – в $8 \div 12$ часов.

Белка крови (общего) – в 10 часов.

Холестерина – в 18 часов.

Минимальная температура тела у человека наблюдается ночью; отличие её от дневной даже у здорового около $1,3^{\circ}\text{C}$.

Утренний пик работы желудка и кишечника – в $8 \div 9$ часов при максимально возможном суточном спаде активности в $5 \div 7$ часов.

: Вдумайтесь, что значат эти цифры.

Кроме, разве, того, что исследование начиналось в 8 часов утра на пациентах, прекрасно выспавшихся за ночь. Но точно также у моей собаки наблюдаются “циркадианные ритмы мочеиспускания”: один примерно в 9 часов утра, другой в 9 вечера. Какое отношение они имеют к реальной биоритмической

картине функционирования собачьего мочевого пузыря и почек, догадаться не трудно. Но факт: наблюдаются — если я не задерживаюсь в гостях иль на работе... Или не занят работой за компьютером так, что утренняя прогулка откладывается почти на обеденное время.

— А вот действительно интересный факт: *околосуточные ритмы наблюдаются и у плода, — причём корреляции с земными сутками не имеют. У будущих “жаворонков” они короче суточных, у будущих “сов” длиннее. Но между шестой и шестнадцатой неделей после рождения приходят в точное соответствие с земными сутками.*

: Весьма принудительное соответствие. Диктуемое уровнем мелатонина в крови — что определяется исключительно солнечной освещённостью. И “на раз” разрушается в условиях, лишённых синхронизирующего влияния вращения Земли.

— Вывод: современная “исследованность” циркадианных биоритмов человека — кажущаяся. К реальной биоритмической картине функционирования нашего организма отношение имеет весьма отдалённое.

Потому-то уж пару десятков лет многие исследователи обращают своё внимание на ритмы иного рода.

* * *

— Не секрет для образованного человека (чем шире образованного, тем, соответственно, более “не секрет”): *всё живое и неживое на нашей планете и в космосе подчиняется множеству циклических зависимостей, — иногда довольно сложного порядка, с не вполне очевидной связью.*

А потому постараюсь просто описать наиболее (как мне представляется) важные из них, не отвлекаясь на возможные причинно-следственные связи и сложившиеся в Природе цепочки каскадного реагирования. Подробности, как и описания иных ритмов, желающий может без труда почерпнуть в специальной геологической, медицинской, исторической и астрономической литературе — главное, чтоб под понятие “литература” не попали журналистские измышления и разного рода фоменки.

Лично я рекомендую для начала «Периодические процессы в геологии» [сб., “Недра”, Л., 1976 год]; «Современная геология» [Судо М. М., “Знание”, М., 1981]; «Ритмы нашего мира» [А. Гангус, “Мысль”, М., 1971]; «Физика времени» [Чернин А. О., “Наука”, М., 1987]; «Лунные ритмы» [В. Альтшулер, В. Гурвич, “Гидрометеорологическое издательство”, Л., 1971]; «Биоритмы» [современная “Медицинская энциклопедия”]; «Земное ухо солнечных бурь» [Чижевский А. Л., “Мысль”, М., 1976]; «Физические факторы исторического процесса» [Чижевский А. Л., Калуга, 1924]; «Живые часы» [Уорд Р. Р., “Мир”, М., 1974]; «Ритмы жизни» [Доскин В. А., Лаврентьева И. А., “Медицина”, М., 1980]; «Учебник нормальной физиологии» [под редакцией П. К.

Анохина – “Медицина”, М., 1970]; «Колебательные процессы в биологических и химических системах» [“Труды Всесоюзного симпозиума по колебательным процессам в химических и биологических системах”, Пущино-на-Оке, 21 – 26 марта 1966 года, М., “Наука”, 1967]; «Воздействие гелиографических факторов на человека» [Моисеева Н. И., Любичский Р. Е., “Наука”, М., 1986]; «Критические периоды в жизни человека» [Шапошникова В. И., Левин М. Я, Левин В. Р., “Человек и среда”, Л., 1975]; «Астрономические факторы в биоритмологии» [Агаджанян Н. А., Горшков М. М., “Наука”, М., 1981]; «Влияние Луны на биоритмы» [Агаджанян Н. А., Горшков М. М., “Биологическое действие электромагнитных полей”, т. 2, М., 1984], «О чём говорит год рождения – восточные гороскопы» [сб., “Библиополис”, М., 1992]; «Биоритмы» [Ужегов Г. Н., “Русич”, 1997]; «The Tutankhamun Prophecies» [Maurice Cotterell, 1999; в 2002 году издательство “ЭКСМО” выпустило перевод на русский язык — к сожалению, столь безобразный, что, право, “лучше выучить английский”]; «Hors du Temps» [Michel Siffre, Paris, 1963 (перевод на русский, опять же, настолько вольный, что указывать выходные данные “русскоязычной версии” описанного Сифром не хочется)]; «Dans les abimes de la Terre» [Michel Siffre, Paris, 1975 (аналогичное замечание)]; «Experiences hors du temps» [Michel Siffre, Paris, 1972 (русскоязычная версия отсутствует)]; «The Dragons of Eden» [Carl Sagan, “Coronet Books”, 1977 (перевод издательства “Знание” 1986 года по-своему интересен)]; «463 days under the Earth» [Milutin Veljkovich, “THE BRITISH CAVER”, Spring/Summer 1985, vol. 94/95. (машинный перевод теоретически можно скачать из Интернета, но ценность его невысока)]; «Под каменным небом» [Милутин Велкович, “Београд”, 1972 (существует на сербском языке в недоступном количестве экземпляров)].

: Эти книги в течение многих лет были моими настольными – и совсем не мешали ходить в пещеры. Поверьте: ритмы, описанные в них (как и методы их исследования), за прошедшие годы не устарели и не изменились. Кстати: профессор Агаджанян, работающий на кафедре физиологии медицинского отделения УДН, сотрудничал с Сашей Морозовым при проведении его длительных пребываний в Снежной — и даже сам неоднократно спускался под землю для проведения биоритмологических экспериментов и исследований. Сожалею, что возглавляемая им в УДН спелеонавтическая программа была свёрнута “распоряжением сверху” примерно в те же годы, что исследования А. Мишина в I ММИ — вслед за аналогичным “запрещением” моей спелеонавтической программы в МОГИФКе.

— Но не будем отвлекаться на “особенности национальной спелестологии” — о которых сказано было достаточно. Обратимся к ритмам нашего мира, что многим исследователям представляются важнейшими:

Вращение Солнечной системы вокруг галактического центра приводит при прохождении спирального рукава к периодически повторяющимся геологическим и биологическим катастрофам – поднятию горных хребтов, изменению климата и вымиранию доминирующих видов флоры и фауны.

“Солнечный цикл” в 12 лет, известный всем (на самом деле он не точно

равен 12 годам, но это детали, в масштабе столетия несущественные), образуется от комплексного воздействия на биосферу Земли гравитационно-магнитной пары “Юпитер/Солнце”. Этот цикл во многом определяет социальную активность этноса, периоды его консолидации, подъёма, взаимопонимания – и обратные им спады. В которых, между прочим, привольно чувствуют себя личности-одиночки, не нуждающиеся в “плотной связи” со своим социальным окружением; впрочем, периоды “народного единения”, как показал российский 1937 год, “можно так повернуть...”

: “Мало не покажется”. Ибо единение единению – рознь.

Значительно менее известен девятилетний “творческий цикл” — что определяется эниологическими влияниями, связанными с когда-то существовавшей в нашей системе планеты между Марсом и Юпитером – Фазтоном с периодом обращения вокруг Солнца 4,5 года, — соответственно, его удвоенное число, то есть периоды противостояний Фазтона и Земли образовали девятилетний цикл инерционно-информационного влияния на интеллектуальную деятельность человечества. < Данная работа моя касается лишь Мира Подземли – а потому вопросы происхождения Homo Sapiens затрагивать, по возможности, не будем, — как бы не подталкивали меня к этой интереснейшей теме то очередные биоритмологические выводы, то рассуждения о космоспелеологии. Думаю, любознательный Читатель в состоянии найти необходимую и качественную литературу по этому вопросу, либо обратиться к моему повествованию «Пещеры/Человечество/Космос». >

В развитии человека также наблюдаются определённые ритмические закономерности – судя по всему, связанные с периодами возрастных перестроек нашего организма. У мужчин это, как правило, семи- или четырнадцатилетние периоды, — у женщин трёх/шестилетние. Наверное, здесь уместно сказать, что (в отношении мужчин) семилетний период развития и роста сменяется семилетним “стоянием на месте”, стагнацией. Происходит это от того, что *вообще все процессы в нашем организме цикличны*, — такие периоды “большого роста” и “большого торможения” необходимы Природе для сбалансированного развития индивидуума, переработки и усвоения опыта, что обретается при стремительном развитии. Данный цикл, без сомнения, эволюционное приспособление нашего организма и обеспечивает как устойчивость конкретной особи, необходимую для чисто биологического продления рода, так и устойчивость социума в целом – вкуче с его неизбежным развитием. Плохо лишь, что “на взлёте” $18 \div 25$ лет мы “влетаем” в известный (и чреватый запоями, срывами) “период торможения” $26 \div 32$ лет, за которым — новый рост (“возраст Христа”), — но не каждому творческому человеку с тонкой нервной системой удаётся до него дотянуть без потерь и потрясений.

Вращение Луны вокруг Земли, наглядно отражаемое её фазами, определяет так называемый “астрологический лунный месяц”; связи Луны и Земли столь обширны, что все их трудно перечислить в одной, столь неконкретной статье. Можно лишь заметить, что, судя по исследованиям американских учёных (о которых я уже сообщал в одном из примечаний) и подтверждаю-

щих их спелеонавтических исследований Н. А. Агаджаняна, правильное говорить о влиянии не *собственно Луны* (как космического тела), но *влиянии солнечного магнитного поля* на всё живое на Земле: суперпозиция экваториального вращения Солнца с вращением Земли вокруг своей оси и даёт нам чисто случайное совпадение с обращением Луны, с её фазами. Реальное же вращение Луны вокруг Земли с воспетым астрологами “лунным месяцем” не вполне совпадает — как не совпадают созвездия зодиакального пояса с двенадцатью астрологическими “знаками зодиака”: созвездий этих на самом деле 13, а не 12. *Вообще об астрологии достаточно точно высказался ещё Дж. Кл. Джером: «Всякий гороскоп обязательно сбывается когда-то и где-то, с кем-то — но никогда с вами.»* И ещё замечу: всё, что люди издревле называют словом “астрология”, ни в коем случае не представляет какого бы то ни было рода “науку” — но статистическую сумму случайно подмеченных и не имеющих внятного объяснения (на уровне самой астрологии) закономерностей. Звёзды и планеты в системе понятий астрологии — не более, чем гигантский космический календарь сродни календарям майя, позволяющий с известными натяжками как-то ориентироваться в многообразии влияющих на человека ритмов. Абсолютно — при этом — не понимая их сути и не заморачиваясь хоть каким-то пониманием.

— Что ж: история человечества знает немало примеров пользования явлением при отсутствии ясных представлений на его счёт. Чуть-ли не до XIX века химики верили в существование “флогистона”, — ни свечи, ни костры от этого менее ярко не горели. Латентная блондинка включает компакт-плэер, абсолютно не представляя себе даже основ преобразования “ЦАП/АЦП” и как работает электромагнитный шаговый двигатель, — да что “двигатель” и что “блондинка”!.. Если разобраться, *ни один из современных физиков не в состоянии внятно ответить на элементарный вопрос: что есть электромагнитное взаимодействие. Не на уровне формул — те присутствуют и в безмозглой астрологии, — а на уровне сути явления.*

: НИ ОДИН. А коль появится такой самовыродок — Нобелевской премии ему, будьте уверены, не видать. Потому как никогда не сможет объяснить коллегам, в чём же “сакральный смысл” этого взаимодействия. Ведь если б могли понять — давно бы поняли и всем объяснили. Пусть и на журналистско-популярном уровне. Так что самое место такого гения будет в дурдоме районной ориентации. Даже не в Кашенко; это заведение теперь — для элиты.

— ладно. Продолжим наш “невесёлый разговор”:

Двенадцатилетний и девятилетний циклы образуют меж собой сложную суперпозицию, которая повторяется каждые 36 лет. На Востоке это было замечено довольно давно: все тамошние системы гороскопов учитывают как 12-летний, так 36-летний циклы повторяемости коль не событий нашей жизни, то их социального киота.

Безусловно, времена года влияют на вынашиваемый женщиной плод и на развитие ребёнка в первый год его существования, когда закладываются основные свойства его характера; влияние это весьма и весьма многообразно

(от световых ритмов протяжённости дня, циркадных, годовых и 11,5-летних циклов колебаний магнитного поля Земли — что влияют на работу так называемой “шишковидной железы”, определяющей уровень “эмоциональных гормонов” нашего организма — до биохимических, связанных с питанием, наличием в воде и воздухе пыльцы растений, витаминов во фруктах,— etc.). Естественно, при всех наследственных генетических предрасположенностях ребёнка, родившийся в январе, будет иметь некое сходство с появившимися на свет в этом же месяце — и какие-то отличия от летних своих “почти одногодков”.¹²¹ В бурном европейском этносе калейдоскопическая смена событий обусловила привязанность к “внутригодовому гороскопу”; в тяготеющем к стабильности китайскому — к двенадцатилетнему.

: Эти ритмы причиной своей имеют явления космического порядка. По проявлениям и механизмам воздействия они крайне сложны; по значимости сравнимы с генетическими нашими качествами. Мало того: чем большую выборку людей мы возьмём, тем точнее обозначаются неопровержимые гороскопические взаимодействия; чем меньшую — тем они слабее и не заметней. На уровне отдельного человека в каждую субъективную секунду его времени никак, фактически, не проявляющие себя. Так в газе нет ни одной молекулы с реальной его температурой; у всех она либо выше, либо ниже среднестатистической. Вывод: сильно заморачиваться “гороскопической предопределённостью” не стоит — памятуя в то же время, что тенденция “имеет место быть”. Но это — как течение равнинной реки против горной: утонуть, конечно, можно,— как и оступиться на неровном каменистом дне, или попасть в стрежень потока,— но можно и плыть против течения. Не то, чтобы легко (по течению, безусловно, легче) — **НО МОЖНО**.

Затратив определённые усилия.

: Человек, предупреждённый о холодных придонных родниках, острых камнях на дне и стрежне, легко плывёт в любом, нужном ему, направлении. Бросающейся в воду без оглядки может разбить кочан о чуть прикрытый водой булыжник.

: и вся биоритмическая недолга. Погребение такому петь нет никакого смысла.

Так что выводы делайте сами.

— Но это относится исключительно к космическим ритмам. К тем, что происходят из функционирования нашего организма, относиться нужно куда внимательнее. Тут уж не помогут ни общие советы по плаванию, ни подробнейшая карта русла со всеми стремнинами и

¹²¹ Всем известны статистические исследования однояйцевых и разнояйцевых близнецов, которые ясно показали: не только характеры и склонности близнецов одинаковы,— одинаковы и их биографии даже в том случае, когда они были разлучены в глубоком детстве и воспитывались в совершенно различных по уровню жизни и иным ориентациям семьях. Но не спешите делать вывод, что причины этого сходства генетические: *ни одна близнецовая пара не обладала сходством своих характеров с каким-либо из родителей.*

отмелями, —

Ибо каждый человек несёт в себе личный биоритмический крест; насколько зависит от его капризов и вывертов — непредсказуемо. Порой на все 100 %; порой можно не обращать на него внимания. Что, как известно, расслабляет... С соответствующими последствиями.

Биоритмов внутри нас — как куколок в бесконечной матрёшке. По сути, каждая клеточка организма, каждый элемент этой клеточки, каждый орган или даже его часть обладают своим внутренним ритмом. Ибо равномерно протекающих процессов в нашем организме просто-напросто нет.

У сердечной мышцы насчитывается (только значащих) три независимых ритма; у мозга — 5. “И так далее, по всем органам”.

Их суперпозиции влияют на наше настроение, работоспособность, пищеварение, мышление. На экстрасенсорные наши возможности и на вероятность по рассеянности спалить собственный дом или попасть под машину. На вероятность в определённый день написать гениальную поэму или статью всеобщим посмешищем. < Отсюда — “авторы одной песни”¹²², “одного стихотворения”, “одной книги”, “одного научного открытия”, — etc. >

Но если попытка разобраться в сверхдлинных “явно космических ритмах” достаточно безнадёжна для отдельно взятого за шиворот Жаждой Знаний исследователя (жизни не хватит, к тому же статистически рассчитанные гороскопы работают без точного знания всех этих влияний и связей, — стоит-ли пытаться уточнить то, что точнее по определению работать не сможет?), —

— то попытка разобраться с нашими внутренними ритмами может быть делом перспективным. И достаточно полезным. Скажем, при приёме лекарств гормональной, психотропной или витаминной групп. При подготовке к сложному экзамену, длительному пребыванию за рулём автомобиля, у пульта с “ядерной кнопкой”, — да хоть при возвращении домой к жене, после задержки на работе. Коль знаешь, что настроение у неё по биоритмическим причинам хорошим точно не будет — не хер задерживаться.

: Лучше явиться вовремя, да с букетиком. На крайняк — с поцелуем через глазок, — главное, не перепутать дверь с соседской. Для чего потребно знать и свои персональные ритмы — в “дни усталости и рассеянности” трижды проверяя себя при каждом движении и шаге.

— В “прогарный день” самое оптимальное отключить телефон (чтоб не прослыть идиотом иль грубияном) и никуда не выходить из дома: поваляться в ванной с хорошей детективной книжицей или «Розой Мира» Даниила Андреева. Главное, не затопить соседей. Этажа на три-четыре вниз и на столько же вверх по стояку.

— Ладно; краснобайная разминка окончена, приступаем к приседаниям “в науку по пояс”. Можно без полиэтиленовых пакетов на

¹²² Например, “Марсельезы”. Написал которую вовсе не республиканец, не поэт и не композитор — мало кому известный “средний человек”, простой военный чиновник. И даже не из Марселя. [Стефан Цвейг, «Звёздные часы человечества»].

голове.

По частоте биоритмы делятся физиологами на три группы: высокочастотные, среднечастотные и низкочастотные. Периоды высокочастотных колебаний находятся в пределах от долей секунды до получаса; разброс довольно большой, но медики их не путают. Примеры биоритмов этой группы – колебания биофизической активности головного мозга, сердца, мышц, других органов и тканей. К этой же группе относится ритмика нашего дыхания. Что характерно, один и тот же орган может располагать целым “волновым пакетом” колебаний различной частоты, – то же сердце можно “выключить” инфразвуком около $6 \div 7$ Гц при частоте видимых биений около 1 Гц. В неокортексе мозга, как я уже сказал, тоже имеется свой набор колебаний – от миллисекунд до получасовой длительности.

Большое количество биоритмов человеческого организма лежит в интервале от получаса до 28 часов (среднечастотные ритмы); наиболее важные из них имеют продолжительность от 60 до 120 минут — например, с периодом около 90 минут у новорожденных период покоя сменяется активным; у взрослых с той же частотой сменяют друг друга различные фазы сна.

О достоверности исследования циркадианных (околосуточных) и циркадных (суточных) биоритмов я уже поведал; конечно, их нормальному исследованию сильно мешают “принудительные земные сутки” и связанные с ними как социальные ритмические влияния, так и солнечные.

Низкочастотные биоритмы лежат в пределах от нескольких дней до нескольких лет; их можно отследить по самым разным показателям, ибо какой параметр нашего организма ни возьми – цикличность его неизбежно обнаружится. Например, уровень некоторых физиологических веществ колеблется в моче с периодом в одну неделю; наивысший суточный пик рождаемости – ночью; наивысший сезонный пик рождаемости – с марта по май. Общеизвестен менструальный цикл у женщин.

: По сути, при исследовании биоритмов не проблема обнаружить их — проблема понять, что стоит за цикличностью колебаний какого-то гормона или нашей усталости, – какая физиологическая система организма определяет это, что зависит от её работы, – и так далее.

Поэтому, без сомнения, важнейшим в биоритмологии является не столько **что** ты исследуешь – а **как** и **для чего**.

: Каждая физиологическая школа полагает принятые в ней методики снятия и обработки данных единственно верной; свой традиционный интерес – доминантным в человеческом познании. Иной раз двум поэтам или художникам легче похвалить друг друга, чем физиологам прийти к единому мнению касательно какого-то явления или эксперимента.

Это реальность; бороться с ней – что плевать против ветра. В конце концов, каждая школа по-своему права – ибо ищет ответы на свои вопросы, и только в том аспекте, что интересен именно им.

Из разнородной и противоречивой, на первый взгляд, мозаики *рождается общая картина*.

Внесём же в неё нашу подземную толику. Ибо есть ритмы, что достоверно

можно изучать лишь в полном отрыве и максимальной изоляции от прочих.
 Поверьте: они того стоят.

* * *

*... круг за кругом колесо
 режет огненные знаки
 режут линии руки
 режут звёздные замки
 колдовские зодиаки...*

* * *

: Три ритма с некоторых пор вызывают ожесточённые споры учёных. От полного неприятия до полной убеждённости, что они есть. Согласно одним исследованиям, “что-то такое нащупывается”. Согласно другим – “этого не может быть, потому что нет источника этого”.

Пока капитаны познания спорят, пароход не стоит – набегают досужие болтуны и шарлатаны, творят методички, компьютерные распечатки и справочники, избирают друг друга в “мастера“, “магистры” и “народные академики”, – издают статьи и книжки с интригующими названиями и таблицами-расчётами...

: Народ верит, народ раскупает – и народ убеждается: блинны, действительно работает! Действует!! Не хуже иных гороскопов!!!

: В этом “не хуже” – доля моей личной иронии. В следующей фразе уже не ирония, но злость:

Каждый, кто попробовал “сверить свои пожизненные песни” с этими таблицами и компьютерными распечатками, убеждается на собственном опыте: явление имеет место быть, – а козлы-академики из “большой официальной науки” просто козлы, – впрочем, кто сомневался?..

Речь, конечно, идёт о пресловутых “физическом” (23 дня), “эмоциональном” (28 дней) и “интеллектуальном” (33 дня) циклах.

— История их открытия европейской научной мыслью¹²³ “выглядит примерно так”:

В начале XX века известный берлинский отоларинголог Вильгельм Флисс¹²⁴ (1859 ÷ 1928), проводя анализ течения болезней своих пациентов,

¹²³ Китайцам, майя, индусам, шумерам и египтянам они были известны уже тысячи лет назад, – как и корреляция эмоционального ритма с видимым с Земли периодом экваториального вращения Солнца.

¹²⁴ Друг З. Фрейда и его ученика Карла Юнга; известно, что он не только обсуждал с ними свои теории — именно Юнг обратил его внимание на то, что ритмов может быть несколько и, как минимум, один из них должен соответст-

заметил в них некие циклы. В 1906 году статистический анализ показал, что в развитии болезней у мужчин существует 23-дневный цикл, а у женщин – 28-дневный. Собственно, подвергать сомнению наличие у женщин 28-дневного цикла может только полный и законченный даун; тут же замечу, что женский менструальный цикл отражает ритмические гормональные колебания женского организма и с “фазами Луны” никак не может быть связан — хотя бы по той простой причине, что продолжительность “лунного месяца” не 28, а 29 дней; наблюдаемые четырёхдневные отклонения в длительности регул (они могут колебаться от 24 до 32 дней) в настоящее время прекрасно объясняются вполне разработанным и исследованным механизмом гормональной корреляции работы так называемой *шишковидной железы* с синхронизирующим периодом вращения экваториальных солнечных “пятен” < при истинном периоде экваториального обращения Солнца в 26 дней для земного наблюдателя; в силу суперпозиции вращения Земли с вращением Солнца он равняется 28 дням > и вызываемых изменяющимся магнитным и корпускулярным потоком Солнца изменениях в магнитном поле Земли; шишковидная железа весьма чувствительна к подобным изменениям.¹²⁵

Профессор психологии Венского университета Герман Свобода¹²⁶ (1873 ÷ 1963) обнаружил предсказанные Юнгом 23 и 28-дневные циклы в развитии опухолей, вызванных укусами насекомых, а также в развитии заболеваний сердца. Он же настаивал на том, что половые способности мужчин находятся в зависимости от 23-дневного цикла, а эмоциональное состояние и чувствительность женщины – от 28-дневного.

: Мысль, опять же, “более, чем очевидная” — однако даже столь очевидные *не гипотезы, но факты* приходилось “в тяжёлых боях с переменным успехом” отстаивать первым биоритмологам. ***А уж каково пришлось всем этим “последователям империалистического мракобесного лжеучения Фрейда, развенчанного передовой марксистской наукой” В НАШЕЙ СТРАНЕ — можно себе представить.*** И ведь при том что физиологи, что психологи прекрасно понимали справедливость этих воззрений — но “говорить о них даже шёпотом” официально было нельзя. Доходило до анекдота: преподаватель психологии в Первом ММИ им. Сеченова (где я в то время работал препараторм и прибористом на кафедре Нормальной физиологии) профессор Владимир

воват колебаниям нашего настроения; другой – работоспособности.

¹²⁵ Подробнее смотрите на эту тему: Ross A. «Cell membranes, Electromagnetic Fields and Intercellular Communication» [“New Scientist”, 1987] — о связи циркадных ритмов шишковидной железы, генерирующей гормон мелатонин, и изменений внешнего магнитного поля; «Principles of Psychology», Price, Glicksrein, Horton and Baily (о гормональном механизме циклических изменений эмоционального состояния женщины и связи этих изменений с изменениями магнитного поля Земли); также – «The Tutankhamun Prophecies», Maurice Cotterell, 1999 г.

¹²⁶ Также относящийся к сторонникам предложенного Фрейдом и развитого Юнгом психоанализа.

Осипов, работавший также главным психологом Гражданской авиации, в 1981 году начал одну из своих лекций следующей блестящей фразой: «Сегодня мы с вами займёмся фрейдистской критикой марксизма...» После того, как оживлённый и радостный смех в аудитории стих, он, конечно, провозгласил, что оговорился – тем не менее, был вызван за эту оговорку (все прекрасно понимали, что намеренную) “на ковёр” и капитально вздрючен. По полной психологической и физиологической программе. В результате чего через некоторое время сменил место жительства на зарубежное.

Судьбу А. Л. Чижевского – гениального учёного, первым связавшего биоритмы и солнечную активность, первым исследовавшего аэроионы и открывшем положительное влияние отрицательно заряженных аэроионов на физиологию человека (что без этого влияния вся теория спелеотерапии?..), – эту судьбу определило мнение “красного академика” О. Ю. Шмидта, предавшего теорию циклического развития социума и связи биоритмов и солнечной активности (а заодно и теорию аэроионов) самой настоящей политической анафеме. Что следовало в подлые совковые годы за “принципиальной партийной оценкой научной деятельности, не совместимой со званием советского учёного”, можно себе представить. Помимо правоверного марксиста Шмидта, подвергшего идеи Чижевского идеологической критике, не менее страшную роль в судьбе Чижевского сыграло подлинное светило научного мира совка, настоящий академик “классического ранга” и соответствующих ортодоксальных научных взглядов М. М. Завадский. До последних дней своей жизни он гордился тем, что будучи не в силах опровергнуть гипотезы Чижевского “научным путём”, сделал в КГБ на него самый настоящий донос. О чём не без гордости рассказывал студентам – личным “принципиальным примером” вдохновляя их на научную борьбу с западными “лженауками”.

Аналогичной судьбы удостоился наш отечественный гениальный математик Сергей Чесноков, создавший теорию детерминационного анализа, в основе которой был анализ неявно заданных переменных, – без этих его теорий в принципе невозможно говорить о серьёзном математическом анализе биоритмов. Пока Чесноков занимался подсчётами биоритмов нашей физиологии, связанных с медициной и фармакопеей, всё шло “как бы дозволено” (дело, меж тем, происходило аж в шестидесятые годы – то есть работы его были абсолютно пионерскими, даже применительно к уровню развития западной биоритмологии), — но когда Чесноков, подобно А. Л. Чижевскому, “замахнулся” в своих исследованиях на социологию — ему указали на дверь. Где-то в районе таможни аэропорта Шереметьево. Слава Богу: на Западе его исследования оказались вполне оценены и востребованы – в США он возглавил специально для него созданный институт. Именно Чеснокову принадлежит высокая честь слияния теории ветвящегося времени Ченслера (теории Мировых Линий) с матрично-резонансной теорией строения Мира. В восьмидесятые годы его исследования вышли на столь высокий математический и философский уровень, что одна из его последних книг называется внятно и просто: «О природе Логоса». Нет смысла специально говорить о том, что книгу с таким названием (и содержанием) никогда бы не допустили до типографии в СССР.

В этом историческо-политическом свете понятна одна из причин, по которой в 1982 году были запрещены мои биоритмические исследования в МОГИФКе –

— Однако, вернёмся к истории открытия “месячных ритмов”:

В первой половине XX века западные психологи и физиологи пришли к неизбежному выводу о существовании и у мужчин, и у женщин 23-дневного “физического” и 28-дневного “эмоционального” циклов.

В 1928 году доктор Фридрих Тельчер из университета Инсбрука проверил существование биоритмов на пяти тысячах учащихся и студентов; его данные не только подтвердили реальность 23-дневного и 28-дневного циклов, но и обнаружили 33-дневный цикл, связанный с умственными способностями человека.

В настоящее время некоторые исследователи заявляют о возможном существовании ещё одного цикла из этого семейства – “экстрасенсорного”. Возможно, его период равняется 38/42 дням — но информация эта не проверенная (хотя бы потому, что экстрасенсорные исследования вообще “повторимостью не отличаются”).

: Естественно, после погромной деятельности О. Ю. Шмидта в нашей стране все публикации “о так называемых биоритмах” носили исключительно ругательный характер; получить достоверную информацию об их исследованиях “из первоисточника” было практически невозможно. Тем не менее, они заинтересовали меня именно в то время, когда изучение их официальной наукой, мягко говоря, “не приветствовалось”, — заинтересовали хотя бы потому, что внятной причины, объясняющей их, предложено не было. Как не было ясно, в какой степени они отражают собственное состояние нашего организма, а в какой — внешние на него влияния. Разорвать, разделить эти влияния можно было лишь при подземных, достаточно длительных исследованиях, —

Но возникал первоочередной вопрос:

: Как поймать эти загадочные ритмы? Как связать их с процессами, что проистекают в организме?..

: Безусловно, все они (коль не являются “космической наведёнкой”) — результат некой суперпозиции ритмов “попроще”. Возможно, хорошо (или не очень) изученных на уровне лабораторных физиологических исследований. Но даже относительно изученный эмоциональный ритм показывал лишь корреляцию с “солнечным радиационным фактором”; подлинная его причина оставалась неясной.

: Ритмов в нашем организме — миллионы. Конечно, половину можно сразу отбросить, как слишком краткие. Из оставшихся исключить те системы, что не имеют физиологического отношения ни к нашей работоспособности, ни к эмоциям, ни к интеллекту.

— Стоп. Так с водой и ребёночка выплеснуть не долго. Ибо в организме нашем всё завязано, всё влияет друг на друга, и всё отражается во всём: большое в малом, малое в большом.

Неисчислимо число “сверхбыстрых” ритмов может в общем знаменателе дать суперпозицию с периодом в месяц. Соответственно, суперпозиция “длинных ритмов” порождает неизбежные “обертон” и “биения”, которые будут выглядеть, как более краткие ритмы — по сути, фантомные. Не имеющие физиологической или космической причины. Как их выделить и подсчитать? Складывать наугад все известные ритмы друг с другом? Пожалуйста, на современной машине — как два байта переслать. И получим чисто математический подгон, к реальности отношения не имеющий. [Подарим его А. Т. Фоменко — ухватится с радостью.]

Для начала нужно абстрагироваться от всех помех и всех ритмических влияний среды.

То есть “убраться от них куда подальше”.

Куда — как я уже неоднократно заявлял — для меня лично вопросом не было. Конечно, в пещеры. Ибо сурдокамера (которых, поверьте, не так много в нашей стране — тем более, в рабочем состоянии) никогда, как уже говорилось, не сможет обеспечить и половины той изоляции от внешнего мира, что даёт Пребывание в пещере.

Причём “не просто в пещере” — в КАМЕНОЛОМНЕ. ПОТОМУ ЧТО ТОЛЬКО В НЕЙ ИМЕЮТСЯ НОРМАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ.

За которыми — против весьма далёких от Москвы “вертикальных дыр” — доступность и близость к энергетическим (коль понадобится) системам и средствам связи, удобство доставки и размещения всего необходимого оборудования.

Воздух в “незаселённых” каменоломнях гораздо чище и стерильней “естественнопещерного”. Условия быта — комфортней. Ибо если говорить о том, что спелеонавтика прокладывает космонавтам дорогу к звёздам и иным планетам — говорить нужно не о верёвочном спорте, а о *пребывании под землёй*, мало отличимом от бытия в том же космическом корабле.

И так далее. < В этом “далее” очень много всего, от сравнительной стоимости экспериментального погружения в сурдокамере, вертикальной пещере, горизонтальной естественной и в каменоломне — до удобств обеспечения контроля за ходом эксперимента. >

— Хорошо. С местом проведения разобрались. С объектом исследования, вроде бы, тоже. (Сам экспериментатор в различных вариантах: один, в раздельно-параллельной паре с кем-то — в другом гроте той же пещеры, с соответствующим “временным сдвигом” для чистоты параметрии; группа пребывающих или две синхронно погружившихся группы).

Но что до методик... “А что, собственно, ищем?”

: “Чёрную кошку в чёрной комнате без света — на ощупь, со связанными руками”?..

Ну хоть хорошо, что комната та, где кошка, вроде бы, если никто не ошибается, кажется, точно есть. То есть, судя по некоторым данным, может быть.

Отвлечёмся заранее от теорий — чтоб не получилось красивого, но неповторимого результата. Хотя одна из теорий представляется мне вполне дель-

ной.

– С концепцией “триединого мозга” знакомы? Так вот: похоже, эти три ритма – её зримое следствие. И, по совместительству, прямое подтверждение.¹²⁷

: Древнейший отдел нашей нервной системы, что унаследован от рыб и амфибий и в человеческом зародыше развивается первым – так называемое “нейрошасси”: комбинация из спинного мозга, продолговатого и варолиева моста; все вместе они традиционно называются “задний мозг”.¹²⁸ Он связан с самыми простыми функциями нашего организма, – с самыми основными и давними. Например, с физической работоспособностью. С пищеварением. С функцией размножения. Он включает в себя все необходимые механизмы для воспроизводства и самоподдержания организма, включая регуляцию сердечной деятельности и дыхания, – то есть контроль и управление вегетативной системой организма; контроль в его самом простом и непосредственно-механическом понимании. На языке аналогий его можно уподобить электрической системе машины, что ответственна за своевременный запуск двигателя, зажигание и свечение фар (вегетативная система в этом смысле может быть уподоблена механической части автомобиля). Но без водителя двигающуюся машину представить трудно; так вот — “водителей” у человеческого организма трое. И каждый из них управляет машиной нашего организма по-своему, в соответствии со своими задачами и уровнем субординации (компетентности и степени развитости).

Возникновение, то есть развитие “первого водителя” связано с развитием среднего мозга у рептилий; основу этого комплекса, называемого Р-комплекс, составляют *olfactostriatum*, *corpus striatum*, *globus pallidus* – окружающие средний мозг и развившиеся из его периферии. Основное назначение этого “водителя” – контроль за электрической и механической системами автомобиля, определение порядка выполнения тех или иных конкретных движений (поворот ключа зажигания, руля, нажатие на газ, переключение скоростей, – то есть, по сути, выполнение ряда действий, что мы, не задумываясь об уровне их сложности, называем “автоматическими”).

Следующее эволюционное завоевание – лимбическая система – окружает и дополняет его. Основная функция лимбической системы – контроль и поддержание (в зависимости от ситуации) нашей эмоциональной системы на нужном уровне. У птиц, например, она достаточно хорошо развита. И эмоции им

¹²⁷ То, что я изложу далее, весьма приблизительно и упрощённо – потому как рассчитано на неподготовленного спелеолога. У читающих медиков, паче чаяния, нейрофизиологов, на коленях прошу пощады. Как и у тех, кто безусловно информирован, что мозг устроен гораздо сложнее, особенно человеческое мышление. Но поверьте: на деле гипотеза триединого мозга не противоречит ни отдельной работе полушарий (вербального и ассоциативного), ни двум уровням обработки информации – подсознания и сознания; все эти положения органично дополняют друг друга.

¹²⁸ У рыб и амфибий он, по сути, весь мозг и составляет.

знакомы. В отличие от лягушек, рептилий и рыб. Эмоциональная система с помощью изменения концентрации разного рода гормонов химическим путём регулирует не только активность отдельных наших систем и органов, но и влияет на “приоритеты” в работе организма,— произошедшая из переднего отдела мозга, связанного с обонянием, она, например, в период размножения может подавить чувство голода и дать организму более приоритетную команду на поиск пары противоположного пола; в определённых ситуациях она может подавить нашу физическую или двигательную активность — или, наоборот, активировать её (например, выбросом адреналина).

У млекопитающих уже имеется неокортекс — кора головного мозга. Ответственная за довольно “возвышенный” уровень обработки-представления информации о внешнем мире,— как вербальной, так и ассоциативной. У человека ассоциативная обработка поступающей извне информации происходит в правом полушарии и иногда именуется “подсознанием”; логически-вербальная обработка её осуществляется в левом полушарии и иногда ошибочно отождествляется с собственно мышлением. В принципе, такое разделение существует и у животных. Говоря о “вербальном уровне” относительно животных, я имею в виду, конечно, не буквы, но символы. Суть — абстрактное мышление, пусть даже на примитивном уровне. И собака, и кошка, и шимпанзе,— как слон или крыска **достоверно обладают абстрактным мышлением в тех формах, что необходимы им для жизни.**

Отсюда — их сложное социальное поведение¹²⁹.

Понятно, что эти “водители” во многом дублируют друг друга,— каждый на своём уровне. Ибо развивались они из одних и тех же участков древнего мозга (особенно хорошо этот взаимно-перекрёстный дублиаж замечен при изучении полового поведения человека); понятно также, что более поздние по своему происхождению системы нашего мозга являются и более сложными, состоящими из большего количества внутренних подсистем — каждая из которых обладает своими внутренними ритмами функционирования. Соответственно, неокортекс, ответственный за нашу интеллектуальную деятельность, обладает наиболее продолжительным ритмом: в 33 дня. “Чуть проще” устроенная лимбическая система, ответственная за наше эмоциональное состояние, работает с периодом результирующих колебаний в 28 дней; более древний и

¹²⁹ Знаю, что зачатки социального поведения встречаются среди птиц,— но и зачатки коры у них есть. К тому же социальное поведение птиц не сопоставимо в принципе с разумным поведением животных. О том, что регресс и деградация занимают своё место в эволюционном процессе, тоже знаю. А потому явных деградантов из млекопитающих сравнивать с особо развитыми птицами не собираюсь. Очевидно, что все эти отделы мозга развивались не на пустом месте — происходили из предидущих, в какой-то степени “от природы” склонных к данному виду работе,— происходили, как удобное и полезное развитие их — а потому зачатки абстрактного мышления можно при большом желании рассмотреть и у планарии. Было бы желание докопаться не до истины, но до оппонента.

более, в тоже время, простой Р-комплекс изменяет своё состояние с периодом в 23 дня.

В соответствии с этими представлениями ещё более краткие циркадианные (внутрисуточные) ритмы нашего организма могут быть связаны с деятельностью “нейрошасси”, с ритмическими колебаниями активности отдельных его участков.

– Красиво? Возможно. Реально? Посмотрим.

Вначале попробуем определиться с физическим, относительно простым ритмом. Будем мерить как можно больше параметров, вроде бы отвечающих ему каждый на своём уровне: мышечную реакцию, тремор, температуру, давление, пульс, дыхание и прочее.

Не побрезгуем и попутными параметрами – типа КГР; заодно вспомним об электроакупунктуре. “На всякий случай” попробуем синхронно измерять доступные ритмы мозга и сердца, – глядишь, чего и отзовётся в унисон. Но это так, для общей картины. Ибо общая картина значит не меньше, чем частности.

Обратим внимание на слух и зрение.

И в некотором недоумении перейдём к ритму эмоциональному. Подумав, применим ассоциативные тесты – после тщательных консультаций с психологами. Уровень соответствующих гормонов в крови, конечно, может сказать не мало – но для этого нужна постоянно и быстро действующая лаборатория: тут же, в пещере. Пока у нас таковой нет – обойдёмся. Ограничившись общей рН-метрией. Ибо она тоже кое-что говорит об эмоциональном состоянии организма: сдвиг в кислую сторону означает подавленное состояние; в щелочную – обратную фазу. В общем случае.

Для более точной *психологической оценки* своего эмоционального состояния я применял довольно сложную систему: эмоциональные ощущения делились на четыре группы (“восторг/радость”, “ирония/пофигизм”, “безразличие/абстрагированность”, “тоска/раздражение”, – каждая из этих групп оценивалась по пятибальной условной системе и двум параметрам: “внутренние” причины – то есть как бы стихийно-необъяснимые – и “внешние”, спровоцированные причинно-следственным образом). У каждого человека такое деление исключительно индивидуально, ибо зависит от нашего темперамента — что ещё раз говорит о необходимости и неизбежности *личного участия экспериментатора* в проводимых исследованиях.

Поскольку в нашем положении и этого хватит, подумаем: а как быть с интеллектуальным?

Одному человеку решение кроссвордов в радость. Другого от подобных занятий тошнит. Одному в радость математика; иному – Слово. Третьему Кисть.

: Неразбериха. Нет общей для всех системы. “Задачки на сообразительность” по определению должны быть разными; но разные задачи – разное напряжение. А одна и та же дважды в первый раз не решается. Аналогичная ситуация складывается и с “обучающими” тестами. Ладно; ползём на поклон к психологам. Конкретно – в Институт психологии, к тамошнему научному

сотруднику¹³⁰ – бывшему никитянину. “В память о первом совместном двухнедельном Подземном Пребывании – помоги, друг!”

“Нет проблем”. Есть, оказывается, некие, достаточно универсальные тесты – применимые даже в таком тяжёлом и запущенном случае, как мой. В ответ на мои дилетантские сомнения получаю разъяснение, что:

а) современная психология достаточно развитая дисциплина, по точности своих положений и воззрений не уступающая математике;

б) моё представление об оной какое-то дикарское, от представлений мсье Сифра о физиологии не сильно отличающееся;

в) то, что я говорил о борьбе различных параметрических школ в нормальной физиологии – просто фигня против сражений меж различными психологическими школами, а потому мне следует тупо выполнять их указания и не лезть своим дилетантским рылом в академические эмпирии — затопчут¹³¹;

г) в качестве тренировки мне предлагается две недели предварительно поработать в институте имени Кащенко (хорошо, что не пациентом, и хорошо, что не в Сербского) и прочитать два десятка учебников и монографий. Ну, хотя бы пару, строго по интересующему меня вопросу –

– а потом погружаться под землю, чтобы “не очень там напортачить”.

: Поскольку учебники психиатрии и психологии читать поздно и некогда, овладеваю искусством “самодопроса третьей степени” под руководством нищей нашей науки. Что нищей – зримо видно, ибо ребята мне явно завидуют: возможности у нас примерно равные, но в отличие от них я всё-таки могу позволить себе заниматься любимым делом. Пусть и неофициально. В порядке платы за обучение после эксперимента скидываю им данные своего психического и интеллектуального самотестирования: долг

¹³⁰ Теперь директору института. Поскольку отношения наши проистекали исключительно *на неофициальном уровне* и в то время даже “как бы мешали” его конкретной научной работе (ну не любят совковые учреждения, чтобы их сотрудники в рабочее время носились со всякими “странными” посторонними идеями и отвлекались на общение/сотрудничество с явными дилетантами < если не сказать: *врагами официальной научной мысли* > — имя и фамилию своего давнего никитского друга не привожу. Дабы не навредить его современному положению. Захочет – объявит сам; как и поведает, помогли им мои кустарно полученные результаты, или пылятся в архиве. [Ещё одно соображение в пользу моего молчания – общался я при подготовке своего Пребывания не только с ним, с целой группой его коллег и оппонентов; конечно, там всё было сложнее, чем описано здесь — но если я начну в подробностях вещать о каждом дне подготовки своего тогдашнего Пребывания – к концу книги не доберусь до сути.]

¹³¹ Запоздалое покаяние: не внял этому мудрому совету 10 лет спустя, когда взялся описать проблемы стресса и дистресса применительно к спелеонавтике. За что был бит одновременно несколькими специалистами на любимом форуме “по полной психологической программе”, – и бит за дело.

платежом страшен.

— ну, вроде и всё. В бой. Под землю, на Погружение.

Осталось проверить и протестировать скудный приборный парк, добиться от каждого прибора абсолютно надёжной и точной работы — чтоб не ползла, скажем, частота при естественном падении уровня питания, при изменении температурного режима, влажности,— а это, поверьте, Задача Задач,—

... и надыбить каким-то образом гору продовольствия,— здесь выручают не только родители, но и моя высотная работа: “под объект”, что делаю накануне Погружения, занимаю у разбогатевшего на торговле сахаром приятеля нужную сумму; кстати, работа высотника-промальпиниста не даром выбрана мной взамен звукового фореисторства в детском театре: довольно приличные для того времени деньги позволяют ни в чём экспериментальном себе не отказывать — в разумных, конечно, пределах,— и использовать естественные паузы меж случающихся заработков по назначению:

: для погружения в мир белого камня.

— ну, что ещё? Правильно. Дотащить все эти припасы до входа в пещеру, затем попробовать пропихнуть внутрь. Чем мы с Глашей и занимаемся всю неделю до официально выбранной даты Погружения: с помощью Гарри и Сапа челноками с неприподъёмными шмотниками курсируем по маршруту “Новослободская — Нижние Котлы — Домодедово — Никитское — вход МЖД8М — “ЧП” — ужин, ночёвка — выход — Никитское — Домодедово — Нижние Котлы — Новослободская — завтракобед — новая партия трансов и коробок — Нижние Котлы...”

: Неделю подряд. “С воскресения и до воскресения шло у нас вот такое веселие...”

И “прочухался чуть к понедельнику” — следующему через неделю и два дня после официальной даты последнего входа под землю.

: После ухода Глаши.

Под весьма обрывочные и декларативно-торжественные мысли:

... никакая толпа “добровольцев”, приходящих в институты на тестирование, как на рабочий день,— но живущих при этом в городе, его ритмами и влияниями, как влияниями “солнечных” и “лунных” циклов, *никогда не сравнится с одним спелеонавтом, пребывающем длительное время под землёй: вне всяких посторонних воздействий...*

... только один пример того, что дали сифровские “эксперименты вне времени” — из сотен, которые можно было бы перечислить, коль всерьёз говорить о некой “конкретной пользе” таких исследований “для простого обывателя”, а не для некоего абстрактного космонавта. Людей, страдающих бессонницей по ночам и с трудом борющихся со сном в дневное время суток, помещают в сурдокамеру и ежедневно “передвигают” им время отхода ко сну, укорачивая сутки; днём, естественно, занимают некой физической работой, гарантирующей отсутствие кемаара и вечернюю усталость. Ежесуточный “сдвиг во времени” подкрепляется внешним поступлением мелатонина. Пока их реальное время засыпания не совпадёт с общепринятым. В 80 % случаев наблюдается терапевтический эффект — что не так уж плохо.

... между ритмами солнечной активности и эпидемиями гриппа обнаружена твёрдая и неоспоримая связь, в основе которой – мутагенный фактор солнечной радиации, вызывающий появление новых штаммов вирусов; но точно так же подтверждена и объяснена на биохимическом уровне связь меж солнечной активностью и сердечными приступами, между развитием раковых клеток и “биоритмическими сбоями” нашего организма; также известно, что эффективность противораковой химиотерапии напрямую зависит от её сочетания с внутренними ритмами организма...

... конечно, я понимаю, что биоритмология – не панацея от всех бед...

... и всё-таки: люди, страдающие хроническими болезнями, в свои “опасные дни” – тем более, коль будет найдена корреляция меж этими ритмами и работой эндокринной системы – смогут заранее принимать купирующие приступ препараты, – или, как минимум, знать, что в этот день будет повышенная угроза обострения...

... не надо трендить об астрологии. Звёзды вообще ни при чём, – как может на меня влиять какая-нибудь Альфа Центавра – даже при всей своей “ближайшей”?.. Чушь! Каждая звезда, что мы видим, в этот момент реально находится совсем в другом месте, – от них же свет идёт до Земли десятки, сотни и тысячи лет! Может, её вообще уже нет – взорвалась, сколлапсировала. А когда она испустила свой лучик, откуда знала, что я появлюсь на свет? Раз всё предопределено – так накройся простынёй и не отсвечивай, всё и так сбудется. И при чём тут, коль всё предопределено, звезда? На хрена мне тогда вообще знать, что будет, раз всё будет однозначно и ничего не изменить? А коль можно влиять на события — возвращаемся к первому пункту. Кажется, ребята, в третий раз. Такой вот интеллектуальный биоритм. Давайте-ка лучше о солипсизме...

... без сомнения, парочка “Юпитер/Солнце” тоже влияет. И “подсирает” своими 11,5-летними циклами нашей биоритмологии на поверхности. Прямо и непосредственно, тысячью разных способов. Как и собственно Солнце – если верить американским и японским исследователям, что обнаружили связь меж 28-дневным экваториальным вращением Солнца (то есть периодами появления против Земли групп солнечных “пятен”, ответственных за колебания магнитного поля Солнца – характерно, что периоды “пятнообразования” на Солнце тождественны периоду обращения вокруг Солнца Юпитера) и выработкой фертильных гормонов у женщин, регулирующих месячный, тоже двадцативосьмидневный цикл – явно не случайно “совпадающий” с циклом эмоциональным и у мужчин, и у женщин...

... *Потому и ухожу вниз.* Чтоб для начала разделить эти ритмы, нащупать свои, внутренние. А вот и узнаю: удалось разделить, или нет. Но коль удастся — ясно: их можно учитывать отдельно, исключительно персонально; “космические” же наводки станут видны после этого отсеивания. В конце концов, они неплохо изучаются в статистической обработке. Чем большую массу людей возьмём, тем лучше и точнее будет результат. Вот вы бы и занялись этим, чем трендить в курилке. На личностном же уровне важны в основном эти внутренние ритмы...

... конечно, я понимаю, что моя аппаратура груба. Но с чего-то надо начинать! Третье тысячелетие на двор ломится! Да; один в поле не воин. Для серьёзных исследований совсем другой уровень нужен — но как на него выходить, когда ничего, в сущности, не сделано?.. Будем считать это моё Пребывание пробным шаром. Началом, после которого станет ясно: есть-ли смысл вообще говорить обо всём этом. Как, к стати, и о циркадных ритмах...

... да ни фига не боязно! Знали бы вы, как быстрее *хочется туда*... Ну и отсюда, конечно. Вы правы. Что сильнее: “туда” или “отсюда”?.. Скажи мне свой тест — и я скажу тебе, кто ты...

... и если хоть что-то удастся разглядеть, заметить в этот первый раз... Не удастся — тоже неплохо. Отрицательный результат — тоже результат. Хоть и печальный...

... Франция — спасибо Сифру — недогоняемо впереди всего мира в области биоритмологии. Уже лет тридцать. Вы почитайте, какие замечательные исследования они там проводили! Одно изучение провалов в быстрый сон среди бодрствования чего стоит, — а флуктуации течения внутренних суток, сравнительная биоритмология двух групп пребывающих...

... понимаю, что не догнать. Да и время ушло. Но цели-то у меня совсем иные. Я занимаюсь тем, чем не занимались они. По совсем иным методикам...

: *что поделать, остаточное явление от собеседований в институте психологии.*

: Изживается реальной работой. О которой мечталось столько лет...

ПРЕБЫВАНИЕ-91: РАБОТА

*... Какого я цвета и ветра —
Лучинка которой звезды?
Здесь корни гигантских деревьев
Прокладывают ходы!..*

*Узоры рабов — исковерканы,
Земля моя — грецкий орешек,
Глубин моих чёрное зеркало
Втягивает меня, грешника,—*

*: Камешкам снятся да грезятся
Руки мои и плечи,
Голос, который прорезался
В душеньке перекаленной...*

*Мы встретились: я — ничком,
Чему бы так кланяться низко?
Ползу по стволу светлячком,
Чтоб встретить Подземную Птицу —*

... вторая неделя одиночного пребывания. Втягиваюсь в работу – и жизнь постепенно перестаёт казаться кошмаром сплошного “физиологического садирирования”. В дни, когда согласно задуманной программе, подвергаю себя постоянному прогону по всем параметрическим тестам “от подъёма до отбоя” — в погоне за неуловимыми двухчасовыми циркадианами. Два дня подряд, раз в неделю,— как определил себе сам.

Прочие дни против таких кажутся роздыхом.

С утра следует крепкая физическая разминка – раздевшись догола, после ритуальных упражнений на дыхание и растяжки отжимаю и разбиваю ломом плиты, завалившие привходовую часть грота: навожу порядок после давнего взрыва. “Десять лет спустя”. Потом – тестирование: второе за утро, поскольку первое следует сразу после подъёма. Во сколько бы он ни случился (время очередного тестирования отсчитывается от него вне связи со временем “поверхностных суток”, — такое условие я полагаю необходимым для получения точной параметрической картины моих внутренних ритмов).

После завтрака, как правило, работа над рукописью; впрочем, по настроению она может замещаться “чисто спелестологической” прогулкой по Системе. Через четыре часа после подъёма – дневное тестирование. Следующее, “первое вечернее”, ещё через четыре часа. И последнее – на ночь.¹³² Через тот же четырёхчасовой промежуток времени. Отбой после которого может наступить тогда, когда случится: сразу или спустя два/три часа – значения не имеет.

Меж дневным и первым вечерним тестированием (в устоявшейся у меня “дневной интеллектуально-творческий анус”) занимаюсь некой, почти иррациональной работой в самом гроте: вооружась молотком и зубилом, плавно изменяю его корявые формы ради сооружения удобных полочек и застольных сидений,— так, чтобы творимый уют не входил в эстетическое противоречие с изначально-природными формами грота. Но соответствовал им — примерно так, как случайно изломанный корень в руках резчика по дереву приобретает черты лешего, бабы Яги, дракона...

: За этой не вполне осмысленной на вербальном уровне деятельностью стоит ощущение того, что окружающие ландшафтные формы возникли, как сочетание усилий наших предтеч, ломавших здесь камень, и слепой гравитационно-геологической стихии (к которой можно отнести пифовское балование парами бензина в смеси с воздухом),— а потому, коль я хочу каждой чёрточкой своей подземной жизни *быть вместе с этим камнем*, нужно его не побеждать и укрощать — вживаться в него. Продолжая линиями комфортного бытия природные линии Системы. Её уголки, соцветья и плоскости.

...: Деятельность эта не является для меня непривычной – лет 10 назад, когда в нашем кругу считалось **невозможным** оставаться в городе хоть одни выходные, я в числе прочих всё

¹³² Это тестирование раза в полтора продолжительнее прочих, так как включает в себя оценки моего дневного интеллектуального и эмоционального состояния.

свободное время проводил в этой пещере. Ставшей любимой — из, наверное, сотен, что довелось посетить или открыть мне. И точно также резал и выдалбливал в Белом Камне формы, становившиеся нашими *почти живыми* Домами.

: Для многих из нас здесь тогда был не “второй”, а первый, Подлинный Дом. “Болели Подземлём”?.. Наверное. Но если это была болезнь — то замечательная:

: уж получше отстрела последней живности, что сохранилась в подмосковных лесах — или рыбалки до белой горячки. На тающей мартовской льдине под стрекотанье МЧС-овской вертушки над головой,—

Километрах в двадцати от берега.

— Влекомый “тоской по ностальгии”, один из прогулочных промежутков меж тестирований посвящаю специальному хаджу “по местам былой славы”. Обхожу гроты, где когда-то стоял,— созданные моими руками и руками моих друзей,— в памяти оживают картинки и сцены, фразы и эпизоды, лица, движения, жесты,— стихи и песни, что писались — и завалы, что разгребали под на ходу творимые строки, открывая Тьму Ещё Не Пройденных Штреков...

И поминальный диалог звучит в моём весовском подсознании под механические движения рук, вытягивающих из очередного, тысячи раз хоженного шкурника — взгляда, скользящего по когда-то таким живым и тёплым гротам,— переключкой своей замыкая квадратную скобку Истории: не диалог, но какое-то обобщение прожитого — в результате которого я снова оказываюсь здесь: в стенах, наполненных голосами бывших друзей и товарищей, их поступками и мыслями, теплом и светом всего, что объединяло нас тогда —

... приходили каждый со своей компанией — из класса, института, пэтэушной группы, двора,— но постепенно слились в единый и не делимый мир. Где каждый был равноудалён от всех — и равно близок. “Большой Никитский Круг”,— как называли мы себя.

: Тогда, десять лет назад. “Когда мы были молодыми...” И старались хоть на выходные сбежать, оторваться, исчезнуть из серого морока совсем не прекрасной чуши, что нам несли наверху — на работе, в ПТУ, институте, “семье и школе”,—

— Спасались бегством от мутной действительности совка в сказочных каменных стенах. Слушали музыку с первых доступных кассетников,— как прекрасен был под землёй «Эквинокс» Жана-Мишеля, что столько из нас приобщил потом к Настоящей Музыке!.. Казалось, звуки синтезаторов его сливаются с этим камнем, со всем, что в нём было и будет,— разговаривают через наши души и чувства с теми, кто когда-то добывал здесь белый камень для строительства московских церквей и соборов,— и с теми, что множеством крохотных известнячковых тел сложили этот Камень за миллионы лет до них...

: С восторгом и тщанием истинных следопытов раскапывали и открывали новые штреки, до поры скрытые случайными обвалами,— находили утварь древних мастеров и пытались понять: как они работали, как жили, что чувствовали, чем освещали штольни и как ломали камень,

как обрабатывали его, прежде, чем вынести на поверхность,— по какой системе били эти ходы, как крепили их?.. Прикасались к живой истории Ремесла — истории, которой почему-то не нашлось места в учебниках наверху, что вращало про всё на свете, включая выдумки о “рабском труде детей в каменоломнях и шахтах царской России”...

: находили удивительной красоты украшенные сталактитами и соцветиями кварца естественные гроты, через которые проходили штреки разрабочников; сдерживая изумление, любовались роскошными натёчными драпировками и фиолетовым отблеском аметистизированных кальцитов...

Пели Окуджаву и Галича, Визбора и Высоцкого, Лореса и Мирзаяна, Макаревича и БГ — руша гитарными переборами и ритмами пещерную тишину, творили свои стихи и песни, выпускали к праздникам газеты, готовили концертные программы, спорили об экологии, летающих тарелках, подземных чудесах и исчезнувших цивилизациях,— Стругацких, Брэдбери, Леме, Тарковском, Кримсоне, Жаре и Шульце,—

... отмечали дни рожденья и свадеб. И Новый год,— традиционно три раза: общекалендарный, “старый” и астрономический.

: пели, пили, веселились от души и радовались каждому приходу таких же, как мы,— воевали против общих врагов,—

: СПЕЛЕОЭТНОС. Свой, не похожий на другие. На стыке земли и космоса, Бродского и Губермана, туризма и хипповой системы, рока и самодеятельной песни,— развесёлого праздника и жадного Познания Мира,—

: СКАЗОЧНЫЙ МИР.

... жаль, что кончился. Не то, чтобы умер — растаял в неотвратимом течении Времени.

«Кто отстал, кто выжил — но времени чуть-чуть: нам страницу книжную не перешагнуть...»

: Кто-то занялся иными делами. Одни поднялись, другие утонули в мареве семейных колец, запоев и мелких проблем. Кто смог — покинул эту страну в вихре случившихся перемен. Реестр потерь вычеркнул из телефонных звонков и записных книжек имена тех, без кого прежде не представлял себе Мира Белого Камня —

Потонули в любви мои братья по духу и прозе, из которой рождались стихи на нездешнем морозе — короли афоризмов, джазовые аристократы,— для которых я, кажется, так и не стал младшим братом.

: Чья-то кровь с молоком ещё бродит у царственной бронзы по фольклёрным названиям кофеен, харчевен, и — снов. Я ничей; я случайный снежок, уцелевший под солнцем,— позабывший значение Бог весть где заученных слов,—

... Поднимались стволы: в перекрестьях и сердце, и струны. И мелькали в досье Кришна, Битлз — и даже Иисус! — и тянуло коричневым тленом вдоль стен неуютных, и сжимая гитару я думал, что скоро проснусь,—

: Поколение детей, столь излишних в родимых пенатах, стало жертвой сетей, возведённых отцами когда-то. И спешат невода по московским вечер-

ним бульварам (за характер картин и гитарного репертуара), — но длиною волос не измеришь конфликт поколений, как не спрячешь навоз за года “негативных явлений”: коль на свет извлечён с полстолетия пылящийся китель, ухмыльнётся в гробу подзабытый усатый учитель. Только зренье отцам заслонили прекрасною фразой три великих слепца, проплывавших над площадью в праздник... И колотится в сердце струна пеплом жжёной бумаги — и глядишь, как страна с каждым днём превращается в лагерь.

... Я старался для тех, чьё усердие почти незаметно — чьим делам и словам не отыщется строчек газетных, — и в попытках расслышать обломки ушедших мелодий — запах нашей весны среди лихо звучащих пародий — всё желаю словить недозволенный кайф ностальгии: у компьютерной прозы и звуки, и буквы — *г л у х и е !* < Разве можно загнать Вийона в двоичный код, аромат еловой ветки под Новый год?.. >

: Я и сам потонул — отворяющий многие двери — в невозможной любви (или в том, чему больше не верю), — в одиночестве или безумье отчаянья *н е в ш и х* —

— Но не стоит жалеть. Это просто печать уцелевших.

* * *

На 1991 год лишь немногие из бывшего нашего Круга продолжают свои нашествия этого места.

К сожалению, чаще — чтоб отдохнуть и помянуть ушедшие времена, нежели обрести нечто новое.

* * *

... Так что же это моё Пребывание: дань Прошлому, что неразгаданными тайнами и загадками продолжает вопреки Времени звать под землю — или трёхмесячная “минута молчания” в честь научного и социального импеданса ушедших совковых лет?..

* * *

“Нет ответа”.

А значит, нет никакого смысла в подобных вопросах.

* * *

*Не мигая смотреть
Как радужный шар свечи*

Обступают тёмные стены

* * *

*Полоска плекса в руке
Пляшут вокруг светотени
Треск — костерок в ладошке*

* * *

: Продолжаю заниматься тестированием по полной программе, почти не выходя из уютного тёплого модуля. Спокойная работа располагает к воспоминаниям; прошлое вновь и вновь обступает меня,—

— неожиданно приходит сравнение того, чем занимался Мишель Сифр, с нашей подземной жизнью.

: Становится смешно. Для него Подземля была – противник, коего нужно отвоевать, одолеть. Победить любой ценой, не взирая на затраты,— впрочем, из-за них-то, в основном, и нужно. Когда уходишь под землю с долгами в 200.000 \$ — выйти наверх имеешь право лишь Победителем.

Чтоб хотя бы расплатиться с кредиторами.

— *о каких взаимоотношениях с Миром Подземли можно говорить, когда в спину дышит долговая яма?...*

: Это уже не смешно.

: И при том – во многом, как ни удивительно, его Пребывания очень похожи на наши. Точно так же его ГО было элементарно нечего есть в иные, “не самые светлые дни” обеспечения достойного подземного бытия очередного спелеонавта — ловля змей на завтрак и крапивно-лягушачии супчики хорошо знакомы мне,— как поддержка друзей и родственников: благодаря которым, по сути, и удаётся иной раз дотянуть до намеченного срока под землёй...

В 1993 году в Старице Юра Киринов смог отдежурить месяц и не умереть при этом с голоду только потому, что ежедневно ловил в Волге рыбу; на ужин же, через день, “в нарушение конвенции”, уходил к старицким друзьям. Что было для меня лично крайне неприятно в той ситуации (ибо узнал о ней постфактум) — районные и городские власти, пообещавшие финансово поддержать Юру, не выделили ни копейки... Ситуация для России обычная. < Слава Богу, дежурство Юры не было спелеонавтическим — согласно договору с властями и по их крайне горячей просьбе он от лица нашего РОССа охранял развалины сгоревшей монастырской Школы Искусств. А если б это случилось во время спелеонавтического Пребывания, что планировалось мной тогда в Лисьей,— планировалось при точно так же оговоренной поддержке районных и городских властей?.. Наученный опытом сотрудничества, Пребывание перенёс в Никиты. И провёл его без всяких “костылей” от столь необяза-

тельных “официальных участников”. При этом, в отличие от Сифра, и не мечтал, находясь под землёй, ни о каких томатах (хотя люблю помидоры не меньше оного), — разводил раз в неделю “праздника для” кислотоватую томатную пасту. > Между прочим: эмблема, что в виде летучей мыши и одновременно пламени Свечи украшает три белых камушка на колонтитулах этой моей рукописи — авторства Юры.

Так что “по финансовой стороне дела” расхождений не наблюдается. Более того: мои затраты на каждое Пребывание были на пару порядков ниже.

Принципиальная разница в ином —

Западные спелеологи приступами брали каждую полость: быстрее спуститься до дна — *победить мир тьмы и враждебного камня!* — и наверх, в тёплую ванну... Выражение “штурм полости” — самое излюбленное в описаниях своих подвигов спелеогероями данной ориентации.¹³³

: Алгоритм посещения любой пещеры, ставший кодой. Даже при длительном в ней пребывании. *Вынужденном* — как ни крути.

: *мы приходили сюда за отдыхом и красотой. Мы не просто “сами рыли эти лабиринты” — мы жили в них.*

Ибо городское совковое бытие казалось мёртвым надуманным декором — тогда как под землёй, в открытых для свободного доступа каменоломнях, *ты сам творил свою жизнь* — полноценность и настоящесть которой вопросов не вызывала.

Конечно: многие из нас приходили изначально в Мир Подземли не потому, что стремились в него — бежали от города, от его душных совковых мороков. Но под землёй открывали свободу и подлинность жизни, и настоящих друзей — чьи подземные ники были важнее фамилий и городских работ, и звучали

¹³³ Здесь прослеживается интересная параллель с западным альпинизмом (начального периода его развития): когда однозначно полагалось — и опыт альпийских восхождений не давал повода судить иначе — что любое восхождение на Вершину не должно занимать более светового дня. В максимальном случае — световой день и предшествующая ему часть ночи. Чтоб до захода солнца (подобно муравьишке из известного сутеевского мультика) успеть спуститься вниз. В долину, в тёплый уютный лагерь (гостиницу, кемпинг). Столкнувшись с невозможностью “взять штурмом и натиском” за один световой день грозные вершины Кавказа, западные альпинисты пришли в состояние, подобное шоковому: ибо организации что “холодных ночёвок”, что челночных акклиматизирующих восхождений с промежуточными лагерями обучены не были — как и оказались неспособны штурмовать вершины с двадцатикилограммовым рюкзаком за спиной. Следующий удар судьбы (близкий к затрещине) западный альпинизм получил в Гималаях: когда выяснилось, что покорение тамошних вершин мало отличается от продолжительного пребывания на высотах не менее 6.000 метров. Что не мыслимо без дополнительного кислородного питания и организации комфортных лагерей длительностью до двух месяцев — соответственно, стоимость таких экспедиций подскочила сразу на два порядка.

настоящими именами против фиксированных в паспорте “данных”, — открывали свободу Познания Мира и свободу со-творения его — в разборе завалов, за которыми таились неизвестные продолжения пещеры, в обустройстве наших обитаемых подземных островов — жилых гротах, и в праздничном общении друг с другом — что дарило стихи и песни, анекдоты и хохмы, и весёлые наши газеты (лютый самиздат — гибрид фронды с кукишем),—

И для каждого самым неприятным был не “момент входа” в пещеру — “момент выхода” из оной.

: В зловонное пекло совка.

При этом: на какие только ухищрения ни шли, чтобы добыть себе хоть какой-то подземный свет — воровали полоски плекса со свалки отходов авиазавода на Беговой, у Боткинской больницы,— лили самодельные свечи из добытого на халяву парафина и конструировали “ходовые” и “гrotовые” парафинки, в которых дожигались остававшиеся после горения свечей парафиновые остатки,—

Очень быстро сделали открытие мирового спелестологического значения: обмотанный чуть влажной газеткой плекс горит долго, аки свеча — и при этом не выделяет в воздух никаких неприятных запахов. Да ещё этак потрескивает — будто маленький костерок... Тепло и уютно.

: Не то что официальных шахтёрских “коногонов” — простых двухбатареечных фонариков в те годы даже в Москве было не достать. Как и запасных батареек и лампочек.

Так что плекс (он же плексиглас или оргстекло) вынужденно стал для многих из нас основным подземным светом. Кто был лишён халявного доступа к столь ценному средству освещения, и не догадывался перед походом под землю посетить пяток телефонных будок (обычно они стояли по три-четыре в ряд, и каждую украшала замечательно плексуальная табличка «ближайший телефон-автомат находится рядом»), применял в качестве “ходового света” детские игрушечные торшерчики — с парой лампочек под крохотными абажурчиками на стебельках,— “громкость света регулировалась укручиванием лампочек”...

: Не было современных удобных “пенки” и холофаберных спальников — творили термоизолирующие подстилки из всего, что хоть как-то годилось для этой цели. От пенопласта до пенорезиновых сидений троллейбусов и автобусов.

Самостоятельно шили подземные трансы, комбезы и спальники.

Синтетических пух для спальников добывали из воздушных фильтров — по неделе отмачивая/отстирывая его в ванной.

Капрон для анораксов и спальных мешков хитили со склада отходов на фабрике в Наро-Фоминске.

Из ‘цельнотянутых’ на работах радиодеталей творили подземные усилители и апгрейды доступных совковых кассетников — ибо Звук под землёй полагался за один из самых божественных кайфов. Западный арт-рок и корифеи синтезаторного психodelа заставляли конструировать нас столь сложные акустические и усилительные системы, что и теперь они могли бы проходить в

классе “Hi-Fi”, – подземные наши барды довольствовались конструкцией особо ударопрочных чехлов для гитар. Причём не ленинградского или шаховского производства – самых настоящих “кремон” и “резонат”. Где они их доставали – также было Загадкой. Ибо в розничной продаже настоящие гитары в совковую эпоху отсутствовали. Как и струны к оным. Но как-то ведь *доставали...*

: Такой технико-творческий уровень диктовало наше подземное бытиё.

Сказать, что каждый обитаемый грот по своему рукотворному дизайну не походил на другой, и каждый был явлением истинного архитектурного искусства ≡ ничего не сказать. Как не описать на бумаге, каких усилий стоило ландшафтно-декорное преобразование непроходимого завала или циклопического обрушения в удобный стояночный грот – причём иной раз многокомнатный.

Группа считалась полноценной в спелеологическом смысле, если в ней присутствовал токарь. Ибо лишь он мог изготовить у себя на заводе не только “хитрое подземное железо” – что как факт просто не производилось в совке – но и столь необходимую подземную кухонную утварь.

Впрочем, что до утвари – в каменоломне можно обойтись старыми кастрюлями, чугунами и чайниками, найденными на дачных чердаках и в бабушкиных чуланах. Что катахрезически выглядит в мещанском городском бытии — под землёй смотрится на редкость органично. Тем более в каменном антураже известняковых стен при плексуально-свечном освещении.

Так что в основном кухонная часть наших гротов пополнялась из этих источников.

Но вот откуда доставали счастливцы примусы модели “Шмель”, было тайной наравне с государственной. Как правило, на любые вопросы они отвечали “там его больше нет...”

И никто из нас не замечал всех этих “трудностей подземной жизни”. Как не замечаешь трудностей каждого своего вдоха иль выдоха –

: *Радость открытого общения с Подземлёй и с подземным рукотворным миром искупляла ВСЁ.*

Казалось немыслимым пропустить хоть одни “подземные выходные” — а потому даже в самой сложной и спортивной подмосковной каменоломне, любимых моих Никитах, “ночь с пятницы на понедельник” праздновало под сотню моих друзей и товарищей.

А иногда и поболее.

“Праздновало” – самое точное слово. Ибо не алкоголь подразумеваю я под оным (отношение к которому, кстати, было у всех нас тогда достаточно умеренным), – но истинную радость общения с Нашим Подземным Миром.

Для Сифра двухмесячное пребывание в оборудованном подземном модуле в окружении книг и пластинок с проигрывателем (!!!) кончилось дистрофическим выносом тела на поверхность.

— а мы мечтали: хоть на месяц, хоть на два, – *скрыться сюда* от ненавистного города и всего, что наверху, – пусть без цели, только бы *быть здесь...*

: Сифр один за два месяца так загадил пропасть Скарассон, как не снилось

за год хождения всем нашим разгильдяям и чайникам. Ибо когда воспринимаешь пещеру, как родной дом – разговоры об экологии бессмысленны: у себя дома не гадят. Можно отвести специальное место под туалет или сбор мусора, и периодически утилизировать собирающиеся там отходы. Вот и вся экология.

Аренда пещеры Мид-Найт в Техасе обошлась ишелю Сифру в 220.000 \$; наше хождение было бесплатно. Отношение к пещере, как к противнику, стоило тяжелейшей депрессии, поставило на грань срыва его последний эксперимент, – после чего он заявил, что «сидение под землёй исчерпало себя».

: У меня во время Пребываний было много достаточно неприятных моментов. Был скверный “палёный” бензин, за неделю выведший из строя все мои примуса. Был отказ света, отказ энцефалографа, постоянно “вылетали” от подземной влажности плэера; посреди полуторамесячного изолированного Пребывания’95 при расширении одного из шкурников вдали от грота Пребывания чуть не был раздавлен плитой: ухнула совершенно беззвучно в сантиметре от моего носа, обдав воздушным потоком. В один из дней вдруг озаботился состоянием свода своего Обитаемого Острова, – помешалось, что невидимый за капроновой крышей модуля свод начинает проседать и раскалываться (это случилось на второй день Пребывания – так что психоз длительной изоляции тут ни при чём; скорее – традиционное для Подземли “перебдение”). “Тоска по ностальгии”, что сопровождала меня в Пребываниях 1991, 1993 и 1995 года вызывалась, безусловно, рядом моих реальных потерь – уехавших и умерших друзей, перенесёнными крушениями былых надежд и иллюзий, – к *Миру Подземли* её отношение было весьма отдалённое.

: Не случись в прошлом столь тягостных потерь – не шизовал бы о них, предоставленный в белокаменных стенах свободе прекрасных воспоминаний. Да только ностальгию свою я нисколько не соотносил с Подземлёй, – в голову не приходило бросить тестирование и рвануть из-за этого на поверхность. Собственными силами одолел как поток штурмующих подкорку воспоминаний, так приступ пиелонефрита и намеренно устроенную самому себе трёхнедельную голодовку.

: В ежемгновенной радости Пребывания под землёй.

— И кое-чего добился.

... “48-часовые сутки”, что якобы выявил Сифр в своих экспериментах, оказались плодом случайных отклонений, результатом неправильной постановки исследований. О внутрисуточных ритмах он так и не узнал. О возможности мультипараметрического компьютерного тестирования организма “прямо под землёй” не мог и предположить – время подобных компьютеров и специальных биомедицинских программ наступило лет через 30, – но уже в шестидесятые годы можно было бы задуматься о ритмической работе эндокринной, вегетативной и сердечно-сосудистой систем. Как и о концепции “триединого мозга”, работе миндалины и связанных с ней ритмических гормональных процессах.

Тем не менее, он сделал *не просто много*. Гагарина люди чтят совсем не за конструирование первого космического корабля (то заслуга Сергея Павло-

вича Королёва и Михаила Клавдиевича Тихонравова); по моему глубокому убеждению, аналогичной славы мог бы удостоиться и Сифр – если б не его персональное разочарование в “подземных космических полётах”.

Но даже помимо славы Первопроходца своими пребываниями он дал медицинской науке столько, что Франция, как уже говорилось, на десятки лет опередила в этих областях Знания все остальные страны.

: Это в состоянии не партнёрства — но “боя без покоя” с “окаянной подземлёй”.

— *Так сколько же могли сделать МЫ: привыкшие жить и работать под землёй, строить и оборудовать наши гроты, как дома наводят порядок,— приученные всё делать сами, своими руками из фактически ничего – приборы, оборудование, снаряжение,— довольствуясь в своих подземных пребываниях столь малым...*

: Мы, для кого “научно-практическая сторона дела” по определению — неизбежная производная от изначального интереса и любви к Пребыванию в чарующем каждом из нас Мире Подземли. *К спелестологии,—*

За занятия которой, собственно, мне и “вломили по полной параметрической программе” в своё время. Чтоб не маялся, чем не рекомендовано. Вполне серьёзно поучая при этом, что биоритмология – лженаука. На одном очень не интересном “коммунистическом тестировании”. Устроенном мне в люберецком обкоме партии. За которым последовал уход из института. Но откроем сейчас медицинскую энциклопедию на нужную букву — прочтём полторы страницы убористого текста о разнообразных и официально, оказывается, вполне дозволенных биоритмах:

: Статью, написанную теми же лицами, что в 1982 году подтвердили научным своим резюме “лженаучность” моих тогдашних пристрастий. Ссылаясь при этом в качестве вещдока и на пресловутое заявление Сифра.

: Лицами (точнее – научными рылами), что теперь путаются в циркадианных ритмах, поскольку не в состоянии отличить их от “городских наведёнок”.

– Предаваясь подобным невесёлым мыслям, исправно работаю с приборами и датчиками. На момент каждого тестирования записываю в соответствующие графы сводной таблицы “внешнюю параметрию” – электромагнитную, климатическую и гидрогеологическую, измеряемую мной раз в неделю – но, видимо, зря: последняя отличается удивительной стабильностью. За два зимних месяца Пребывания термометры, вбуравленные в монолит и погруженные в баночки с изливающимися в них с потолка струями воды в гроте Сумасшедший Барабанщик не зафиксировали никаких изменений температуры – при чувствительности в $1/50^{\circ}$ C; лишь в апреле, когда грунт начал активно поглощать нивальные воды, температура водокапных зон упала на полградуса – в прочих осталась без изменений. < Собственно, иного не ожидалось — это классический пример исследования, результат которого известен наперёд и не вызывает никаких эмоций при его получении — тем не менее, исследование это кому-то надо было выполнить?.. Хотя бы для того, чтоб надёжно предсказать: коль в некой обводнённой части

Системы температура воды по весне вдруг окажется ниже (пусть бы и на 2° С,— тем более, коль при этом будет подниматься уровень обводнёнки) — значит, данная вода поступает в Систему не в результате весеннего подъёма грунтовых вод, *а напрямую с поверхности, через какие-то достаточно просторные щели или неучтённый, никому не известный вход*. Анализ гидро-геологических исследований, проведённых мной на весенних пребываниях 2002 и 2003 года и их сравнение с данными, полученными в ходе Пребывания 2001 года, ясно показали механизмы образования сезонной обводнёнки (общим объёмом около 2.500 м³) в системе Мартингал: на первой фазе, когда уровень подъёма воды в Рожайке не превышает 1 м, происходит подтопление Мартингала (части, наиболее близкой к реке) за счёт подпора грунтовых вод; как только уровень избыточной воды в Рожайке превышает 1 м — начинается затопление Системы более холодной водой через неизвестный нам ещё вход; измерения температуры воды и анализ турбулентности позволил выявить это место с точностью ± 10 м. >

В антрактах будто сама собой пишется рукопись *о том нашем времени* — ибо невозможно не думать о нём, вновь оказываясь в этих стенах. Фразы не сочиняются — кажется, наяву слышу их: точно диктант. Главное, успеть записать.

По вечерам старательно заношу в дневник события дня. Эмоциональная оценка незначительных и частных событий моей подземной жизни — один из ключей к эмоциональному ритму. Что пока (на год моего погружения) как бы отрицается вымирающими мастодонтами от физиологии.

— Ну да Бог с ними. В светлое позавчера научной мысли им прямая дорога.

: Ужинаю в модуле — так теплей и уютнее. По окончании сражения с дневником и шариковыми стержнями (случилась беда: в магазине подсунули явно бракованную партию,— выдавить из них пасту под силу лишь Гераклу) провожу последнее за день тестирование. На двенадцатый час от своего пробуждения. Затем снова пишу. Или читаю: первые две недели Желязны и Саймака; из поэзии — М. Волошина; их сменяют Уолтер Миллер, Джойс, Голдинг, Финней, Саша Чёрный, Омар Хайям, Ли Бо, Ду Фу и Басё; иногда, по настроению, открываю маленькие томики А. Галича и Дж. Лондона: такой “плюрализм альтернативы”.

К концу второй недели, просматривая таблицы снятых данных в поисках закономерностей, с удовольствием констатирую: стоило лезть. Двухчасовые ритмические пульсации видны и без обсчёта на машине,— что же получится через три месяца?..

В пятницу устраиваю “помойку”: нагрев на примусе ‘достат. кол.’ воды, вначале мою голову, затем всё выше пояса,— после нижнюю часть тела. Стоя на квадратном кусочке “пенки”. На мытьё и обливание после уходит около 6 л воды — не так много. Раз в месяц, думаю, можно будет даже делать парилку в модуле — вытащить оттуда все вещи, прогреть примусами и хорошенько попариться.

: Ни в одной книге Сифра я не встречал упоминания о подземных банях

(как и вообще описания тщательного, капитального мытья “в климатически-стеснённых условиях подземного пространства”) — тогда как у нас даже туристы-лыжники в походах дольше недели устраивают такое *развлечение*. О санитарии и гигиене под землёй у Сиффра не сказано и слова — если не считать упоминания, что к концу своей подземной жизни в Мид-Найте он оброс фурункулами,—

: соблюдение санитарии и гигиены под землёй было главной темой исследований Саши Мишина. Как и целью нескольких наших совместных экспериментов, проведённых в 1981/82 гг. в Никитах и Силикатах. (Не столь протяжённых, чтоб о них можно было с недоступной обывателю гордостью трендить перед телекамерами – и в то же время “более, чем важных” для пары направлений прикладной физиологии. Так часто бывает.

: Нашёл Саша ответы на вопросы, которых не было в справочниках и которыми никто до него не задавался – и славно.)

В ночь с воскресенья на понедельник иду к выходу из пещеры: полюбоваться на свежие записи в Журнале (если кто навестил в прошедшие выходные наши благословенные своды) и “подкрутить машины времени” оставленного поблизости мини-метеo-комплекса. Так как от Журнального грота до собственно выхода “ещё ползти и ползти”,— причём узким извилистым вертикальным шкурником-лифтом — условия “невыхода на поверхность” я этими своими хаджами не нарушаю.

У Журнала – явно для меня – стопка свежих газет: новости за неделю. Из Литвы. Читаю по диагонали, – лишь заголовки и передАвицы (похоже, от слова “передавить”) — мучительно стыдно становится того, что я русский. *Чумой веет от происходящего **наверху**, – гибелью, катастрофой.* Но “венец всего” – записка в Журнале. Оставленная мне специально приехавшими в Никиты Витом и Кириным:

«КОМАНДОР!!! ЕСЛИ У ТЕБЯ ОСТАЛИСЬ ДОМА ХОТЬ КАКИЕ-ТО ДЕНЬГИ — СРОЧНО БРОСАЙ ВСЁ И ВЫЛЕЗАЙ ОБМЕНИВАТЬ НА НОВЫЕ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

– Деньги?.. У меня дома не то, что денег – корки хлебной не осталось. Так что спокойно удаляюсь обратно в Обитаемый Остров. Набирая по пути в оборудованном нами с Глашей водокапе ритуальное количество воды.

Водокап этот — детская эмалированная ванна, над которой под сводом грота натянута полиэтиленовый лист для сбора капли. В сутки он даёт около шести литров; мне хватает. Если понадобится больше — в Системе ещё от тех, прежних времён, есть несколько других подобных водокапов. Не считая просто фонтанирующего струями и каплями со всех сторон Сумасшедшего Барабанщика — но, хоть раз в неделю мне приходится его навещать ради проверки всё равно неизменных температур камня и грунтовых вод, нести оттуда воду к Обитаемому Острову в голову прийти не может: один Чёртов шкурник, соединяющий ЖБК и Старую систему чего стоит, — но ведь ещё почти километр по самому ЖБК, до самой дальней, практически, точки Системы, —

: *вот если бы прямо из моего грота, что не столь топологически далёк от ЖБК, открылась какая сократилка...* Но глупо мечтать о том, чего нет. Да и остальных водокапов хватает.

: Перед предстоящей баней я обхожу их; прогулка с двадцатилитровой канистрой по никитским шкурникам – не пикник в английском парке < никто ничего не подстригал здесь в течении 300 лет, – скорее, наоборот >, – однако же, “своё не в тягость”. Возвращаюсь в грот с чувством Глубокого Куркульства: трёхдневный запас драгоценной жидкости зримо радует душу. Прямо пропорционально ручной усталости.

: В отличие от тестирования, – тем более, непрерывно-двухсуточного. Без всякого выхода из грота или работы над рукописью. «А может, сократить его до суток?», – мелькает пораженческая мысль. И вслед за ней вторая, противоположная (поскольку я Весы, то сказав “а”, обязан заявить нечто обратное): «С другой стороны, можно просто не увеличивать этот срок до трёх суток в неделю — хотя, конечно, продление непрерывной параметрии даст гораздо большую точность... В идеале вообще все три месяца просидеть на постоянном круглосуточном тестировании – снимаемом, скажем, с получасовыми антрактами “для роздыху”, – теоретически, ничего запредельного в этом нет. По крайней мере, можно действительно попробовать работать так хотя бы три дня в неделю. Интересно, как бы поступил Сифр на моём месте?...»

: Решаю, что он бы тестирование раздувать не стал. Скорее всего. А потому, дабы не уподобляться, принимаю стоическое решение: на следующем Пребывании вести непрерывную параметрию три дня из шести, – пока же, чтоб не ломать устаканившегося графика, продолжить двухсуточное. Раз в неделю.

От этой мысли чувствую себя отдохнувшим и не предавшем интересов спелеонавтики. Настроение, соответственно, поднимается.

– И вообще: всё идёт как-то слишком гладко. Ни аппаратура от сырости не вылетает, будто в тире тарелочки, – ни... Даже денег, слава Богу, в доме ни крошки. < “И хлеба копеек на столько же”. >

Так что переваливаю на третью неделю Пребывания в радости от завершения периода двухнедельной акклиматизации и Начала Настоящей Работы. И в буквальном смысле этого слова “получаю по почкам”. Не снаружи – изнутри.

: Что с ними случилось, понять не возможно. Боль просто адская. Лежу на животе, не в силах пошевелиться. Вся нижняя половина тела от пояса будто в параличе. НЕУПРАВЛЯЕМА.

– Как могу, тестирую себя имеющейся аппаратурой. Но что это может дать без биохимии и гемо-анализа? К тому же уролог из меня... Принимаю но-шпу; анальгетиков остерегаюсь – ибо знаю, что почки и они несовместимы. Попытка перейти на уринотерапию ничего не даёт: ибо вышло из строя то, что должно исцелять. Остаётся диета – да терпение.

После двух попыток посещения по малой нужде туалета начинаю догадываться, что Б. Половой кое-что, мягко говоря, наврал в своей “Подлости о не стоящем в человеке”. Бо справить малую нужду при отказе нижней половине тела для мужика – подвиг. Звезду Победы за каждую такую успешную попытку давать надо.

Водружаю в модуле двухлитровую стеклянную банку в качестве ночной вазы; самое интересное, что всё равно собирался по завершении акклиматизации проводить исследование по водному метаболизму в наших условиях,— но не думал... “Не думал, не гадал он — никак не ожидал он ...”

: Во вторник решаю собрать аварийный транс для выброски и, если в среду не станет лучше — в четверг, в крайнем случае в пятницу, выкидываться. Наверх, в проклятый город. Потому что не столь жалко несчастного себя — *нельзя, если тут со мной что-то случится, отравлять своей кончиной местное информационное поле. А заодно славу данной Системы.* < Два трупа в ней уже случились,— в годы, весьма от нынешних далёкие,— причём один не без помощи “мальчиков-спелеологов” из *везде ссущей* организации — “и хватит”. > Ну и просто нельзя, чтоб ЧП со мной хоть как-то могло быть связано с идеей таких экспериментов. Так что до города я обязан добраться — хоть и не представляю, КАК. Это ведь не ползание по белым страницам пропагандисткой лажи,— зима наверху самая настоящая, а я даже встать на четвереньки, чтобы поссать, не могу.

— Тем не менее, мне нужно добраться до выхода. “Живым или...” Нет. Строго и только живым. Потому как помимо прочего, есть ещё родители. И дочь. Так что — доползти в таком виде, чтобы по возвращению в город не сильно напугать их собой.

И дотащить до выхода транс с запасом еды для городского непредусмотренного бытия (ибо в доме, как уже писал, ни копейки, ни корочки),— а также каким-то количеством не нуждающихся в готовке продуктов и тёплой одеждой. Укутавшись в которую, у Журнала можно подождать случайных посетителей. А там видно будет: *ведь не может же быть, чтоб на выходные совсем никто не пришёл?..*

: Времена, конечно, не те — когда по 30 ÷ 40 человек только за вечер пятницы во вход один за другим погружались,— но коль не случайно-залётные чайники, то кто-то из моих орлов прилететь должен: полюбопытствовать на досуге — как он там под землёй, не нужно-ли чего?

...: Вторник проходит в оцепенении. Тестирование смысла не имеет — не экспериментатор, а почечная клиника. Потому лежу на животе и старательно отдаюсь рукописи: пишу карандашом, так как стержни не отвратительны — много хуже. Делаю небольшое открытие модульного значения: оказывается, сподручней всего писать, когда пуховка, что заменяет мне здесь подушку, подсунута под грудь. «Если б не заболел — так и умер неучем...»

: поясница перетянута шарфом чистой шерсти. Шерсть собачья — что, надеюсь, способствует должному терапевтическому эффекту. Пытаюсь извлечь какие-то выгоды из создавшегося положения: если бы не болезнь, дёргался от рукописи на тестирование каждый час, как фигурка на часах театра Образцова — “ку-ку, товарищи, ку-ку”.

... В среду лучше не становится. И в четверг. В качестве тренировки совершаю небольшой подвиг — собранный аварийно-спасательный < от городской нищеты и бескормицы > транс, распрямившись во весь рост свой, гордо

проношу по гроту аж до самого из него выхода. Двадцать метров – *целых двадцать метров!* – как двадцать километров почечной зубной боли. Ни о какой бане на следующий день не может идти речи. Хорошо, что за водой не надо ходить – создал, будто ведая, аварийный запас... Это ещё один “+” в копилку всевозможных излишеств. Значит, и H₂O под землёй нужно иметь не меньше, чем с двойным превышением *текущих* потребностей.

— Однако, и она кончается. Так что не миновать мне завтра если не ритуального хаджа к Журналу с “подкручиванием спелеоклиматических пружин” – то гуляния за водой с канистрой. Поразмыслив, останавливаю своё внимание на синей круглой “восьмилитровке”, что внешне походит на кислородный баллон: пусть за истекшие дни на “шестилитровом” водокапе набралось не менее 24 литров – “двадцатку” мне в таком состоянии точно не вытянуть, а на меньшее, чем 8 литров, я себя, куркуля, не уговорю. “Ходить – так ходить”. *И на другой день, в пятницу, совершаю мучительнейшее движение за водой.* “Поползновение” посвящаю А. Мересьеву и Б. Половому лично. Но возвращаюсь в Сапфир с водой и без обмороков от боли.

Ужинаю становящейся ритуальной манной кашей на сухом молоке; по случаю Пятницы добавляю в неё горстку изюма. От корицы с имбирём отказываюсь, чтобы не вызвать осложнений. Мечтаю о кофе – но гордо поглощаю слабенький, почти больничный, чай. Даже без мяты или лимонника – зато шесть кружек. Меж употреблением чая задаюсь вопросами сравнительной спелеологии: *а что делал бы на моём месте мсье Сифр?..* / Ответ риторический: ... /

... Ночью самая большая проблема – во сне не перевернуться на спину. Специально для предупреждения этого завязываю на шарфе сзади огромный узел – но как-то всё же переворачиваюсь. “Пробуждение смерти подобно”.

Однако в субботу становится легче. На радостях выпиваю воскресным утром в честь неизбежного выздоровления кружечку весьма относительного кофе (относительного по современным, конечно, стандартам, – но *в те годы в нашей стране это называлось кофе*), – и через некоторое время падаю от нового приступа. Конечно, может виной тому не кофе, а маленький кусочек копчёной колбаски... Съел, не удержавшись от соблазна. С аналогичным количеством сыра. Положенного на соседний кусочек хлеба, – кстати, уже начавшего проявлять некоторые признаки зацветания. К концу третьей недели хранения в нашем прохладно-стерильном воздухе.

: Так мне и надо. Невоздержанность ещё никого до добра не доводила. Однако это – последний рецидив болезни, и к вечеру понедельника я уже почти ползаю по гроту.

Во вторник учусь ходить на двух ногах. Практически не опираясь о стены.

– Искусство, в Никитской каменоломне не самое актуальное.

Но, тем не менее, нужное. “Когда-нибудь пригодится”.

В среду повторяю движение за водой.

В четверг возобновляю непрерывное параметрическое тестирование, – больше для того, чтоб отметить соответствующими измерениями последствия

болезни.

И зафиксировать возможные отклонения от двухчасовых ритмов у выздоравливающего.

В пятницу совершаю Большой Водяной Хадж – паломничество с “двадцаткой” к ближайшим водокапам, совмещённое с подтягиванием пружин гигрографа, барографа и термографа, покоящихся в прикрытой плитой нише у Журнала (также смену бумажных рулонов на более сухие, долив очень специальных и дефицитных чернил в соответствующие конструкционные ёмкости и капанье “веретёнок” в их шестерёночные чрева); возвращаюсь в грот немного в мыле, зато с двадцатью литрами аквы, в должной степени кальцитус. Что для принятия внутрь, безусловно, полезно – ещё тибетские монахи прописывали толчёные сталактиты при переломах, зубных болях и беременности, – но для мытия тела (особенно волос) “не очень”. В силу природной жёсткости. А потому та её часть, что предназначена для “головомойки”, переливается в другую канистру через воронку со специальной магнитной насадкой: *в принципе не меняя химических свойств переливаемой воды, она в то же время смягчает её*. Как – непонятно. Но смягчает.

От соответствующих специалистов спустя несколько лет получаю следующее разъяснение: так называемая “жёсткость воды” определяется двумя параметрами – количеством её “запылённости”, то есть механических примесей/взвесей, и ионным составом растворённых веществ. Чем их меньше, тем выше способность воды к растворению – и, соответственно, её “отмывочные” свойства. Так как всё, что растворено в воде *не механически*, находится в ней в ионизированном состоянии (например, банальная пищевая соль в виде ионов $\text{Na}^+ \text{Cl}^-$; известняк в виде $\text{Ca}^{+2} \text{CO}_3^{-2}$), то при нахождении в переменном магнитном поле (а для текущей сквозь магниты воды это поле является переменным) ионы не могут с ним не взаимодействовать — в результате чего переходят из раствора в твёрдый осадок. То есть механическую взвесь. Конечно, через какое-то время следует новое растворение – но к тому моменту голова моя вымыта водой с получившейся сниженной “жёсткостью”.

Это объяснение не моё; поведано мне знакомым физико-химиком. Согласно его мнению, разделившиеся в магнитном потоке на группы “сходной электрической ориентации” ионы рожают должный электрический ток — при этом рекурперируя в нерастворённое и неионизированное вещество. Ток протекает через металлическое тело магнита; ионы рекурперируют собственно в воде. На уровне личного электрофизического образования я возражений данному процессу не вижу. Хотя не могу не отметить пару интереснейших свойств так называемой “омагниченной воды”:

Свойство первое: накувыркавшись вдоволь “в ночь с пятницы на понедельник” по шкуродёрным просторам родной пещеры, возвращаюсь домой в состоянии очевидной усталости. Ванна из обычной воды возвращает телу ощущение чистоты и отчасти снимает усталость — *ванна из омагниченной воды эту усталость снимает начисто*. Будто и не ломал своё несчастное тело по шкурникам, будто не напрягал все группы мышц своих запредельными для горожанина усилиями, —

: неужели всё дело в ионах и относительно-условной очистке???

Свойство второе: омагниченная вода зримо влияет на всхожесть и рост растений. Причём в самом положительном смысле. Конечно, не так сильно, как “официально не существующая” “живая” и “мёртвая”, – что получаются из обычного дисциллята гальваническим катализом на пластине танталового и графитового электродов, разделённых должным керамическим фильтром, – но так влияет.

Поскольку в этих вопросах официальная наука либо пасует в недоумении, либо просто отмахивается, как от жужжащих над ухом “летающих тарелочек” – не парюсь и я.

— А устраиваю самому себе обещанную Парилку: освобождаю модуль от всех вещей, кроме слоя пенки на полу и поверх потолка для большей термоизоляции, кипячу ведро воды и прогреваю модуль до рекордной температуры: под потолком +80° С! У пола, правда, меньше.

Парюсь около часа, время от времени выбираясь наружу для обливания холодной омагниченной водой. Пока парюсь, в модуле на бесшумном после переделке “туристе” в специальной кружке кипятится травяной сбор для ароматизации воздуха; вода из кружечки в качестве витаминной добавки принимает участие в мытье головы.

: От модуля по всему гроту стелятся белые ленты тумана, чередующиеся со слоями прозрачного воздуха – очень впечатляющее зрелище, похожее на голографическое изображение торта “Наполеон” в разрезе. < Количество слоёв отражает количество моих “входов/выходов” из модуля / в модуль. >

– Магнитофон, перенесённый с питающими аппаратуру аками на обеденный стол, озвучивает это мероприятие замечательной подборкой западной эстрады шестидесятых-семидесятых годов: Кло-Кло, Папетти, Адамо, Ласт, Матье, Коннифф, Далида, – и прочее: кроме, разумеется, совка Мориа. < Совок — он и в Африке совок, и во Франции: *это не национальность, – диагноз.* > Музыкальный “экскурс в шестидесятые/семидесятые годы” посвящаю всем Пребываниям Сифра.

... особенно радуется Лафорет своей бессмертной “Вернись!..”

Ну и “Бэд Финжер” – не менее бессмертным “Живи!”

: *Полное ощущение Праздника.*

По завершении “помойки” стираю нижнее бельё: не столько из-за необходимости (запас сменной одежды пока есть), сколько ради эксперимента просушки.

На ужин делаю варёную картошку; поколебавшись, открываю к ней баночку “ивасей в собственном гробу”, стилизованных под сайру. И добавляю зелёного горошка для усиления чувства праздника. А к “чаю-в-мятку” – печенья и сыра. И кружечку своего любимого ‘автоматно-пастового сока’.

После чего выкуриваю трубочку вишнёвой “Амфоры”. Праздник души – и лёгких.

С сушкой белья приходится поступать напористо: убедившись, что в гроте на верёвке оно сохнуть не желает – даже при наличии горящего примуса снизу – перенёс в модуль и развесил на капроновых нитях, натянутых под

потолком из углов к центральному кольцу. И включил примус на полную. Поскольку бежать столь редкого под землёй тепла глупо — принял посильное участие в сушке белья в модуле: абсолютно голый, потому что а) кроме меня в пещере всё равно никого нет и быть не может; б) температура в модуле не располагала к одеванию.

Лежал в голом виде поверх свежестеленного спальника, любовался двумя светящимися шариками над головой — будто инопланетными солнышками — и слушал “тупого, как кирпич” Яна Андерсона.

: Ощущение праздника продолжалось. Не последнюю эмоцию в котором создавало удивительно радостное и светлое чувство подземного одиночества: вот ты, вот этот волшебный звук, вот эти стены.

И больше НИЧЕГО.

Лишь тишина и покой.

— *Ничего, что может помешать тебе быть самим собой.*

: Наверно, слово Одиночество в данном контексте можно заменить на слово СВОБОДА.

... Следующий день проходит так, будто никакой болезни не было. В антрактах меж параметрией тружусь в положении лёжа над рукописью. Когда в модуле горит свеча, можно просто лежать поверх спальника, специально не укрываясь. Но так как во время работы (имею в виду литературную деятельность) я много курю — чтоб не задохнуться, приходится время от времени закатывать тубусы обоих форточек. Что тепла в модуле не прибавляет. В конце концов избираю компромиссный вариант: забираюсь под спальник на пенку, форточки оставив открытыми. И творю, будто под некую диктовку.

: В таком примерно режиме провёл воскресенье,— не считая вечерней прогулки за водой к ближнему водокапу и ритуального навешания Журнала.

Совмещённого с постановкой Свечи на месте гибели Виктора Шагала.

ZOOLOOKLOGIE-91

Скала ладонью в спину упёрлась:

Дышит, зараза — иль мне показалось?

Щель бы пошире — хотя бы на волос!

Выдохни воздух самую малость!..

К камню прижался, как к телу любимой —

Я и не знал, что скалы потеют...

Смотрит Дзулика, как мимо, мимо

Медленно движутся два ротозея.

Влажная твердь — по ней мокрым носом

Чертим следы, свой путь помечая.

*Встать бы, смерить тьму своим ростом –
 Но это не скоро. Об этом – мечтаем.
 Здесь растворяются время и сроки;
 Темень – в чужую квартиру скважина.
 Если пойдут по откосу блоки –
 Не заскрипят, нашим телом смазаны.
 : Небо увидеть – хотя бы в оконце,
 Чудо-погоду, – только не сглазить бы...
 – Нет, не узнаешь, как ласково Солнце,
 Если в пещеру не лазил ты!*

... Уходя по окончании нашего совместного двухнедельно-трудового подвига, Глаша не нашёл в себе сил сразу взять, и штурмовать со своим трансом вертикальный выход из пещеры. Остановился здесь и вылепил из чёрной, убившей Витю глины, замечательную надпись. Цитату из тёзки Шагала – Виктора Цоя:

«ПОЖЕЛАЙ НАМ УДАЧИ...»

Не знаю, откуда это пошло – только кто-то однажды заметил: горение Свечи на месте гибели В. Шагала соответствует твоему посещению Подземли. Коль Свеча горит хорошо и ровно, всё будет удачно. Если же нет...

: К сожалению, не я один имел печальную возможность убедиться в справедливости сей приметы. Кто-то может посмеяться: мол, очередное спелеологическое суеверие – типа неприкуривания от горящей в гроте свечи... Но под землёй действительно происходят порой весьма загадочные случаи, не вполне объяснимые с позиций традиционноматериалистического мировоззрения. Отсюда многочисленные легенды о “духах подземли”, распространённые среди спелеологов и рабочих рудников, шахт. Созданные в разное время разными народами, никак не связанными друг с другом, они отличаются удивительным *внутренним сходством* — швейцарская Двудикая, пиренейская Эва, зороастрийская Паренди, уральская Хозяйка Медной горы, крымский Белый спелеолог, шубин рабочих ижорских и самарских каменоломен и донбасских шахт, – всех имён, пожалуй, не сосчитать. Но когда не взаимодействующие между собой этносы рожают сходные образы – это не может быть чистым вымыслом.

: В основе лежит если не *внешнее относительно человека* явление Природы (нами до конца, безусловно, не познанной) — то нечто, присущее самим людям: каким-то неисследованным свойствам их микрокосма, проявляющихся под землёй. В условиях изоляции от внешнего мира и в отсутствии забивающих всё привычных раздражителей.

– Каким-то образом связана с этими явлениями Свеча, оставляемая на месте гибели Виктора Шагала близ Четвёртого Подъезда. Гадать о причинах и механизме этой связи я не намерен; но что она имеет место – факт.

И так как наше пребывание под землёй – любое, даже самое краткое – не может не касаться тем или иным образом этих явлений — само собой получа-

ется, что если человек часто посещает Мир Подземли или находится в нём, как я, длительное время — его жизнь незаметно переплетается со всеми этими связями, явлениями и взаимодействиями. А потому я совершенно естественно по выздоровлению ставлю Свечу на месте гибели Вити: в этом нет ни прозы, ни пафоса.

— простая потребность души.

: Горит Свеча хорошо,— значит, выздоровел. Впрочем, я ставлю её не ради гадания: *сознание* автоматом ухватывает типажи-образы. Для него это так же естественно, как для моей души поделиться Светом с этим местом.

Потом возвращаюсь в грот.

Следующая неделя проходит меж работой над рукописью, активным параметрическим тестированием и мелкими бытовыми хлопотами по гроту. Ничего примечательного не случается,— но в ночь с воскресенья на понедельник...

: Как обычно, совершаю прогулку к Журналу, совмещённую с обслуживанием полуавтоматического “привходового метеокомплекса” и забором воды из ближнего “шестилитрового” водокапа. К этому времени мой первый, до того используемый ходовой свет с пятнадцатиамперными аками и “двуглазой” системой стух,— банки разрядились, выдав положенные амперы; чтоб не возиться с заменой, я просто надел вместо этой системы до того не использованную запасную: с “почти родной” головкой от эстонского “циклопа”.

В этом “почти” всего довольно много. Ибо самое ценное, что в ней от рождения было (не считая малого веса и аналогичных габаритов) — ступеньчатый многофокусный отражатель; остальное слова доброго не стоило. В том числе такие немаловажные детали, как лампочный патрон и выключатель (можно написать, что в родной конструкции их как бы не было — до того стремительно они выходили из строя). А потому вместо штатной ненадёжности я вставил туда настоящий патрон, нормальный “микрик” и небольшой конденсатор в 1000 мкФ на 3 В. Подключив его параллельно патрону лампочки. Нужен он для того, чтобы гасить неизбежный бросок напряжения, что возникает при включении аккумулятора. К тому же у лампочной спирали в холодном состоянии сопротивление меньше, чем в рабочем режиме — а значит, в момент включения она потребляет гораздо больший ток, что в совокупности с броском напряжения аком приводит к её преждевременным похоронам. Сиречь, перегоранию:

: почти никогда не случается, чтоб лампочка сгорела во время работы — на это у неё один шанс из ста (если при изготовлении не был заложен какой-нибудь подлый сюрприз),— как правило, все они сгорают в момент включения: когда со вспышкой, а когда нет. Конденсатор, включённый параллельно лампочке, забирает вольт/амперный пусковой бросок; при выключении отдаёт запасённую энергию. < Некоторую благожелательную роль играет также самоиндукция, возникающая в контуре “спираль лампочки / конденсатор” и просто индуктивное сопротивление самой спирали при изменении проходящего через неё тока — но их роль значительно меньше. >

— Как обычно, прежде чем выйти из грота, проверяю: на месте-ли “запаска” (кусочек обёрнутого плекса минут на 20

горения) и запасная лампочка в головке налобника. Это почти рефлекторное действие – как для городского жителя, выходя из дома, убедиться в наличие ключей. И завязанности шнурков на ботинках. Смотрю – лампочка, что в патрон ввинчена, почти чёрного цвета. То есть очень старая: благодаря рацухе с кондёром все лампочки у меня в этом налобнике живут раз в 10 дольше, чем им положено по штату. И светят, не перегорая, до полного истончения спирали – осаждающейся тем самым налётом на стекле лампочки. «Ничего, – думаю, – до Журнала и водокапа она ещё протянет». Гуляния-то всего – минут на 30. Ну, 40. Считая чтение журнальной корреспонденции и обслуживание “трёх графов”: де Баро, дю Термо и д’Гигро. < Явно французского происхождения, а потому от ирландских и шотландских вариантов – что тоже ломаются из-под сознания – стоически отказываюсь. Хотя в О’ Гигро есть что-то ирландское... >

: Достаяю запасную лампочку – а она одновольтовая. То есть если я её включу в свежий блок, выдающий три вольта – свету будет довольно много. Но не дольше, чем секунду с четвертью.

«Ладно, – думаю, – мелочи жизни. Не возвращаться же в модуль?» И лезть в зип за лампочными запасками. Тогда уж и акомы у систем поменять, – то есть переключить не в пример иным моим налобникам экономичную Двуглазку на новую пару банок.

: Возиться не хочется – и на гулянку настроился, – уже у выхода из грота, одетый в комбезе, стою. С канистрой у ног. Втыкаю злосчастную “однушку” обратно за отражатель, не глядя, – одним движением закрываю головку и натягиваю систему на то место, на котором обычно она пребывает во время проходки. То есть гуляния по Системе. Ныряю в выводящий из грота шкурник; бросаю канистру вперёд: пустой ей от таких полётов ничего не будет – если кидать осторожно, не целясь в острые кремнистые выступы, – но с моим знанием этой дороги... Хоть без света иди.

И вот я бросаю привычным, отработанным движением канистру вперёд – а она у меня летит куда угодно, только не туда, куда надо: то влево, то вправо, то вовсе назад, отскакивая от какого-то выступа, которого сроду на этом месте не было – и с размаху меня по лбу: хлоп! Словно не хочет никуда из грота выходить. И меня, упрямого, не пускает. Но ведь – пустышка, кусок пластмассы, – какая у неё может быть “воля”? Смешно.

: Кое-как добрался до водокапа – и всё время что-то будто не пускало меня. Задерживало. На каждом повороте и в каждом шкурнике, – да что “в шкурнике”! *Такого количества спотыканий посреди даже ровного в половом смысле штрека на единицу времени (оно же – условная единица пути, потому как в Никитах всё условно) не имел, наверное, ни один спелеолог в мире.* Я в этот день – сподобился. Но я упрямый; к тому же имел некий опыт сходного значения по завершении своего первого стихийного двухнедельного подземного Пребывания, – не взирая на буквально эзотерические трудности, достиг со своей канистрой водокапа. Назло всему. Под скандируемый мысленно лозунг: «Да-что-мне-здесь-может-сделаться?!»

Набрал воды, вернулся к перекрёстку, от которого целая компания шкур-

ников маняще приглашает прошвырнуться по Сейсмозоне – и лишь один проход, именуемый Железной Дорогой за характерно выступающие рёбра плит, выходит в более широкую часть Системы. В Дальнюю – в которой не столь далеко Сапфир... Сиречь, Обитаемый мной Остров. С подачи Глаши – и Стругачей. Такое ощущение, что в нешироком проёме Железной Дороги мерцает голографическая надпись: «ВЕРНИСЬ, ИДИОТ!»

: «Хрена!» – в тон отвечаю я. Ибо прежде, чем возвращаться, нужно навесить Журнал и приборы.

Потому оставляю канистру на перекрёстке, а сам налегке устремляюсь в Сейсмозону. Коль хочу кратчайшим путём добраться до журнального грота – её не миновать. Так же, как Четвёртого Подъезда и места гибели Виктора Шагала.

— Без помех добираюсь до заявленной цели; отваливаю плиту от “метеорологической ниши”, что исправно продувается входящим в Систему воздухом (а также выходящим из неё); меняю рулоны, подтягиваю пружины, добавляю в бачки спецчернил, капаю маслом, куда следует, – пристраиваю плиту обратно и сажусь изучать Журнал: кто посетил за минувшие выходные Систему, чего написал по этому поводу — и так далее. Потому что за неофициальностью и весёлостью нашего подземного хождения многие очень забавными надписями Журнал украшают. Интересно бывает почитать такие записи – но куда интереснее комментарии к ним.

: Как к «Улиссу» Джойса.

: Поскольку погружение моё хоть и одинокое, но не абсолютно изолированное – сидя в пещере на расстоянии в 10 м от реального в неё входа, как уже писал, никаких условий не нарушаю. На тестировании моём это точно не сказывается. Единственное, что плохо – одет я очень легко: для быстрого бега с канистрой воды по шкурникам, – а со стороны входа просто поток ледяного воздуха дует. Будто стоя игл под комбез впивается: значит, наверху Большое Похолодание случилось. < Биметаллическая пластина термографа фиксирует его движением капельницы, как -20°C , что соответствует поверхностным $-22^{\circ} \div -27^{\circ}$.¹³⁴ > С неизбежным повышением давления, чётко отмеченным барографом (причиной которого может быть ветер, дующий в склон нашего холма) – вот пещера и “вдыхает” всеми своими известными и перспективными километрами ходов и гротов.¹³⁵

¹³⁴ Корреляция эта зависит не только от направления тяги во входном шкуродёре, но и от объёма воздушного потока и самой температуры. Более-менее точные диаграммы мне удалось нарисовать лишь только после того, как данные с этого Пребывания были дополнены несколькими аналогичными исследованиями в 1993 и 1995 гг. и соответствующей метеорологической информацией из госкомгидромета.

¹³⁵ Естественно, барограф фиксирует *чуть меньшее* давление, чем на поверхности; сравнение его показаний с теми, что одновременно записываются в “2 X O” и с реально отмеченным на этот час в ближнем юго-восточном Подмосковье — “увлекательное исследование, батеньки”... И в тоже время

... Читаю Журнал, посмеиваясь над некоторыми дурацкими самооставлениями в истории – и вдруг лампочка в налобнике торжественно гаснет.

: Умирает, как лебедь Сен-Санса.

Машинально протягиваю руку к карману комбеза – аптечка с сигаретами и спичками на месте¹³⁶, – *запасного плекса, как не было*. Выпал из раскрывшегося кармана во время кувыркания по Сейсмозоне – или ещё до того, когда я с канистрой боролся. Ситуация и смешная, и дикая. Выходить наверх – на мороз в одном лавсановом комбезе на голое тело? А дальше что?..

– Сидеть изнутри у входа (до будущей пятницы – !!!) в безумной надежде, что кто-то придёт?

: Занятие не менее идиотское. И не столько потому, что “могут и не прийти” – хождение, как уж писал, не то, что прежде было, – *как неделю почти высидеть на этом холоде???* Даже в более тёплой части пещеры можно выдержать не более трёх-четырёх дней. А дальше – пища для размышлений патологоанатома, родных и близких. И психиатров: “*это ж надо ж*” — *зажмуриться на самом входе в Систему, в объятиях Журнала для учёта всяких чайников и, собственно, додиков!..*

: Никакого подвига. И славы примерно столько.

От Журнала до “Четвёртого П...” 50 метров прямого, как стрела, хода, один трёхметровый шкурник и одна развилка перед самым Четвёртым Подъездом. У стены “ЧП” – по правую руку, как сюда шёл – в щели меж камней лежит маленький свечной огарок. Сантиметра в полтора-два, не больше, – но я его заметил, потому что с какой бы скоростью и при каком свете ни перемещался под землёй – такие вещи всегда замечаю. “Ибо они того стоят”.

– Спичек у меня в коробке штук двадцать. *Прописью.*

— Аккуратно закрываю Журнал, шхерю его от сырости в полиэтиленовый пакет – и на ощупь (с незначительным матерком от первого же контакта со сводом, что последовал при излишне решительном вставании) ввинчиваюсь по ходу сквозняка в первый трёхметровый шкуродёр. < Несколько секунд сожалею, что не являюсь аэрозольной пылинкой – тогда бы меня на халяву за минуту донесло до

настолько неполное, что хоть плачь: *по идее, нужно всю Систему хотя бы на полгода (а лучше – на год) замостить подобной аппаратурой, да ещё с аэрографами для измерения направления и тяги воздуха, – тогда и можно будет с уверенностью сказать: КОПАЕМ ЗДЕСЬ. Ибо за этим завалом – Продолжение, объёмом своим сравнимое с прочим. А за этим – возможный проход на ту сторону плато, в возделенную Синеглазку. В Промежуточную и Ебазар лучше биться отсюда; в Звёздочку, к сожалению, биться вообще нет смысла.* И так далее, – в качестве “научных отходов” получив (при условии проведения ещё пары-тройки сходных исследований в области абсорбции и адсорбции монолита, бута и глины) достаточно полную и важную информацию о так называемых “кольцевых тягах воздуха”...

: *МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО.*

¹³⁶ Ещё раз о пользе курения.

вожделенного огарка,— но вовремя понимаю, что будь я аэрозолем, меня бы наполовину размазало уже по стенам этого первого шкурника, на вторую — по пути до огарка,— чем значительно очистило не только пещерный воздух: согласно современным спелеоклиматическим представлениям.¹³⁷ Ну, и нашим, достаточно скромным исследованиям,— проведённым именно в этом месте в 1986 году по заказу Института Микрорадиации: уже в Четвёртом Подъезде в воздухе в несколько раз меньше всякой дряни и взвеси, чем на поверхности у входа; на расстоянии буквально 15 метров от “ЧП” — дальше по ходу в Систему — в сотни раз меньше. Так что шансов долететь без видимых повреждений немного. Будь я аэрозолем, конечно. >

: Заняв извилины мозга поведанным в скобках, прохожу извили шкурника без страха и трепета. Хотя бы потому, что “куда я из него денусь?..” Далее сверяю свою ориентацию с центром штрека — и плавно двигаюсь по нему вперёд, низко наклонив голову и вытянув перед собой левую руку. Чуть выше уровня кочана.

Когда дохожу до конца, зажигаю *Первую спичку*: чтоб на развилке сослепу не упилить влево, в систему Коммундизма. Конечно, дорогу знаю на ощупь, каждой своей коленкой и локтем, и шансов упилить у меня туда даже без света не сильно много — но коль такое случится, спичек на возвращение уйдёт всё равно больше.

Вторую спичку зажигаю, чтобы увидеть и поднять валяющийся на полу бесхозный огарок. Мне повезло: он оказывается с фитильком (у огарков бывают иные варианты).

— Жаль, не успеваю поджечь его от этой же спички,— а потому приходится тратить *Третью*. Никуда не денешься.

В свете свечного пламени добираюсь до места гибели Виктора Шагала; водружаю огарок на соответствующее ему место в местной иерархии ценностей — после чего *Четвёртой* зажигаю сигарету. Не прикуривать же от ритуальной Свечи — к тому же ниспосланной Самим Подземным Чудом?..

: От столь стремительно тающих запасов коробка мороз невольно проходит по коже — но другого выхода у меня нету: *покурить нужно физически, ибо это успокаивает нервы и помогает трезво обдумать всё и принять единственно верное решение. Среди океана идиотских возможностей —*

: Поверьте, в такой ситуации оно действительно одно-единственное. Все остальные Мировые Линии моего выбора ведут вниз,— в энтропию, хаос и нежелательную посмертную славу — не важно, какими путями.

ВАЖЕН РЕЗУЛЬТАТ.

: Огарок горит ровно — и я принимаю его.

Прямо за моей спиной находится один из шкурников, ведущих в Сейсмозону: так называемый Лифт Шагала — хотя Виктор, видит Бог, не имеет к первопрохождению этого лифта никакого отношения. Название дано по месту.

¹³⁷ «Пещеры — лёгкие Земли», — В. Н. Андрейчук, “Наука Урала”, 01. 03. 1990.

Через несколько метров кувыркания и пролаза “на выдохе” через весьма характерные “прессы” и “гильотины” он кратчайшей дорогой выводит на промаркированную и относительно расчищенную Левую Магистраль – пересекающую Сейсмозону в нужном мне направлении. Сбиться с Магистралю практически невозможно – если, конечно, идёшь со светом и хорошо знаешь дорогу.

Месяц назад мы с Глашей совершили по ней столько тяжёлых и утомительных рейсов, что не запомнить её было бы сложно. Даже если б до того ни разу в жизни ползать по ней не приходилось.

— А мне приходилось. И не раз. Тем не менее, как показал *объединённый никитский опыт*, в Сейсмозоне и при приличном её знании “шаг влево, шаг вправо – спасы; несвоевременный удар головой по замку...”

: об этом лучше не думать.

: Наклоняюсь вперёд и втискиваюсь в узкое, чуть уже, чем моё тело в плечах, отверстие. Первый метр ход ведёт вертикально вниз, затем под углом в 90° – вперёд и вправо. Если не считать подлых отвилков.

– Самый спортивный никитский шкурник. В принципе, преодоление его со светом мало отличается от того, чем приходится заниматься мне, – оттого и выбираю столь нестандартное решение. К тому же это самый короткий путь; значит, шансов плутануть физически меньше.

Проползаю на выдохе пару естественных гильотин – сбросовых ступенек. Первую ступеньку преодолеваю правее, вторую левее. На вид разница не заметна – на ощупь хорошо чувствуется. Я ощущаю её всем своим телом и рвущимся комбезом.

Затем незначительный подъём по щели, которая в любом другом месте Системы проходила бы, как шкурник – в Сейсмозоне, наверное, может считаться небольшим штреком. Выход на Левую Магистраль – на ощупь. Набранная в результате высота приблизительно равняется той, что потерял в Лифте Шагала – но следующий лифт низвергает меня метра на полтора ниже.

: С Сейсмозоной не поспоришь. Далее следует каскад шкурников, чередующихся с лифтами и не сильно просторными гротами: шкурник – грот – лифт – грот – шкурник, – и так далее. До выхода из Сейсмозоны. Из каждого грота которой можно упилить, как минимум, в четырёх взаимоисключающих направлениях по горизонтали и, опять же, как минимум, двух по вертикали; в шкурнике “на раз” выбить замок или рассадить о подлый кремнистый выступ голову, –

: с ужасом жду неизбежных во тьме столкновений...

... но почему-то пересекаю *всю Сейсмозону* так, словно никаких стен и каменных выступов вокруг меня нет. Будто иду по солнечной, просторной улице. И каков бы ни был мой конкретный подземный опыт — чувствую, что это не от моего “знания Никит на ощупь”.

: даже полиэтиленовый свёрток с рулонами самописной бумаги и пузырьком волшебных всепогодных чернил за пазухой абсолют-

но не мешает,—

Это — от Нее. От Того, что мы все обозначаем Паренди, Белым, Евой, Хозяйкой Медной горы — и прочими ритуальными звуками.

Пятую спичку зажигаю на перекрёстке, где оставил канистру: глупо проходить мимо и не захватить её. Не идти же мне за ней завтра с утра вместо утренней разминки?

Дальше — Железная Дорога: трёхметровой длины узенькая сбойка меж Сейсмозоной и Дальней системой. Детским паровозиком скольжу по её каменным рельсам, толкая перед собой канистру. В качестве тросточки.

По завершении “катания” приходится зажечь **Шестую спичку**: размеры ходов в Дальней на порядок больше, чем в Сейсмозоне. Можно ходить, почти не пригибаясь — только не в темноте, а со светом. Потому как потолок всё-таки ближе к полу, чем в метро. Сориентировавшись в объёмах Дальней, вновь выбираю правильное направление — следуя которому на ощупь почти достигаю Сапфира/ОО.

Здесь придётся зажечь **Седьмую спичку**, чтобы не промахнуться канистрой в темноте мимо входа в грот: узкого наклонного шкуродёра. Зажигаю; сую канистру, куда следует — и освободившейся рукой вытираю со лба пот. Рука задевает налобник. Он явно горячее моего лба, причём пластик на грани расплава.

: Спичка гаснет, но свет остаётся.

— Я не спятил: это светит моя покойная лампочка.

: Оказывается — как показывает последующее вскрытие, проведённое спустя пять минут под урчание примуса в тёплом безопасном модуле — “однушка”, что я не глядя впихнул в головку, замкнула своим цоколем контакты конденсатора, чем ввела акомы в ‘козу’. Что ж — это не удивительно. Удивительно иное: почему ‘козы’ не последовало, когда я кувыркался по шкурникам, побеждая пустую канистру и головой при этом мотал, как бык, отгоняющий слепней,— а последовала она, когда я чинно и смирно сидел у Журнала?.. И почему Сейсмозона — страх и оторопь всех никитских сердец — провела меня сквозь себя без всяких ‘призраков светов’, будто по хайвёю в солнечный день — а стоит рискнуть пройти по ней, хоть на шаг отклонившись от маркированного маршрута...

...: Сколько бы свету у тебя ни было.

Это — Загадка.

— И ещё. *При попытке описать эту историю в рукописи (изложив устами Егорова с соответствующим смещением антуража — ибо то, что я пишу сочетанием некой диктовки, отражением снов и Памяти, называется «Долгая Ночь у Костра»), свеча, стоящая на маленьком столике в изголовье модуля, будто начинает сходить с ума: то взрывается бенгальским огнём, то чуть не гаснет, то плюётся во все стороны парафином — на страницу тетради, руки, спальник, в кружку с чаем, лицо, глаза...*

: В глаза особенно больно. Тем более, что остальные свечи из этой партии — девяносто девять свечей ровно, если кого интересует статистика — горели, как полагается.

Я до сих пор храню заляпанные каплями парафина страницы той тетради: как знак, своего рода магическое свидетельство. *Потому что не бывает в мире случайных совпадений.* “Случайность есть неосознанная закономерность”, не более.

: Приблизиться бы хоть на шаг к постижению этих подземных закономерностей – в мире, где никакой “экстрасенсорный срach” поверхности не собьёт и не помешает любой, даже самой невидимой и тонюсенькой нити **очувствования...**

* * *

*Мне встретилось полярное сияние –
Хоть под землёю на сиянья табу,
Мне встретилось полярное сияние,
Когда я шёл с канистрой к водокапу.
Мне не поверят братья-спелеологи:
Такое даже выдумать навряд-ли!*

*А между тем его цветные сполохи
Светились, словно занавес в театре.
Струился свет в проходе узком лентами
И мимо проходил меня, бледная, —
Но глаз моих касался он моментами
И я не знал Касания нежнее.*

*Я слышу ироничные вздыхания
Любителей научной тошноты,
Что лишь у полюсов видны сияния —
НО ПОД ЗЕМЛЁЮ ПОЛЮС ТЕМНОТЫ!
Мне не поверят горе-спелеолухи,
Но под землём*

*меня в моих скитаньях
С тех пор всегда сопровождают сполохи
**ПОДЗЕМНОГО
НИКИТСКОГО
СИЯНЬЯ...***

* * *

: Подходит к концу второй месяц моего одиночного пребывания под землёй. Отрабатывая программу тестирования, с каждым снятием информации убеждаюсь: да, именно здесь надлежит заниматься изучением биоритмов. Никакая — как бы она ни была оборудована — наземная лаборатория никогда не даст такой точности результатов; но самое главное — *их чистоты*, не смазанной неизвестными и потому неучтёнными

влияниями. Здесь весь мир — в тебе и лишь ты: *в неизменных в течение миллионов лет каменных стенах...*

Кроме биоритмологической программы решаю много частных задач, связанных с автономным пребыванием в замкнутом пространстве: например, изучаю возможности силикагеля разных марок в качестве средства борьбы с избыточной влажностью, устойчивость работы различных электронных схем в подземных условиях, газообмен в гроте и иные особенности пещерного микроклимата — в частности, образование и движение так называемых “кольцевых токов воздуха”. Обязанных своим существованием не перепадам наружного давления, а явлению адсорбции в пористой структуре известнякового бута и испарению воды на переувлажнённых плитах известняков более плотных пород.

: Рукопись дописана; книги, взятые с собой, прочитаны; чтобы занять свободное время, изучаю по учебнику *Lingua Latina* — язык Вергилия и Петрарки, Марциала и Овидия, Светония и обоих Плиниев, — то есть пытаюсь хоть как-то заполнить образовательный вакуум, вбитый в мою голову советской средней школой.

— Подводя предварительные итоги циркадианной параметрии, страшно жалею, что в силу печальных реалий постперестроечного бытия нет никакой возможности связаться с мсье Сифром (“до перестройки” было проще: даже мысли такой в голове не возникало, ибо понимал: следующая мысль будет касаться времени очередного укола сульфидов в мою экспериментальную задницу), — как бы он отреагировал, узнав о некоторых наших исследованиях?..

: *Всё-таки он — по-настоящему великий человек, и какие бы погрешности теперь ни обнаруживались в его далёких “экспериментах вне времени”, к каким бы выводам ни пришёл — он родоначальник спелеонавтики. Все мы, погружающиеся под землю на длительное время, обязаны ему своим Выбором.*

... Подземное моё бытие устоялось и стало настолько привычным, что кажется более реальным и естественным, чем жизнь в городской квартире. Ловлю себя на том, что со страхом жду, когда явится группа помощников для выемки меня и всего моего снаряжения на поверхность; оторопь охватывает при мысли, что сколь бы ни длилось это моё Пребывание — неизбежно возвращение в город. В больной, проклятый совковый мир, — какие бы перемены ни казались в нём, все они — смена масок, не более. И лучше не будет — а если будет, совсем не благодаря усилиям и воле тех, кто по-прежнему стоит у власти или придёт им на смену.

— У Сифра подобных настроений не было; истощающая тоска по Поверхности, по Свету чуть не погубила два его эксперимента, — *неужели дело в том, что окружает нас наверху?..*

: Я ТАК НЕ ДУМАЮ. Ведь никто его под землю насильно не загонял, — те же исследования подземного ледника вполне можно было проводить наскоками, воскресно-спортивными выездами, — как и для Пребывания избрать более комфортную полость. Говорилось о том неоднократно, — и не только мной.

: Мир Подземли он любил не меньше, чем мы. И для

меня в верхнем мире остаётся немало того, что никогда не даст Вечная Ночь Холодного Камня,— но, погружаясь в неё, я не испытываю приступов депрессии, описанных мэтром. И уж подавно — истерики.

: *Никто из моих друзей никогда не испытывал под землёй ничего подобного — даже Змей с Мокой, пробывшие вне “верхнего мира” в гроте с характерным названием Жона 108 подземных дней,— в гроте, славном своей “нечеловеческой зачумлённостью”, без всяких истерик и стрессов “переписали” все наведёнки и мороки этого места на положительные, добрые. Слившись с Миром Пещеры.*

: Единственное, что они оказались не в силах преодолеть (здесь данное слово вполне уместно),— *насильственную выемку из-под земли.*

... Мои “ностальгии по Прошлому”, как уже говорил, также не были следствием какого бы то ни было “конфликта” с окружающими стенами и сводом.

Даже когда кто-то из моих коллег по спелестологии “завязывал” с подземным хождением — это, как правило, случалось от того, что иные, достаточно важные дела и заботы захватывали интерес к жизни. О времени, проведённом под землёй, не жалел никто.

— Значит, дело в нашем, столь различном в своей основе, “хождении за три света”: в отличие от западных спелеологов (и наших “вертикальных спелеобратьев”) *мы не покоряем этот мир*,— как не являемся в него подобно любопытствующим от скуки экскурсантам,— *с радостью подлинного общения с Природой мы живём им, относясь к Подземле, как к частице своей души, как к самому себе.* Как к неотъемлемой части своего тела. Наверно, в чём-то это отношение близко к отношению американских индейцев к окружающему миру. К отношению ко Вселенной северных народов, исповедующих шаманизм <говорю это с “полной католической убеждённостью” >.

У европейских спелеологов такого чувства *не могло возникнуть в принципе*: каждая пещера — собственность владельца земли, и пытаться оборудовать в ней для жилья гроты,— как и искать какие-то продолжения, разбирая завалы... Несколько смешно.

Потому результаты нашего бытия под землёй такие разные.

* * *

— Забегая вперёд, поведаю вкратце о том, что удалось осознать в результате этого моего Пребывания¹³⁸:

1. Подземная эниологическая изоляция, сопровождающаяся темпоральной

¹³⁸ Я уже говорил об *исключительном праве собственности* исследователя на добытые им результаты; слава Богу, избранный жанр повествования позволяет обойтись без приведения достаточно сложных и громоздких параметрических таблиц — как и обсуждения различных методик их интерпретации.

изоляцией от ноосферы поверхности, имеет место быть в наших каменоломнях наряду со всеми иными видами изоляции от космических и прочих влияний.

2. Полиэтилен (по совершенно непонятным для меня лично причинам) обладает экранирующим энерго-информационным действием – по крайней мере на том уровне, который мне удалось подтвердить экспериментально.

3. В силу отсутствия под землёй эниологических помех и влияний вполне возможно путём некой внутренней фокусировки (возможно – не без помощи отождествляемых с самим собой топологически и структурно сложнейших окружающих пространств) выходить на Контакт с некими энерго-информационными структурами; к какому миру, какой общности они принадлежат — не гадаю.

: это эниологические результаты. Теперь о главной цели моего Пребывания.

1. Двухчасовые биоритмы нашей физиологии не фантомны (в отличие от ряда других, “официально обнаруженных” в наземных лабораториях); на протяжении суток **шесть** биоритмических “плюсов” сменяются **шестью** биоритмическими “минусами” как физической, так и интеллектуальной активности.

2. Физический цикл в 23 дня, эмоциональный в 28 и интеллектуальный в 33 дня имеют право на “официальное существование”.¹³⁹ Поскольку отчётливо подтверждаются несколькими, принципиально разными методиками параметрического тестирования. Именно их суперпозиция¹⁴⁰ определяет то, что “предсказывают” астрологи, исходя из “расположения светил на небе”. “Светила” эти большей частью заключены внутри нас – и трудно представить себе нечто более увлекательное, чем их исследование.

3. Все основные ритмы нашей активности задаются лишь числом и часом нашего рождения; в этот момент они не синфазны. Это очень важный вывод, и он переворачивает многие шарлатанские представления, что стали популярны в последнее время.

4. “Под физический плюс” мои сутки (по циркадианной биоритмической

¹³⁹ Возможно, существует и так называемый “пси-цикл” длительностью около 40 дней; попытки его обнаружения и исследования были целью двух моих следующих экспериментальных Пребываний: 1993 и 1995 гг. Обращаю внимание Читателя, что означенные выводы я сделал в апреле 1991 года, – подчёркиваю это не с целью утверждения некоего “приоритета”, но исключительно с извинениями: *теперь, когда стала доступной научная и популяризаторская литература Запада и принципиально изменилось приборное оснащение лабораторий, мы знаем о биоритмах гораздо больше, – многое, что десять лет назад вызывало недоумённые вопросы или казалось “научной ересью”, ныне полагается “как бы очевидным” — равно наоборот: с рядом иллюзий пришлось проститься.* Что, поверьте, не жалко – ибо эти потери приближают нас к Истине.

¹⁴⁰ На поверхности складывающаяся с гелио-и-селеноциклическими факторами; также с общими циклическими закономерностями развития социума.

ориентации я “сова”¹⁴¹) “растягивались” до 28/32 часов; при “физическом минусе” “сжимались” до обычных 24-часовых. Кроме того, на наши внутренние двухчасовые ритмы оказывает сильнейшее влияние род нашей деятельности: если человек занят интеллектуальным трудом, сильнее проявляются “минусы”; если физическим — “плюсы”. Возможно потому, что сонливость напрямую связана с утомляемостью неокортекса — тогда как физический труд зачастую сопровождается выбросом адреналина. Соответственно, при более интеллектуальных занятиях сутки склонны укорачиваться; при акценте в сторону физического труда — удлиняться. (Но! Творческая увлечённость способна начисто сбить, точнее, помочь организму игнорировать внутренние “циклы усталости”, — часто случается, что после длительного периода некой “творческой активности” ты, поймав себя на полном отупении или кемаре, отходишь ко сну — и не можешь уснуть. И именно в этот момент к тебе может явиться решение Проблемы, над которой ты безуспешно бился последние несколько часов.)

5. Астрологические предсказания некоторых систем полностью коррелировали с полученными мной данными и дневниковыми записями; чтоб не настраивать себя заранее, я специально не изучал перед погружением ни одного астрологического прогноза для своего знака — но выйдя на поверхность и обработав графики наблюдений, сравнил имеющиеся прогнозы с полученными данными.

: В некоторых случаях совпадение было полным — и более, чем удивительным. В частности, мне, никогда в жизни не страдавшему ни одним почечным расстройством, с точностью до недели было предсказано “свалиться” с некой болезнью почек. И — свершилось. По завершении эксперимента я прошёл обследование в клинике; никакой патологии найдено не было. С тех пор прошло 11 лет — и больше почки меня ни разу не беспокоили. Значит, причина была во мне: в таинственных ритмах моей эндокринной системы, непонятно как предсказанных астрологией. Знай я об этом предупреждении заранее — и отнесись с надлежащей серьёзностью — во-первых, не стал бы при транспортной заброске до Сапфира отдыхать на холодных камнях “спиной вниз”; во вторых, уже за неделю до возможного ослабления всего, что функционально связано с почками, перестал перчить свою пищу.

“Кто предупреждён, тот вооружён”. И вся “предопределённость”, —

— В день, когда остался без света у Журнала, у меня по тому же астрологическому прогнозу был “глубокий лунный минус”. По тестированию приборами — “минус” физический и интеллектуальный, эмоциональный “плюс”. Это объясняет моё поведение и почти всё, что случилось. Но

¹⁴¹ В возрасте 43 лет (то есть 11 лет спустя после поведанного Пребывания) в результате длительного “рабочего переутомления” я стал “жаворонком” — мои внутренние сутки сократились с 28 до 20 часов. Является ли это новое состояние моего организма окончательным, я не знаю — но “факт имеет место быть”. Думаю, чтоб выяснить это, нужно погрузиться под землю на не менее, чем месячный срок.

только *почти*:

: Получается, что дальнейшее изучение биоритмов под землёй не отделимо от серьёзных эниологических программ и контакта, как это ни дико звучит применительно к Миру Подземли, с астрологами. *“И возможно, с толкователями снов”*, – мысленно добавляю я.

Потому что вот, что случилось на третьем, завершающем месяце моего подземного Пребывания:

: Три ночи подряд мне снится один и тот же сон. Будто я беру кайло и лопату и вскрываю серый лёссовый конус – след давнего обвала, что замыкает Сапфир.

Сон повторяется во всех деталях секунда-в-секунду, – так, что на третье утро я уже знаю наизусть каждое своё движение. И сколько времени у меня уйдёт на вскрытие этого старого завала.

Получается уж очень смешная цифра – что-то около 15 минут.

: ТАК НЕ БЫВАЕТ.

– А теперь немного топологии, чтоб было понятно следующее:

Представьте себе три заштрихованных квадрата бумаги в клетку: заштрихованных уголком в виде латинской буквы “L”. Левая пара вертикальных клеточек – уже упоминавшаяся мной система ЖБК, соединённая с остальными Никитами внизу этого изображения длинным и узким Чёртовым шкурником. Обитаемый Остров находится на грани нижнего правого квадрата и нижнего левого; практически в самом верхнем углу правого. В начале Пребывания мы с Глашей занимались топосъёмкой граничащих частей этих квадратов – в результате чего поняли, что “смыкаются они довольно плотно – а толку?..” Чтобы попасть в Сумасшедший Барабанщик ЖБК, мне приходится “спускаться” почти до половины разделяющей квадратики линии, причём “вовсе не по прямой”; с неизбежным матом преодолевать Чёртов шкурник, далее “также не по прямой” пилить в левый верхний угол верхнего квадрата ЖБК: не то, что бы Подвиг – но в еженедельно повторяющемся таком путешествии приятного мало; если бы с Глашей проломили разделяющую Сапфир и ЖБК стену, путь немного бы сократился – но не на столько, чтоб это оправдало затраченные усилия.

Правая клеточка/квадратик – Левая система Никит: часть Ближней, Коммундизм, Сейсмозона и примерно половина Дальней¹⁴². Над ней – парный верхней половине ЖБК пустой квадрат: ни один ход из Никит и ЖБК в него не ведёт. По ряду признаков мы знаем, что там тоже должна быть Система – однако пробиться в неё не удаётся. Все завалы, что преграждают туда возможную дорогу, представляются нам *невскрываемыми*. Есть такой диагноз в

¹⁴² Если хотите представить нашу Систему полностью – нарисуйте правее ещё один аналогичный по размерам квадратик: это будут Сетка, недостающие части Дальней и Ближней, Бородинские Поля, Командорские Острова – и система Шкварина. Что “в сумме” часто именуется нами просто Правой системой.

спелестологии – потому что вскрыть, конечно, можно пытаться любой завал — но некоторые “лишь раз в жизни”.

: Эти завалы из таких. Во время последней “экспедиции посещения”, состоящей из Кузи и Глаши, мы оттопосъёмали верхнюю часть “никитского квадрата”, попутно пытаясь пробиться за неё – дальше, в “белое пятно” теоретически существующих ходов (ибо была в том направлении тяга воздуха; дует так же и в Сапфире),– поняв самоубийственность подобных попыток, в отчаянии отступили.¹⁴³

: Обитаемый Остров / Сапфир, в котором я героически отпребывал уже почти три месяца, замыкается серым лёссовым конусом. За которым – тот самый “белый квадрат”.

В направлении конуса дует. Да только *копать обвальные конуса...*

В общем, много суицидальней, чем разбирать самые крутые плитяные навалы.

: Именно так погиб в 1976 году Виктор Шагал. Повторять его подвиг не хочется.

Но *три ночи подряд мне снится один и тот же сон* – будто в пятницу, в 18.00 ровно я беру кайло и лопату – и за 15 минут без всякого стрёма прохожу этот конус. Я записываю сон в дневнике – все три раза, до того он представляется мне дивным. И к вечеру пятницы уже не нахожу себе места: будто дёргает что-то и подбрасывает – изнутри.

Чтоб отвлечься от неприятного чувства, погружаю себя в хозяйственные заботы: вновь готовлю парилку в модуле,– приношу с водокапов 20 л воды, ставлю в модуле на раскочегаренный примус ведро, второй примус просто включаю рядом для поднятия температуры – бензин, как уже писал, я могу не экономить,– чищу картошку к ужину, чтоб после мытья не пачкать руки... Со всеми этими хлопотами, совершаемыми после дневного тестирования, даже не смотрю на часы. Но вот картошка почищена, баночка последних заначенных для праздничного “пятничного отрыва” шпрот вскрыта, и вскрыта упаковка замечательного корейского салата... Вода же в ведре никак не закипает.

: Что поделать – не так-то просто “поднять” ведро воды на совдеповском уёгище марки “огонёк”,– вот, допустим, если б он назывался “пламя” или “пожар революции”...

Впрочем — Боже упаси.

Не глядя на часы и вроде даже не отдавая себе отчёта, машинально беру кайло, лопату – и подхожу к конусу. Копать не собираюсь, ибо со смерти Виктора Шагала одну истину знает каждый, ходящий в Никиты: *конуса*

¹⁴³ Не могу не заметить *теперь*: в одном месте нам не хватило усердия (именуемого также спелеоопытом) и [видимо] должного похуизма к опасности быть раздавленными заживо, выражающихся в метре вполне проходимой осыпи; в другом – всего 0,5; в третьем случае – цепочки завалов, чередующихся гrotами для “перевода духа” – общей длиной около 15 м. Последнее вскрытие мы сделали с Чудовищем зимой 2002 года. *В 1991 году о вскрытии таких завалов никто из никитян и не мечтал. Ни “тихо”, ни “громко”.*

означают разлом коренной породы (в нашем случае 10 метров известняка различных напластований и пять метров мелоподобного мергеля, перекрытых сверху 8 метрами чёрной и серой глины),– разлом, заполненный мелкой, сыпучей породой. Глиной или известняково-мергелевой смесью.

В случае “серого лёссового конуса” – отложениями четвертичного периода, заполнившими разрыв перми, триаса и юры.¹⁴⁴ И получить этот столб земли на голову...

Даже не помывшись напоследок.

Так что просто решаю слегка копнуть – проверить, плотно-ли спрессована земля, не держится-ли на этом эфемерном столбе свод грота?..

: Может, его нужно закрепить – от греха...

– Начинаю копать. К моему удивлению, под тонким слоем глины оказывается не мергель, а вполне прочные и не столь зажатые земляным столбом булыганы. По крайней мере, по правому краю конуса, у монолитной стены грота. А дальше всё происходит, как во сне. С точностью до секунды, до миллиметра. Будто я вижу его в четвёртый раз.

“Дежа вю” и парадоксы солипсизма переполняют сознание; в голове крутится абсурдный идиоматический ряд: вскрытие заначенной баночки шпрот, вскрытие заначенного корейского салатика, вскрытие заначенной Системы...

Впереди обозначается дыра; оттуда явно тянет воздухом. Что ж – сквозняк имел место в гроте и раньше; в том, что тянет из этой недосыгаемой Системы, я не сомневался – только очень сомнительным казалось пробиться в неё сквозь серый лёссовый конус...

: Он, может быть, свод в гроте держал,–

: оставляю подобные сомнения в прошлом и смотрю на часы. Дабы не пропустить время Первого Вечернего Тестирования.

“Московское время – восемнадцать часов пятнадцать минут”,– подсознание голосом телефонной барышни искушает добавить: – *РОВНО*.

: **Открытие свершилось.** В том, что оно Великое и Географическое, я убеждаюсь в следующие полчаса – когда, пробормотав «не вижу, почему бы благородному дону не посмотреть на ируканские ковры», вооружась Двуглазкой и компасом, ныряю в прокопанный лаз.

И к Системе Никиты/ЖБК разом прибавляется недостающая четверть. Названная мной Ируканом.

Я прохожу по ней **первым**: спустя десятки лет после того, как случившееся наводнение остановило добычу белого камня в местных каменоломнях. След давнего наводнения ясно читается в этих штреках – чёрной двойной полосой

¹⁴⁴ Почему каменноугольные известняки наших пластов перекрывают лишь отложения пермского периода (тоже известняк, но тонкий и не очень прочный пласт), триасового (весьма обширный, то есть толстый слой мелоподобного мергеля) и юрского (чёрная гипсовая глина) и начисто отсутствуют отложения мелового периода и палеогена во всех их формах и видах (четвертичный серый лёсс лежит прямо на юрской глине), для меня лично Загадка. Возможно, ответ не знают даже геологи.

проходит по стенам, упавшим плитам, старым трухлявым крепям... *И каждый камешек, каждая плита или обломок крепя под моими ногами поворачиваются и занимают более устойчивое положение.*

: очень странное ощущение — когда ступаешь на поверхность земли *первым из людей.*

* * *

Бутылка, принесённая полтора месяца назад Хмырём, естественным образом дополняет Ужин. Ничуть не влияя на измеряемую параметрию,— потому как если бы не она...

: Все бы мои приборы просто зашкалило —

— *Целых 250 метров, пройденных “с разгона”, то есть даже не перекрытых завалами,— для кого-то покажется маленькой цифрой, но это — Прорыв, Которого Ждали.*

А потому от соответствующих случаю эмоций “не пить нельзя, а то сойдёшь с ума...”

* * *

: Тем более — в столь творческом одиночестве.

ПРЕБЫВАНИЕ-91: ЗАВЕРШЕНИЕ

Странное чувство тревоги

Всех охватило в гроте —

: кто-то вошёл в пещеру.

Или все ждут,

что войдёт.

В следующую пятницу — примерно в 20.00 ‘по московскому времени’ следует прибытие Кузи. С очередной продовольственной помощью и не очень весёлыми городскими новостями. Конечно же, первым делом веду его в Ирукан — ни слова предварительно не говоря. К тому времени я уже знаю эту системку наизусть; более того — на неделе, не дожидаясь прибытия ГО, не выдержал и проломил казавшийся непроходимым шкурник, что уходил из Ирукана в направлении ЖБК,— чем увеличил его размеры примерно вдвое...

— А ведь знаешь, отсюда до средней части ЖБК уже рукой подать... — говорит Кузя. И показывает на пару ограничивающих эту сторону Ирукана завалов,— если завтра копануть этот или этот проходы...

: Ясное дело – откроется *та самая Вожденная Сокроулка* к Сума-сшедшему Барабанщику.

Ужинаем с Кузей по завершении осмотра Ирукана; напрасно прождав в беседах и чередующихся гитарных экзерсисах (Кузя пришёл со своей гитарой) почти до трёх часов “официальной ночи” других членов ГО, ложимся спать.

Во время этих посиделок то один, то другой внезапно вздрагивает – и мгновенно обрывается разговор, песня,– оба прислушиваемся к неким звукам, что слышимы не ушами, но тем внутренним слухом, который дарует нам пребывание под землёй — спустя минуту напряжённой тишины выдыхаем: – нет, показалось... Поблазило, почудилось,– никто в Систему не вошёл.

: *Я к этому времени уже безоговорочно-точно определяю, есть кто в Системе, кроме меня, или нет.*

... В полпятого поднимаемся от звуков, которые издаёт прибывший Глаша. Звуки в основном посвящены грязевым потокам, забившим вход сразу по вхождении в Систему Кузи,– “весеннее снеготаяние – обычное дело”.

– Раньше приезжать надо. Я входил почти по суху,– сообщает ему Кузя. – Хотя уже текло. И не слабо.

– А как выходить будем? – уныло вопрошает Глафир. – Я три часа потратил, только чтобы внутрь пробиться...

Подловатенькая мысль изнутри: *как славно, что это – не мои проблемы...* Мне до выхода ещё две недели.

Решаем, что “утро вечера мудренее” – и, напив абсолютно мокрого и просто невероятно грязного Глашу крепким горячим чаем, ложимся спать.

Днём являются Сап, Лещина и Гарри. С интервалом примерно часа в два меж каждым явлением. Прибытие, точнее, вход в Систему каждого из них безошибочно ощущается/чувствуется мной – сказывается длительность Пребывания,– как ощущается их приближение к гроту,–

И вид у них такой, что...

: слова, что они сообщают по поводу входа, тоже не сильно радостные.

Но каждый вводится мной через прокопанный лаз в Ирукан – и там в восхищении забывает все свои проклятия.

– Ведь это ж надо ж... – повторяет Лещина,– сколько лет этому гроту... Ещё “Вандереры” в нём стояли — и никто не догадался ткнуть лопатой в конус...

Все сходятся на мысли, что до ЖБК из Ирукана до более 5 метров.

Делаем съёмку Ирукана и примыкающей части ЖБК; два полукольца практически сходятся как минимум в трёх точках.

Настроение у меня – не просто триумфальное. К тому же получается, что от дальней части Ирукана до вскрытой Змеем системы УХА тоже “совсем не далеко”,–

– “То перспехтива – шо ни ховори”,– цитирует Сап “Реостатов”.

– Действительно. Однако времени на вскрытие возможных соединений не остаётся — явно аварийное состояние единственного входа в Систему вынуждает ребят бросить все свои силы на

сражение с ним, а потому они покидают меня в воскресенье практически сразу после подъёма:

: Чтобы успеть выброситься наверх, пока взошедшее солнышко не растопило над входом новой порции “весенних дермищ”.

Уходя, они строго-настрого запрещают мне одному рыться в Ирукане на предмет воссоединения с ЖБК – что дано один раз, повториться не может “по определению”.

Что ж: не маленький, сам понимаю.

А потому “не рыпаюсь” и из Сапфира в сторону Ирукана даже не посматриваю. “Во избежании”.

Вместо этого тестирую себя под всё более и более неотвязное ощущение: *до судороги, до рвоты не хочется выходить на поверхность,*–

Особенно в свете того, что рассказывают ребята о творящемся там — называя происходящее новым, появившемся за время моего подземного пребывания, словом: БЕСПРЕДЕЛ.

Наверное, это невесёлое ощущение рождает (в подсознании) фантастические строки, перекликающиеся с Александром Аркадьевичем Галичем — и одновременно с какими-то событиями моей как подземной, так кажущейся всё более призрачной городской жизни. Рифмоза — опасная болезнь, в чём-то сродни графомании,– излечить, изгнать невозможно. Но приступ в острой фазе снимается бумажными закорючками типа таких¹⁴⁵:

*‘Я мечтал не о морях о кораллах –
я поестъ хотел ...’*

*У ГО моей спросите – у Глаши;
У орла его спросите – Пегаса:
Ну не капельки я не был поддавши,
Разве только одуревший с экстаза.
Я культурно проводил Гарри с Сапом,
Я помылся и попарился даже –
Кстати, мыться в иккородёре не сахар:
Из канистры, разорвавшейся там же.
В общем, так я проводил воскресенье –
И гостей (расперемать их без света!) –
Чтобы больше не иметь потрясений
И культурно отдохнуть: беспредметно.*

¹⁴⁵ Необходимый комментарий: Пегас – пожизненный приятель Глаши; был прозван так за любовь к известной марке сигарет; Проглот – сыяновско-киселёвский спелестолог и одновременно мой сосед по коммунальной квартире – в те годы работал водителем в Прокуратуре; Пюля первым из Никитского Круга “двинул в сторону Запада” – в Чехию; ну, а о том, что в те годы по милости коммуныг страну просто парализовал самый настоящий голод – говорить специально без надобности.

Только сказочный покой нам не снится –
 Вечный бой долбит усталостью в уши
 Приключенье пожелало явиться
 По мою многострадальную душу:

Будто принял я плиту на хребтину –
 Тонн в пятьсот, – короче, замер и обмер –
 Вижу: в штрёке проезжает машина...
 Членовоз – и домодедовский номер.
 Я с перепугу: мол, снова гость
 (Сбежавшего вспомнил в Чехию) –
 Да только на Пюлю напрасна злость:
 Из тачки – “абзац, приехали”.

В голове моей немного мутится –
 Разве только с перепугу не кончил:
 “Это ж надо же такому случиться!”
 Не в бреду – а наяву, между прочим!..

“Слушай, паря, – вылезает водила, –
 Не въезжаю я в такие расклады:
 Это что ж за невъёбенная сила
 Так покоцала дорогу на склады?”
 Я стою – и сам понять не способен:
 То-ли жив, а то-ли нет – разберися:
 То-ли, может, я действительно помер –
 То-ли, значит, и сюда добралися.

Но гляжу в глаза я честно водиле –
 И такую от него слышу фразу:
 “Где-н-то, значить, в темноте проскочили
 Поворот на сверхсекретную базу.

Я вчера ещё мотал трассой энтой, –
 Глядя в штрёк, водила мне сообщает, –
 Всё в порядке: трасса-люкс, хоть без света;
 А сегодня ни во что не въезжаю...
 Тут на танке разве впору кататься –
 Хоть моя машина чем хуже танка?
 Только стала и она рассыпаться:
 Танк-не-танк, а исключительно жалко!”

Я по дружески его – в темя, в семя:
 У меня ж Проглот сосед и приятель!
 Да и просто ни к чему в наше время
 Дорогую этак технику тратить.

В общем, выпили мы с ним антифризу –
 Или спирту, то есть сразу из бака –
 Ну, и он мне говорит (здесь без риска):
 – Засношал меня начальник, собака!

*Каждый день гоняет, падла, на схроны –
 На подземные свои полигоны:
 Он заведует у них обороной,
 Блинн, гражданской – хоть и ходит в погонах.*

*Уж затрахал, – дальше плачет водила, –
 Он и в хвост меня, и в перхоть, и в гриву:
 Вот приспичило голландского сыру –
 И лети за энтим грёбаным сыром!*

*А на складе – хочешь, в сыре купайся,
 Хочешь – в мясе, или, скажем, в изюме –
 Там всего полно: живи, отъедайся –
 Склад ЦК – не продовольственный в ГУМе!
 И сидим мы с ним вот так – выпиваем,
 И такой у нас контакт вышел сразу!..
 < В Ирукане, не иначе – смекаю –
 Вскрылся ход на сверхсекретную трассу! >*

*И уже у нас пошли разговоры
 И про то пошли, и даже про это, –
 Он от нашей от свободы готовый
 Полстраны продать – и мать с ПСС-ом.¹⁴⁶*

*“Эх, – кричит, – я тут навечно останусь:
 Тут тебе ни топтунов, ни сексотов!..
 ВОЛЯ ЗДЕСЬ!!! Давай ещё по стакану –
 И махнёмся, мол, бельишком – чего тут?
 Ты хоть там слегка отъешься на складе,
 Пожуйёшь – как все нормальные люди –
 Ну, а чтоб не оказаться в накладе,
 Вот те ксива: что угодно, добудешь!”
 Вот это да; вот это – да...
 – ВОТ ЭТО ДА!!!
 Спасибо! Белому – ура.
 А нам пора...*

*Отыскали мы проход потаённый;
 Танк партейный пропихнули обратно.
 Я за руль – и по газам вдохновённо, –
 Ну, а он дыру забутил, как надо.*

*... И ишачу я с тех пор, как в неволе,
 Всё козлов вожу, да ихних мохнаток
 И шугаюсь рэкитёров – но боле
 Ненавижу демократов пархатых.
 Как ни глянь – труба настанет иль крышка:
 Иль свои сгрызут, иль илённут чужие –*

¹⁴⁶ Для тех, кто подзабыл или, слава Богу, никогда не слышал: ПСС — полное собрание сочинений В. И. Л.

*Мне бы снова в тот проход — только слишком
Хорошо мы ту дыру заложили.*

По всему видать, что в мире я лишний —

И ни отдыхом не занят, ни делом.

Разве это называется жизнью?

Именуют эту Ж. беспределом.

... Нет, друзья, копать надо поближе:

Не в родных до перематери штреках —

Мы ж их, гадов, подрываем — и мы же

Пропаем, как кроты, через это!

А ВСЯ ЖИЗНЬ НОМЕНКЛАТУРНАЯ —

ЛАЖА!

ДАЖЕ ХУЖЕ, ИЗВИНИТЕ,

ЧЕМ ВАША!..

P.S. 'Я ступил бы на корабль,

но кораблик —

Плекс, обёрнутый газетой

ВЧЕРАШНЕЙ...'

... ладно. Излил душу в “номенклатурной лексике” — полегчало.

: Примирил сам себя с неизбежным возвращением в город.

* * *

Так случилось, что к идее вскрытия ЖБК из Ирукана нам удалось вернуться лишь через год — двумя группами мы начали “наперегонки” вскрывать сразу два параллельных хода; через полдня работы эта деятельность увенчалась успехом — и так получилось, что в ЖБК первым удалось пробиться мне. В паре с работавшем со мной Херургом — Сашей Вилковым. Конечно, это тоже был Праздник — будто поставивший некую, весьма важную точку. В открытии, начавшемся с повторяющегося, подобно “дежа вю”, сна.

* * *

... Возвращаюсь домой

Из пещер, из далёких походов.

Ухожу из мечты —

Будто кончен любимый урок.

Оставляя покой,

Тишину и величие сводов:

Неземные цветы

Приходящих от неба дорог.

Возвращаюсь домой —

Из чудесных реальностью сказок,
 Чтоб бездомную совесть
 К рабочему месту пришить.
 Что случится со мною:
 Кладовкою каменных масок,
 Тем, кто правильным словом
 Затмил головёшку души?..

Но природа молчит,
 Погружённая в вечную думу
 О суетности тщет
 Обретения истин людьми —

Только Время строчит
 Письменами натёков угрюмых
 Свой единый завет
 Не рассудку – душе:
 НЕ УМРИ.

: ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ...

Меньше всего это напоминает торжественную выемку обездвиженного дистрофией и депрессией тела М. Сифра из его самых знаменитых экспериментов. Ни вертолётот, ни телевиденья с прессой — и “встречающих с цветами и овациями” примерно столько же.

Нет даже обещанной группы выброски – и на неделю я уже пересидел под землёй запланированный срок в напрасном ожидании Гарри, Глаши, Лещины и Сапа.

: Рукопись дописана и переписана, книги прочитаны; плэр, что подарил мне не только требуемые для тестирования слуха звуки – но и немало приятных часов волшебной пещерной акустики, пал естественной смертью от окружающей влажности.¹⁴⁷ Так что 80 кассет, предусмотрительно захваченных с собой, вторую неделю лежат мёртвым грузом. Программа параметрического тестирования завершена и даже подсчитаны некоторые результаты – конечно же, вчерне; но и они влекут весьма интересные размышления... Однако, *что самое скверное* — начисто вышло курево. Конечно, можно прожить без него,– продолжить тестирование... Но организм, лишённый привычного никотина, даст *такие сбои*, что “научными” полученные результаты назовёт разве самый отъявленный шарлатан от экстрасенсорики.

¹⁴⁷ Вообще я заметил, что всякая самоделка, собранная хоть “на коленках”, но с любовью и заботой о грядущей эксплуатации, *служит под землёй несравненно дольше, чем конвейерно отштампованные вещи*. Первым из моей аппаратуры на этом пребывании вылетел плэр (был заменён на второй); затем пал энцефалограф (тоже официально-фирменный; за отсутствием возможной замены был починен по месту эксплуатации),– затем снова плэр (поскольку заменять было нечем, был чинен),— и так далее.

: Все мои “самоделки” с честью оттрубили до самого конца Пребывания.

Тем не менее, приходится ждать — и маяться бездельем, и недостатком привычного никотина...

Потому что одна из существенных причин, по которой мне нужно дожидаться группы обеспечения — даже не вес сопровождающего меня оборудования (около центнера). А то, что в силу собственного разгильдяйства при заброске я забыл дома “выходной кофр” с необходимым для появления на поверхности набором: львиной дозой витамина С в целях “аскорбиновой блокады”, антигистаминными препаратами и — главное! — тёмными очками.

: выйти на поверхность после трёхмесячного Пребывания в стерильном климате — это, как минимум, тут же свалиться с какой-нибудь вирусной инфекцией. А потому навестившему меня с последней экспедицией посещения Сапиенсу были даны ключи от моей коммунальной хоромы и точные указания, где находится забытый кофр.

: Я буквально вижу его, сиротливо стоящего на полу посреди кабинета...

Не Сапа — кофр.

Но “выход близится, а Сапиенса нет”...

И Лещины с Глашей и Гарри — “примерно столько же”. Хорошо, — Лещину вполне могли “припахать” в школе, где он работает; Серёга искренне опасался, что до “майских ид” не сможет появиться в Никитах. У Гарри могла случиться внеплановая высотная работа — как и я, он вынужден применять своё электронно-звуковое образование на верёвках (в основном по классу штукатурки, мытья окошек и герметизации — ибо покраску “не очень жалует”), — что поделать, промалып славен своей полной, иной раз, непредсказуемостью. Полгода можно ждать обещанного ещё позавчера объекта, — а потом, когда друзья перестают давать тебе в долг и пускать ужинать — разом, с интервалом в полчаса максимум, звонит десяток менеджеров. Предлагая объекты один лучше другого, — и именно в таком порядке: вначале самый худший и крайне невыгодный, на который ты тут же, естественно, соглашаешься, — затем “почти удовлетворительный”, после “как бы почти хороший” — ну а потом, для полного твоего инфаркта, просто замечательный. В день выхода на самый прогарный. И чуть позже — столь финансово выгодный, что рассказать — не поверят.

: Так что отсутствие Гарри (как и Кирина, занятого аналогичным видом заработка) вполне объяснимо.

— Но где же, чёрт возьми, Сапиенс и Глаша?... И, если уж на то пошло, Кузя: три месяца исправно доставлял мне свежий хлебушек совместно с прочими “вкусностями”, — и будто сгинул. < Об отсутствии Хмыря не горюю, потому как знаю: строительный ‘коопрорватив’, что он организовал на заработанные вместо квартиры в Рагуне деньги, пожирает все 24 часа его суток — “а быть может, и больше”. >

... ладно. Условимся не забивать себе мозги вопросами, на которые невозможно вразумительно ответить.

: **Перекрыв на неделю срок намеченного Одиночного Пребывания** (в жутких безникотиновых судорогах, ибо чего у меня не было “по два, по четыре, по шесть” — это курева; оно первым и кончилось), *принимаю неиз-*

бежное решение: выбираться наверх “своим ходом”. Всё равно эксперимент окончен. А рекорды пребывания под землёй меня никогда не прельщали.

— *В конце концов, мало-ли что могло там случиться?.. Если прошлое у этой страны непредсказуемо — то настоящего просто нет.*

: В последние три дня усилено тренирую избалованное Двуглазкой зрение,— по несколько раз в день почти вплотную смотрю на яркое пламя свечи, затем перевожу взгляд в сторону,— и обратно. Затем собираю транс сэкономленной еды (в доме ни копейки, ни чайной крошечки), тщательно пакую приборы, кассеты, книги и оставляемое лагерное снаряжение — и выхожу на поверхность. САМ. Не взирая на отсутствие ГО и размеры (вкупе с весом) выволакиваемого трансa. < Краткий состав выносимого: записи всех моих наблюдений и измерений вкупе с рукописным вариантом “ДНК” и результатами иных творческих озарений; пара наиболее хрупких и ценных приборов, пять банок бундесовой тушёнки, по килограмму риса, вермишели, гречки, макарон и ‘овсянки, сэр’; пачка чая, кило сахара, набор приправ, три рыбных консервы, несколько наиболее любимых книг, расстаться с которыми мне не представляется возможным, полный набор сменной одежды вплоть до анорака и тёплой куртки — кто её знает, верхнюю погоду?.. — лист пены для армирования всего этого и, соответственно, рюк для ‘послевыходной’ перепакровки. >

Не могло не тревожить меня и состояние входа: уходя две недели назад, ребята выкидывались поутру, пока солнышко не способствовало усилению стекающего во вход нивального селя; конечно, перед тем они, как могли, “подработали” и расчистили уже затекшие дерьмищи — но в последующее время упомянутое было предоставлено “само себе” и вполне могло если не закупорить, то наполовину перекрыть вход. А потому в условно свободной руке нёс сапёрную лопату. Слава Богу, не пригодившуюся: расчищенный Глашей проход пропустил затекающую смесь сквозь себя, и хоть прохождение вертикального входного колодца “с элементами неизбежно затекшей в него мерзопакости” с тяжеленным трансом “радости не подарило” — лопата не понадобилась. Оставил её в нише с метеоприборами. *О чём не пожалел, когда мы с Лещиной и его учениками явились за оставшемся моим снаряжением.*

Время выхода пытаюсь подгадать к последнему рейсу местного автобуса, чтоб а) не оказаться под сверкающим апрельским солнышком со своими отвыкшими от его осветительных услуг глазами; б) не пилить шесть километров пешедралом до станции.

У выхода меня не встречают своеобразные весенние потоки сильно сжиженной грязи, именуемой “родными дерьмищами” (отбулькались с месяц назад),— и на том спасибо. < Поток этой жижи, вызванный Первой Майской Грозой, начисто зальёт вход через две недели — когда я, оправившись от неизбежно подхваченной наверху инфекции, вернусь сюда с Лещиной и его самыми крепкими учениками для выемки оставленного снаряжения — и нам придётся продираться с кучей трансa и кофров через омерзительный трёхметровый грязевой сифон вертикального типа, к тому же с сильным встречным течением... >

: Сифра вынимали из-под земли лебёдкой, после чего под стрекотанье кинокамер и фотоблицы погрузили со всей возможной осторожностью в вертолёт, выделенный по такому случаю ВВС Франции. Надобности самому вынимать за собой снаряжение у него не было – как и тащить из-под земли в город транс продуктов.

... выходя на поверхность, тут же поскользываюсь – и неторжественно съезжаю на заднице с покрытого жидкой грязью склона. Сверху – дождь; транс верно катится рядом.

: *Отличие французской спелеонавтики от нашей очевидно.*

Затем наблюдаю удаляющиеся от автобусной остановки красные габариты автобуса (обычное дело: уехал раньше времени на пять минут, – желание водителя поскорее завершить трудовой день очевидно), – после чего под ударами осадков бреду 6 км пешком до станции. Ветер швыряет в лицо колючую комбинацию ледяных капель и града. Лицо отвыкло под землёй от таких пакостей; ноги – от гарцевания по грязи. Страшная боль не столько в икроножных мышцах, сколь в сопровождающих их костях и связках ясно показывает, что за три месяца организм начисто отвык от прямохождения. Тем более – под здоровенным шмотником. Чей вес благодаря дождю...

Домодедовский вокзальчик воспринимается, как нереальная картинка из какого-то чужого будущего — впрочем, боль в ногах не позволяет увлекаться аллюзиями. Как и обращать внимание на окружающие предметы. Хорошо, что благодаря огромному рюку в свободном сидячем месте я не нуждаюсь. И что благодаря постоянной тренировке глаз свет электрички не вызывает истерики даже в 1/10 сифра.

И соседи оказываются дома: славные мои друзья Володя и Нина.

Не исключая Проглота со своей женой (между прочим, бывшей моей – но к данному году былые срасти улеглись, куда им и было положено), –

— *Что б я без них?...*

Здесь нужно отметить, что даже если б Проглота, Ольги, Володи и Нины по какой-то причине не оказалось дома, не менее тёплый приём мне оказала бы ещё одна пара, составлявшая в сумме со мной население нашей коммуналки: пожилые алкоголики Лида и Миша, – удивительно добрые и отзывчивые люди. Именно Лида, работавшая в столовой, достала мне “неликвидное мясо” для изготовления самодельной тушёнки; Миша, заядлый рыболов, обеспечил несколькими килограммами наловленной им лично в каком-то болоте рыбы – размерами не превышавшая кильку, пахла она соответствующе, – однако не в моём положении было отказываться и от такого рода гуманитарной помощи: приготовил с соответствующим количеством пряностей, закатал в банки — и пользовал по особо праздничным случаям в качестве деликатеса, самовнушительно именуя “анчоусами в подмосковном соку”.

: “+” коммунального жилья очевиден. Но в свои комнаты я попасть не могу. Звоню по телефону Сапу (номер набирает Володя, поскольку я в это время слой за слоем стягиваю с себя мокрую насквозь одежду). Выясняется, что Сап был сослан начальством в места, от города Апатиты не сильно отдалённые: для

испытания в тамошних *фодинах* своей сейсмо-компьютерной системы. Оттого и “продинамил” мою выброску. Вернулся домой лишь сегодня утром,— “еле успел...” Но по телефону — ни одного лишнего слова:

– ВЫЕЗЖАЮ. СКОЛЬКО БРАТЬ?..

: Чего — не уточняется. Ибо домашние напитки Сапиенса известны в Никитском Кругу не хуже мамонтовки.

В ожидании ключей от личных апартаментов общаюсь с Володей и Ниной. Отношения у нас не просто *добрые*,— к приезду Сапа я накормлен ужином, немного напоен водовкой на лимонных корочках — и даже успел принять душ “в первом городском приближении”.

— *Так завершается это моё экспериментальное Пребывание. После которого я твёрдо уверен в одном: спелеонавтическое изучение биоритмов и спелеоаномальных явлений — Ключ к разгадке многих тайн Природы и Человека.*

Что бы ни говорил некто, разочаровавшийся скорее в себе самом, нежели в возможностях спелеонавтики — за этими методиками Будущее.

* * *

Наступит оно или нет — вопрос иной.

Над которым нет никакого смысла ломать свою экспериментальную голову.

* * *

... однако, пространное повествование требует более мажорного завершения. Коль свадьба по ряду причин невозможна — хоть какой-нибудь “праздник внутрижанрового значения”. Типа находки сундучка с сокровищами.

— Что ж, было такое и в этом моём Пребывании. Точнее, по завершении его:

: Открыв < полузабытым движением; не без трепета > дверь, ведущую в Личные Апартаменты, вижу на полу белый конверт. Поднимаю его; в коридорном свете читаю надпись: *«Твоя доля за расхучивание Большого Театра (говорят, его теперь переименуют в Малый). Кирин.»*

: Месяц перед Погружением в Никиты мы долбили его разрушающуюся штукатурку, готовя здание к Большому Капитальному Ремонту. Естественно, с верёвочек — ибо громоздить леса заказчику работ показалось бессмысленной роскошью: денег министерство культуры выделило лишь на подготовку к ремонту.

Но не на сам ремонт.

Ну, мы и подготовили. От всей души и со всего возможного на верёвке размаха.

: *Страшно было смотреть на здание в последний день*

работы, – будто шкуру содрали...

Раскрываю конверт, пересчитываю сумму (непривычно созерцать новые для меня дензнаки – весьма смахивающие на фальшивку) – и понимаю: если это действительно настоящие деньги, а не розыгрыш признанного Малер Кирина — не то, что со всеми долгами расплачусь,–

: на вполне безбедную жизнь хватит. Месяца на три.

Это – не Праздник?..

... прохожу в комнату. В ней, естественно, темно. Надо включить свет – рука автоматом взлетает к виску (не для “отдания чести жилищу”, но для привычного включения налобника),– рву движение на половине. Понимаю, что где-то должен быть выключатель,– только где он? Справа или слева от меня, на какой высоте?..

НЕ ПОМНЮ.

: за три месяца подземной жизни городские рефлексy ушли, начисто заменяясь новыми.

Дабы не показаться идиотом, просто захожу в темень,– после трёх месяцев Подземли вполне хватает света, что падает из окна комнаты и коридора.

Сапиенс ступает за мной. И включает свет.

“Ага – так вот где он у меня, оказывается...”

: Выключатель.

— Вижу, что электрические часы показывают какую-то ересь (результат очередного сбоя в системе Мосэнерго за время моего отсутствия); подхожу к телефону, что стоит на столе в кабинете, и долго гляжу на кнопки набора. Стоя с поднятой трубкой в руке.

: Понимаю, что на какие-то три цифры нужно нажать. И женский голос вежливо сообщит мне, который теперь час. С точностью до минуты. Но какие это цифры — НЕ ПОМНЮ.

Хоть убей.

Раздосадованный, вынимаю из-за пазухи свои часы – сверяюсь с ними.

— И ТАК ДАЛЕЕ...

* * *

Поскольку о том, как проходила моя “послепребывальная” реадаптация в санатории “Голубые озёра” близ Удомли, сполна поведано в повести “Посвящение Носителю” – повторяться не буду.

Да и что: реадаптация? Всё равно, какой бы успешной она ни была — возвращение в город смерти подобно.

: Точнее – дистрессу. Причём в острой форме.

Обороть, преодолеть который можно лишь одним способом: творческим энергетическим выбросом.

Так что вот он¹⁴⁸ —

ЯВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПЕРЕЗАНИМАНИЯ СПЕЛЕСТОЛОГИЕЙ

“Не так страшен вход – как выход!”

- Твоя квартира ничем не отличается от пещеры.
- У твоей собаки есть комбинезон для хождения под землю.
- Ты не помнишь свой адрес, зато знаешь, как пройти.
- Купив машину, первым делом заменяешь неэкономичные лампочки в фарах на светодиоды.
- У тебя есть нарисованная от руки карта метро, поскольку ты не доверяешь официальной схеме.
- Ты не спускаешься в метро без лопаты и компаса.
- У входа в твою квартиру лежит Журнал для записи входящих и выходящих.
- Входя в квартиру, привязываешь к дверной ручке нитку.
- Подходя к газовой плите на кухне, ищешь насос.
- Включая настольную лампу, мысленно прикидываешь, на сколько хватит света.
- Купленную водку вместо холодильника заначиваешь в постели.
- Бутылки не выкидываешь в окно, а разбиваешь в сортире.
- Под сорванный на кухне кран подставляешь кан на ночь.
- Мусорное ведро порываешься вывалить в унитаз.
- Посуду после вылизывания вытираешь влажной газеткой.
- Раз в неделю скопившееся в унитазе дерьмо выжигаешь, облив литром бензина.
- Перед выходом на улицу проверяешь наличие запасного света.
- Перед сном пытаешься задуть ночник; если это не получается, лезешь к лампочке, посплюнявив пальцы.
- Вместо хлебницы хлеб держишь в полиэтиленовом пакете, который на ночь подвешиваешь на специальный крюк в центре комнаты и повыше от пола; туда же складировать остающиеся после гостей сыр и колбасу.
- Консервные банки не выкидываешь, а вымокав хлебом, складировать под кроватью (пригодятся для ремонта снаряги); туда же отправляешь пластиковые бутылки из-под пива (пригодятся принести в квартиру воды), – и вообще мусора оставляешь немного, ибо это не мусор, а запасные материалы.
- После второго стакана в гостях на неподпёртый крепью потолок смотришь с нескрываемым ужасом, автоматически пытаясь не занимать место под

¹⁴⁸ Кроме своих строк цитирую также строки на эту тему Пауля Пилигрима и Саши Никольского.

люстрой.

— Ты не покупаешь сотовый телефон только потому, что он не работает под землей.

— От покупки машины отказываешься потому, что на ней нельзя доехать до любимого грота.

— Время от времени тебе приходит в голову мысль, что неплохо бы забурить сифонящую форточку и заодно подпереть чем-нибудь потолок.

— Когда едешь в транспорте, автоматически смотришь вверх — выбирая место, где нет капли.

— На подкарнизные сосульки взираешь часами — с явным благоговением во взоре и абсолютным недоумением: **ну какие загадки минералогии приводят к образованию столь совершенных и прозрачных сталактитов???**